

2025 | Том 17 | №1

ISSN 2074-9848
e-ISSN 2310-0532

2025
Т. 17
№1

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ОБЩЕСТВО

ЭКОНОМИКА

ISSN 2074-9848
e-ISSN 2310-0532

БФУ

**БАЛТИЙСКИЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ИММАНУИЛА КАНТА**

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

BALTIC REGION

2025 || Том 17 || № 1

КАЛИНИНГРАД

**Издательство Балтийского
федерального университета
им. И. Канта**

2025

12+

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

2025
Том 17
№ 1

Калининград :
Изд-во БФУ
им. И. Канта, 2025.
166 с.

Журнал основан
в 2009 году

Периодичность
ежеквартально
на русском
и английском языках

Учредители
Балтийский
федеральный
университет
им. Иммануила Канта
Санкт-Петербургский
государственный
университет

Редакция
Адрес: 236016,
Калининградская обл., г.
Калининград, ул.
А.Невского, д. 14

Издатель
Адрес: 236041, Россия,
Калининград,
ул. А. Невского, 14

Титография
Адрес: 236001, Россия,
Калининград,
ул. Гайдара, 6

Выпускающий редактор
Кузнецова
Татьяна Юрьевна
tikuznetsova@kantiana.ru
<https://balticregion.kantiana.ru/>

© БФУ им. И. Канта, 2025

Редакционная коллегия

А. П. Клемешев, д-р полит. наук, проф., главный редактор, БФУ им. И. Канта (Россия); **Т. Ю. Кузнецова**, канд. геогр. наук, зам. главного редактора, БФУ им. Канта (Россия); **Й. фон Браун**, проф., Боннский университет (Германия); **И. М. Бусыгина**, д-р полит. наук, проф., МГИМО (У) МИД РФ (Россия); **В. В. Воронов**, д-р социол. наук, Даугавпилсский университет (Латвия); **А. Г. Дружинин**, д-р геогр. наук, проф., ЮФУ (Россия); **М. В. Ильин**, д-р полит. наук, проф., МГИМО (У) МИД РФ (Россия); **П. Йонниemi**, старший научный сотрудник, Университет Восточной Финляндии (Финляндия); **Н. В. Каледин**, канд. геогр. наук, доц., СПбГУ (Россия); **В. А. Колосов**, д-р геогр. наук, проф., Институт географии РАН (Россия); **Г. В. Крепинин**, д-р ист. наук, проф., БФУ им. И. Канта (Россия); **Ф. Лебарон**, проф. социологии, Высшая нормальная школа Париж-Сакле (Франция); **Н. М. Межевич**, д-р экон. наук, проф., Институт Европы РАН (Россия); **А. Ю. Мельвиль**, д-р филос. наук, проф., НИУ — ВШЭ (Россия); **П. Оппенхаймер**, проф., Крайст-Чёрч, Оксфордский университет (Великобритания); **Т. Пальмовский**, д-р географии, проф., Гданьский университет (Польша); **А. А. Сергунин**, д-р полит. наук, проф., СПбГУ (Россия); **Э. Спиряевас**, д-р географии, проф., Клайпедский университет (Литва); **К. К. Худолей**, д-р ист. наук, проф., СПбГУ (Россия). **А. Е. Шаститко**, д-р экон. наук, проф., МГУ имени М. В. Ломоносова (Россия); **Д. Шиманска**, д-р географии, проф., Университет Николая Коперника в Торуне (Польша)

Подписной индекс 32249

Тираж 300 экз.

Дата выхода в свет 09.04.2025 г.

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-46309

от 26 августа 2011 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Политика и международные отношения

- Ермина Н. В.* Балтийский регион в британской стратегии безопасности после начала специальной военной операции России 4
- Ланко Д. А., Зотова Д. А., Немирова Н. В.* Страны Балтии на пути к энергетическому изоляционизму: вместе или порознь? 19
- Буковска М. В., Шапаров А. Е., Питухина М. А.* Политическое представительство саамов в странах Северной Европы 44

Общество

- Агафошин М. М., Горохов С. А., Дмитриев Р. В.* Выходцы из стран Африки в Дании: территориально-организационные аспекты расселения в 2010-х — начале 2020-х годов 65
- Талалаева Е. Ю., Пронина Т. С.* Этнический и религиозный аспекты иммиграционных процессов в Финляндии 82
- Хорольская М. В.* «Почему восточные немцы любят русских»: причины большей симпатии к России в новых федеральных землях ФРГ 99
- Курилова А. А.* Анализ конвергенции цифрового неравенства среди населения регионов России 117

Экономика

- Терехов А. М., Овчаров А. О.* Трансмиссия финансового заражения в странах Балтийского региона в период энергетического кризиса 2021 — 2022 годов 141

ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН В БРИТАНСКОЙ СТРАТЕГИИ БЕЗОПАСНОСТИ ПОСЛЕ НАЧАЛА СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ РОССИИ

Н. В. Еремина

Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7—9

Поступила в редакцию 31.03.2024 г.
Принята к публикации 03.10.2024 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2025-1-1
© Еремина Н. В., 2025

Представлен анализ современной британской военно-политической стратегии в Балтийском регионе. С 2014 г. мы наблюдаем здесь увеличение британского присутствия. Это ведет к возникновению множественных рисков безопасности для России, особенно с 2022 г., поскольку в Великобритании угрозы национальной безопасности поставили в зависимость от политики России на Украине, в Черноморском и Балтийском регионах. Обращая внимание на позиции России на Балтике и в Черноморском регионе, британцы определяли свои приоритеты безопасности, прямо связывая их с ответом на «угрозы со стороны России и стремлением не допустить получения Россией стратегических преимуществ в результате ситуации на Украине», что четко обосновано в Обзоре безопасности от 2023 г. Неслучайно британские военные стратеги стали указывать на связность Балтийского и Черноморского регионов, а также Балтийского и Арктического регионов и необходимость поддерживать безопасность в одной их части за счет решения проблем безопасности в других через вытеснение из них России. Благодаря анализу ключевых британских документов в сфере безопасности в рамках концепции региональных комплексов безопасности автор показывает, как Балтийский регион становится для британских военных стратегов необходимым связующим звеном между Крайним Севером и Восточной Европой. Цель статьи — определить, как интересы Великобритании в сфере безопасности связаны и решаются через взаимодействие со странами Балтийского региона. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: 1) проанализировать концептуальные и стратегические задачи Великобритании в сфере безопасности и реализации национальных интересов; 2) обозначить роль и место Балтийского региона в общей стратегии Великобритании на международной арене в сфере безопасности; 3) выявить конкретные тактические приемы Великобритании для реализации национальных интересов посредством ее взаимодействия со странами НАТО в регионе.

Ключевые слова:

Балтийский регион, Арктика, Соединенное Королевство, Россия, НАТО, безопасность

Для цитирования: Еремина Н. В. Балтийский регион в британской стратегии безопасности после начала специальной военной операции России // Балтийский регион. 2025. Т. 17, № 1. С. 4–18.
doi: 10.5922/2079-8555-2025-1-1

Введение

Исследования в сфере проблем безопасности за последние пять лет показывают, что Балтика становится важным регионом для многих членов НАТО, которые принимают участие в совместных учениях, наращивают свое присутствие, начинают говорить о разделяемой ответственности за безопасность балтийских стран. В военно-политический обиход вошли понятия «Балтийско-Скандинавский регион», «Балтийско-Черноморский регион» [1—6]. Это позволяет говорить о геополитической регионализации Балтийского региона. Так, Н. В. Каледин и А. Б. Елацков указывают, что «в самом широком смысле мы можем рассматривать не просто Балтийский регион как таковой, а Балтийскую региональную геополитическую систему. Она охватывает не только понимаемый в том или ином смысле сам Балтийский регион, но и геополитические отношения с внешними акторами, имеющими геополитические интересы в регионе и значительно вовлеченными в них» [7, с. 149]. Однако взаимодействие в Балтийском регионе осуществляется вовсе не по собственной инициативе отдельных стран, а благодаря их сотрудничеству в НАТО, чьи позиции в регионе были усилены вступлением Финляндии и Швеции [8—11]. П. Е. Смирнов отмечает, что правительства Финляндии и Швеции объявили процесс вступления в НАТО необратимым, ссылаясь на угрозы, возникшие в Европе в так называемый посткрымский период [12, с. 44]. А. П. Овчарук указывает, что включение Швеции и Финляндии значимо укрепило НАТО в регионе: увеличило возможности Альянса, протяженность границы с Россией почти в два раза, позволило использовать уже имеющуюся и развивать новую военную инфраструктуру именно на больших пространствах¹. Однако увеличение возможностей привело и к росту рисков, а значит, в действительности, стало причиной эскалации в регионе. Так, Ю. Зверев и Н. Межевич отмечают укрепление НАТО в целом именно за счет его более «жесткой сборки» в регионе Балтики [13]. А. К. Худолей обращает внимание на диаметрально противоположные позиции НАТО и Российской Федерации на ситуацию безопасности в регионе, что не позволит сформировать диалог². В результате исследователи отмечают обрушение безопасности для России, ее конкретных регионов и союзной Беларуси без возможности решить проблему прежними дипломатическими методами³. Проблема заключается и в том, что страны НАТО с 2022 г. как минимум удвоили численность своих солдат на территории региона, усилили патрулирование воздушного пространства Балтийского региона [14, с. 71]. Таким образом, как справедливо указывает Ю. М. Зверев, «Балтийский регион стал одним из самых конфликтогенных по периметру российских границ» [15, с. 27].

Особая роль в Балтийском регионе принадлежит Великобритании, которая начиная с XVIII в. присутствует там и развивает свои экономические интересы [16]. Но именно сейчас мы наблюдаем ее масштабное влияние на регион, стремление играть более значимую роль в Северной и Восточной Европе. Это необходимо для

¹ Овчарук, А. П. 2022, НАТО превращает Балтийское море в регион нестабильности, ИМЭМО РАН, URL: <https://www.imemo.ru/news/events/text/nato-turns-the-baltic-sea-into-a-region-of-instability> (дата обращения: 10.01.2024).

² Худолей, К. К. 2023, Регион Балтийского моря: новые реальности и проблемы, Международный дискуссионный клуб Валдай, 08.12.2023, URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/region-baltiyskogo-morya> (дата обращения: 10.02.2024).

³ Носович, А. 2022, Россия рискует потерять Калининградскую область после вступления Швеции и Финляндии в НАТО, RUBALTIC.RU, URL: <https://www.rubaltic.ru/editorial/20220523-rossiya-riskuet-poteryat-kaliningradskuyu-oblast-posle-vstupleniya-shvetsii-iffinlyandii-v-nato> (дата обращения: 10.01.2024).

глобального позиционирования Британии в ключевых точках мира в рамках реализации концепции «Глобальной Британии» и из-за роста, как представляется британцам, угроз со стороны России [17–19].

Поскольку проблемы безопасности представляют собой клубок взаимосвязанных вызовов, а современное государство вовлечено в многочисленные партнерства (альянсы, региональные организации, международные институты), в том числе в рамках конкретного географического региона, автор статьи следует методологии, разработанной Б. Бузаном и О. Вэвером для выявления трендов развития региональных комплексов безопасности.

Концепция региональных комплексов безопасности (РКБ) позволяет как четко определить особенности региона, так и объяснить повышение значимости региона через совмещение региональных и глобальных уровней безопасности благодаря участию в делах региона других государств (в данном случае Великобритании) [20; 21]. Регион характеризуется совокупностью черт, объединяющих территории (страны) фактически в географический кластер. Это означает, что государства региона обречены как на интенсивное сотрудничество и общее понимание вопросов безопасности, так и буквально на идентичное отношение к ним со стороны других государств.

В соответствии с методологией исследования регионального комплекса безопасности в международной политике Великобритании на примере Балтийского региона выполнены следующие шаги: 1) на первом этапе были проанализированы стратегические документы Великобритании, отражающие общий подход страны к безопасности; это необходимо для понимания британцами иерархии РКБ (британский взгляд на иерархию регионов в контексте национальных интересов и безопасности представлен в стратегических документах по обороне и безопасности страны); 2) на втором этапе исследования был определен подход Великобритании конкретно к РКБ Балтийского региона. Так, были соотнесены стратегические задачи Великобритании с их реализацией в рамках международных договоренностей посредством участия страны в различных региональных, прежде всего военно-политических, организациях, тем более что общее восприятие региона Балтийского моря обеспечено также участием его государств в НАТО. В данном случае важны следующие критерии РКБ: их роль в формировании рисков для конкретного государства и его национальных интересов; система реагирования государства на вызовы безопасности в регионе с акцентом на военно-политическом сотрудничестве государств. В совокупности это позволило выявить, как интересы Великобритании в сфере безопасности связаны и решаются через взаимодействие с Балтийским регионом благодаря идентификации и секьюритизации рисков безопасности, поскольку Б. Бузан и О. Вэвер отстаивают идею, что РКБ определяются благодаря наличию общих проблем безопасности, которые невозможно решить независимо друг от друга. Данный подход через секьюритизацию позволил Британии взаимодействовать с государствами региона в обеспечении общей безопасности и даже более того — добиться через решение проблем безопасности в конкретном Балтийском регионе аналогичного решения в соседних регионах (Арктика, Черное море) для формирования общей архитектуры безопасности с участием Британии.

Анализ стратегии безопасности Великобритании: основные задачи и партнерство с НАТО

Для установления значения Балтийского региона в системе международной безопасности Великобритании необходимо проанализировать общие стратегические принципы в понимании безопасности в целом. Правительство Соединенного Королевства примерно каждые пять лет, иногда чаще или реже, публикует комплексные обзоры состояния обороны и ее развития, а также Белые книги, которые

основываются на подготовленных обзорах и предлагают конкретные стратегии политики в сфере безопасности на длительный период времени. Они являются основными документами в сфере безопасности и обороны. Последний на сегодняшний день обзор был опубликован в 2023 г., причем в нем обозначены задачи в сфере безопасности страны до 2030 г. После Брежневского в Великобритании несколько раз пересматривали стратегию обороны и безопасности. Так, сразу после выхода страны из состава ЕС 1 февраля 2020 г. в правительстве утвердили идею «Глобальной Британии». После начала специальной военной операции (СВО) Россией британцы стали практическими примерами обосновывать свое глобальное присутствие в регионах, так или иначе связанных с Россией. Среди них для Британии многократно выросла значимость Балтийского региона. В связи с этим возникает вопрос: какое место в стратегии безопасности играет Балтийский регион после начала СВО? Ответ на этот вопрос необходим для выработки соответствующих решений российским внешнеполитическим ведомством. Для ответа на него проведем анализ стратегических британских документов с 2023 г., обращая внимание на то, как в них представлены глобальные интересы, в том числе с учетом Балтийского региона, и какие подходы предложены для их защиты.

В 2023 г. британское оборонное ведомство опубликовало очередной комплексный обзор безопасности, который стал ответом на события 2022 г.¹ В нем обоснованы следующие риски для Великобритании: рост новых конфликтов в мире, военные возможности и потенциал России, непредсказуемость ряда международных игроков вроде Ирана и Северной Кореи, обостряющееся соперничество с Китаем. Поэтому неудивительно, что в качестве насущных задач были определены укрепление идеологии «Глобальной Британии», модернизация вооруженных сил, усиление взаимодействия с основными военно-политическими партнерами, прежде всего с США.

Все указанные задачи уже реализуются в Балтийском регионе.

Во-первых, концепт «Глобальная Британия» должен был, по мнению британцев, демонстрировать международное значение страны через доказательство готовности включиться в решение международных проблем на принципах разделяемого лидерства с партнерами по НАТО². Сразу же подчеркнем, что именно Европа и Евро-Атлантика в целом названы приоритетными для безопасности Великобритании. Например, Африка и Ближний Восток относятся всего лишь к так называемой широкой периферии (*wider neighborhood*) в международной политике Британии³ (подробнее об иерархии регионов с точки зрения безопасности см. в [19]).

¹ Integrated Review Refresh 2023: Responding to a more contested and volatile world, 2023, *HM Government*, URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/641d72f45155a2000c6ad5d5/11857435_NS_IR_Refresh_2023_Supply_AllPages_Revision_7_WEB_PDF.pdf (дата обращения: 15.03.2024).

² Defence in competitive age, 2021, *Ministry of Defence*, p. 2, URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/974661/CP411_-_Defence_Command_Plan.pdf (дата обращения: 01.03.2024) ; Global Britain in a competitive age. The Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy, 2023, *HM Government*, p. 2, 66—68, URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/975077/Global_Britain_in_a_Competitive_Age_the_Integrated_Review_of_Security_Defence_Development_and_Foreign_Policy.pdf (дата обращения: 29.02.2024).

³ Integrated Review Refresh 2023: Responding to a more contested and volatile world, 2023, *GOV.UK*, p. 25, URL: <https://www.gov.uk/government/publications/integrated-review-refresh-2023-responding-to-a-more-contested-and-volatile-world/> (дата обращения: 29.02.2024) ; Chapter 2: The UK's Africa strategy. The priority afforded to Africa by UK governments, Select Committee on International Relations and Defence, *The UK and Sub-Saharan Africa: prosperity, peace and development co-operation*, URL: <https://publications.parliament.uk/pa/ld5801/ldselect/ldintrel/88/8805.htm> (дата обращения: 29.02.2024).

Во-вторых, хотя в обзоре 2023 г. наиболее ценными для британцев представляются отношения со странами англосаксонского блока, они не уходят из европейского региона после Брекзита. Так, Обзор 2023 г. уточнил позиции Великобритании в конкретных регионах для реализации ее национальных интересов, обращая внимание на риски в Европе, прежде всего в Черноморском и Балтийском регионах в связи с событиями на Украине. Именно украинский кризис сейчас рассматривается как главная угроза безопасности и интересам Британии, поскольку с ним британцы связывают возможности роста международного влияния России, а значит появление ограничений в реализации концепта «Глобальной Британии», по крайней мере в Европе, что в настоящее время заставило британцев пересматривать и адаптировать данный концепт. Поэтому основное внимание уделяется задачам противодействия России, которая названа в Обзоре непредсказуемым игроком, способным наносить высокоточные удары¹. Более того, обращает на себя особое внимание позиция британцев в отношении химической, биологической и ядерной угроз, которые британцы в официальной стратегии связывают с Россией. Подобные положения следует рассматривать как непосредственные риски для нашей страны. Помимо этого британцы признаются, что самостоятельно купировать эти мнимые угрозы не могут².

В-третьих, военно-политическое сотрудничество с США воспринимается как необходимость для укрепления позиций Британии в Европе, в особенности на балтийском направлении. Сотрудничество в Европе, по мнению британцев, должно быть усилено за счет постоянных учений, британского присутствия в Эстонии и Польше, миссий по охране воздушного и морского пространства с участием военно-морских групп НАТО, т. е. речь здесь идет именно и прежде всего о Балтийском регионе [22]. В Обзоре 2023 г. важной названа задача британского присутствия на Севере в целом для объединения балтийского и арктического флангов³. А это, в свою очередь, позволяет связать Северную и Восточную Европу в военно-политической стратегии. Неудивительно, что отношения Британии с государствами Прибалтики (прежде всего Эстонией), Польшей и Украиной указаны как приоритетные⁴. В реализации своих задач в регионе британцы полагаются на сотрудничество с НАТО в целом, особенно в сфере ядерной компоненты вооружений⁵.

Балтийский регион в британской оборонной стратегии⁶

Балтийский регион рассматривается британцами как часть Северного макро-региона, в котором страны Балтийского моря сотрудничают с арктическими государствами. Великобритания традиционно делает ставку на государства Северной Европы и развивает многоформатные взаимодействия в Балтийско-Скандинавском регионе (the Nordic-Baltic region), так как сама относится к государствам Северной

¹ Integrated Review Refresh 2023: Responding to a more contested and volatile world, 2023, *HM Government*, p. 42, URL: <https://www.gov.uk/government/publications/integrated-review-refresh-2023-responding-to-a-more-contested-and-volatile-world> (дата обращения: 15.03.2024).

² Ibid. P. 33.

³ Integrated Review Refresh 2023: Responding to a more contested and volatile world, 2023, *HM Government*, p. 40—41, URL: <https://www.gov.uk/government/publications/integrated-review-refresh-2023-responding-to-a-more-contested-and-volatile-world> (дата обращения: 15.03.2024).

⁴ Ibid. P. 20.

⁵ Ibid. P. 33.

⁶ НАТО включило в себя страны региона Балтийского моря — Польшу в 1999 г., Эстонию, Латвию и Литву в 2004 г., Финляндию — в 2023 г., Швецию — в 2024 г., при том, что ФРГ стала членом Альянса в 1955 г., а Дания является страной — основательницей НАТО с 1949 г.

Европы¹. Данные страны также называют себя ценными партнерами для британцев в контексте укрепления стабильности и противодействия влиянию России. Прибалтийские союзники Британии по НАТО настаивают на повышении своей значимости в евроатлантической конструкции безопасности, предлагая для этого, например, опираться на концепцию «Большого Севера». Она означает, что безопасность стран Балтики должна рассматриваться в тандеме с безопасностью британских северных союзников². Север британцы называют критически важным для безопасности Евро-Атлантики в целом. Но самой уязвимой его частью они до сих пор полагают Балтийский регион, так как он связующее звено в формировании евроатлантической безопасности с учетом соседства с Россией, связности с Восточной Европой, выходом в Арктику и Атлантику в целом³.

Нетрудно заметить, что с 2023 г. британцы действительно обращают более пристальное внимание именно на логистическую связь Балтийского и Арктического регионов, которые и представляют совокупно понятие Север Европы для стратегии безопасности Великобритании. Именно фактор международного усиления России, операция на Украине и бесконечные призывы укрепления безопасности со стороны стран Прибалтики привели к тому, что в Великобритании в 2023 г. был разработан подход в отношении так называемого широкого соседства, находящегося на периферии Евро-Атлантики. Данный подход связал Балтийский и Арктический регионы, так как Арктику британцы относят к понятию «периферия» в своих документах. Кроме того, в 2023 г. была опубликована новая арктическая стратегия Британии, в которой указано, что страна будет отстаивать свои арктические интересы, продвигая позиции НАТО в регионе и на Севере Европы в целом⁴. Участие британских сил в формировании тотального контроля НАТО над выходами в Арктику через Балтику позволяет британцам заявлять о «глобальном присутствии Британии от Арктики до Антарктики»⁵. Для укрепления своего присутствия в Балтийском регионе британцы организовали Объединенные экспедиционные силы, в которые входят 10 стран — союзников по НАТО. Их цель — обеспечивать безопасность стран НАТО на Крайнем Севере, в Северной Атлантике и в Балтийском регионе, главным образом посредством ежегодных учений⁶. Более подробно действия британцев будут представлены в третьей части статьи.

Значение Балтийского региона высоко, с точки зрения британцев, благодаря не только его связи с Арктикой, но и соседству с Восточной Европой. Британия называет себя лидером в поддержании безопасности на восточно-европейском флан-

¹ Countries or areas / geographical regions, *United Nations*, URL: <https://unstats.un.org/unsd/methodology/m49/> (дата обращения: 19.09.2024).

² Jermalavičius, T., Billion-Galland, A. 2023, British Power in Baltic Weather: The UK's Role in Nordic-Baltic Security and UK-Estonia Defence Cooperation, *The International Centre for Defence and Security*, URL: <https://icds.ee/en/british-power-in-baltic-weather-the-uks-role-in-nordic-baltic-security-and-uk-estonia-defence-cooperation/> (дата обращения: 20.01.2024).

³ Depledge, D. 2019, Britain, Estonia and the Wider North, RUSI, URL: <https://rusi.org/explore-our-research/publications/commentary/britain-estonia-and-wider-north> (дата обращения: 12.01.2024).

⁴ Looking North: the UK and the Arctic. The United Kingdom's Arctic Policy Framework, 2023, *UK Government*, URL: <https://assets.publishing.service.gov.uk/media/63e38ed3e90e0762637e30d0/looking-north-the-uk-and-the-arctic-the-uks-arctic-policy-framework.pdf> (дата обращения: 29.02.2024).

⁵ Annual Report and Accounts 2022—23 For the year ended 31 March 2023. *Ministry of Defence*, p. 3, URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1172507/MoD_Annual_Report_and_Accounts_2022-23.pdf (дата обращения: 11.03.2024).

⁶ Ibid. P. 31.

ге НАТО. Для этого важными для страны являются взаимодействия с Эстонией и Польшей¹, тем более что сами страны Балтийского региона настойчиво предлагают свою антироссийскую практику².

Помимо этого британцы активно продвигают нарратив о Балтийско-Черноморском регионе, который является наиболее стратегически важным как раз для России. Неудивительно, поэтому, что в рамках Международного фонда для поддержки Украины британцы сотрудничают в первую очередь с государствами Северной Европы (Норвегия, Швеция, Дания, Исландия и Литва). Эти страны для Фонда совместно аккумулировали свыше 520 млн фунтов стерлингов, которые обеспечили поставку более 10 тыс. единиц противотанкового вооружения, более 200 тыс. комплектов амуниции и более 300 БМП³.

Значение Балтийского региона подтверждается регулярными обсуждениями задач безопасности в Парламенте страны. Так, члены Палаты общин обращают внимание на то, что именно в Балтийском регионе возможно в первую очередь противостоять России и подготовиться к этому противостоянию благодаря НАТО⁴. Британскими парламентариями обсуждается готовность как НАТО в целом, так и Соединенного Королевства в отдельности отражать возможные удары с помощью конвенциональных вооружений, а акцент в этих дебатах делают именно на Балтийском фланге, указывая на недостаточную подготовленность собственных вооруженных сил (в частности, эту мысль высказали высокопоставленные военнослужащие НАТО, при этом влияние России на Литву связывают с дополнительной угрозой со стороны Беларуси⁵. Также парламентарии дискутируют о внутренних угрозах для всех стран Прибалтики со стороны русскоговорящего меньшинства⁶. Основной способ противостоять угрозам в регионе британцы связывают с взаимодействием с США и НАТО в целом. Так, при обсуждении Шестого доклада сессии 2022—2023 гг. члены Палаты общин отметили, что лидерство Великобритании в НАТО рассматривается буквально как «витальный компонент отношений между США и Соединенным Королевством, при этом Балтийский регион позволяет выводить Великобританию как на Крайний Север, так и в Северную Атлантику⁷. Дополнительным акцентом в обсуждении мнимых угроз Британии и Балтийскому региону со стороны России является некое «знание» России странами Прибалтики, которым они делятся с британскими парламентариями⁸.

¹ Annual Report and Accounts 2022—23 For the year ended 31 March 2023. *Ministry of Defence*, p. 25, URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1172507/MoD_Annual_Report_and_Accounts_2022-23.pdf (дата обращения: 11.03.2024).

² Jermalavičius, T., Billion-Galland, A. 2023, British Power in Baltic Weather: The UK's Role in Nordic-Baltic Security and UK-Estonia Defence Cooperation, *The International Centre for Defence and Security*, URL: <https://icds.ee/en/british-power-in-baltic-weather-the-uks-role-in-nordic-baltic-security-and-uk-estonia-defence-cooperation/> (дата обращения: 20.01.2024).

³ Ibid. P. 6.

⁴ Brooke-Holland, L. 2022, UK forces in Estonia, *House of Commons Library*, p. 1—4, URL: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-9639/CBP-9639.pdf> (дата обращения: 09.07.2024).

⁵ The UK and NATO's capacity to respond, 2014, *Towards the next Defence and Security Review: Part Two-NATO — Defence Committee*, URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm201415/cmselect/cmdfence/358/35807.htm> (дата обращения: 09.07.2024).

⁶ Ibid.

⁷ Special Relationships? US, UK and NATO, Sixth Report of Session 2022–23, 2023, *UK Parliament*, URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm5803/cmselect/cmdfence/184/report.html> (дата обращения: 09.07.2024).

⁸ War in Ukraine — the threat to the Baltic states, *UK Parliament*, URL: <https://www.parliament.uk/business/commons/committee-corridor-podcast/committee-corridor-war-in-ukraine---the-threat-to-the-baltic-states/> (дата обращения: 09.07.2024).

Отметим, что стратегия Великобритании в отношении Балтийского региона полностью согласована со стратегией НАТО. Сразу после начала СВО в НАТО подтвердили общий подход от 2014 г., обозначающий Россию как основную угрозу безопасности и стабильности Евро-Атлантики. При этом в НАТО указали на основные зоны противостояния с Москвой, среди которых Балтийский, Черноморский и Средиземноморский регионы¹.

Таким образом, СВО, которую британцы называют «российским вторжением на Украину», стало для них формальным поводом укрепить собственное присутствие в Балтийском регионе, заявить о себе как о лидере в поддержании безопасности на восточном фланге НАТО, сделав основную ставку на взаимодействие с Эстонией и Польшей².

Практическая деятельность Великобритании в Балтийском регионе в сфере безопасности и обороны

Обновленный интегрированный обзор безопасности и обороны от 2023 г. был встречен с одобрением не только в Великобритании, но и в Балтийском регионе, так как в нем сделан акцент на «агрессивность» России, а также на роль Британии в обеспечении безопасности Северной Европы, в которую входят Балтийские государства и Крайний Север. Поэтому в 2023 г. важными для британцев названы практические взаимодействия с Эстонией, Польшей и Финляндией³.

Поддержка британцами стран-партнеров Балтийского региона осуществляется прежде всего через военное присутствие. В настоящее время британские подразделения в регионе размещаются в Эстонии и Польше и обеспечивают воздушную миссию НАТО на Балтике. В ноябре 2022 г. Эстония и Великобритания подписали Дорожную карту в сфере безопасности. В ней обозначены следующие направления деятельности: повышение эффективности существующих боевых групп, усиление Эстонии и укрепление обороны Балтийского региона. Эстония обязалась обеспечить британский контингент дополнительными жилыми помещениями и другими вспомогательными объектами⁴.

Соединенное Королевство также предложило Эстонии, Латвии, Литве, Финляндии, Норвегии и Дании объединить оборонные усилия, приведя их к подчинению новому Командованию объединенных сил Севера в Норфолке. Другой способ укрепления Балтийского региона — сотрудничество в рамках Форума северных стран между Данией, Эстонией, Финляндией, Германией, Исландией, Латвией, Литвой, Нидерландами, Норвегией, Польшей, Швецией и Великобританией. Его члены сотрудничают на уровне министров обороны для обсуждения вопросов безопасности с целью добиться дальнейшей интеграции вооруженных сил. В рамках Форума также вырабатывается общий взгляд на политику России. Помимо этого

¹ NATO 2022 STRATEGIC CONCEPT, 2022, NATO, URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept.pdf (дата обращения: 09.07.2024).

² Annual Report and Accounts 2022–23 For the year ended 31 March 2023. *Ministry of Defence*, p. 25, URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1172507/MoD_Annual_Report_and_Accounts_2022-23.pdf (дата обращения: 11.03.2024).

³ Jermalavičius, T., Billion-Galland, A. 2023, British Power in Baltic Weather: The UK's Role in Nordic-Baltic Security and UK-Estonia Defence Cooperation, *The International Centre for Defence and Security*, URL: <https://icds.ee/en/british-power-in-baltic-weather-the-uks-role-in-nordic-baltic-security-and-uk-estonia-defence-cooperation/> (дата обращения: 20.01.2024).

⁴ Joint Statement between the UK MOD and the Estonian MOD, 8 November 2022, *GOV.UK*, URL: <https://www.gov.uk/government/news/joint-statement-between-the-uk-mod-and-the-estonian-mod> (дата обращения: 11.03.2024).

Лондон внес вклад в формирование и развитие следующих оборонных структур: Северное оборонное сотрудничество (NORDEFECO) между Данией, Финляндией, Исландией, Норвегией и Швецией; Скандинавско-Балтийская восьмерка (NB8), в которую входят Дания, Эстония, Финляндия, Исландия, Латвия, Литва, Норвегия и Швеция — в частности, через формат NB8 + Великобритания. Одновременно с этим британцы поддерживают гражданские экспертные структуры, например Форум «Аврора», благодаря которому эксперты в сфере безопасности встречаются с официальными лицами. Данный форум финансируется Министерством иностранных дел, отделом по делам Содружества с целью углубления связей между партнерами-единомышленниками после Брекзита¹.

За последнее десятилетие Великобритания осознала необходимость более обширного подхода к Балтийскому региону, связывая через него Арктику и Восточную Европу. В частности, британцы полагают, что регионы Крайнего Севера и Балтии неотделимы в стратегическом плане (тем более что оборонное сотрудничество Северных и Балтийских стран было официально оформлено в 1992 г.). Британцы полагают, что кризис безопасности в Балтийском регионе неизбежно вызовет реакцию стран Крайнего Севера, желающих укрепить собственную обороноспособность, и наоборот. Между тем во время такого кризиса британцы ожидают, что оба региона будут рассчитывать на их поддержку.

Центральным для Британии становится сотрудничество с Эстонией. Именно здесь проводятся учения, благодаря которым в стране размещаются около 1000 британских военнослужащих в рамках миссии, известной как операция «Кабрит»². Британцы четко выполняют стратегию НАТО об укреплении Балтийского фланга, направив дополнительные подразделения в Эстонию и Польшу. Расширенное передовое присутствие — это лишь один из аспектов широкой поддержки НАТО со стороны Великобритании³.

Помимо этого члены НАТО, включая Британию, проводят масштабные учения в Балтийском море («BALTOPS»). Особо подчеркнем, что крупный военный штаб Великобритании был развернут в Балтийском регионе для поддержки Объединенного экспедиционного корпуса. Объединенный экспедиционный корпус (JEF) — «это многонациональная оборонная структура, созданная для обеспечения безопасности Крайнего Севера, Северной Атлантики и региона Балтийского моря в ответ на глобальные вызовы безопасности»⁴.

Постоянный штаб объединенных сил базируется в Лондоне, имеет подразделения в Литве и Латвии, а офицеры связи из Великобритании находятся в Дании, Эстонии, Финляндии и Швеции. Поэтому в целом именно британцы координируют военную деятельность стран Объединенного экспедиционного корпуса в регионе Балтийского моря⁵.

1 NORDEFECO, URL: <https://www.nordefco.org/the-basics-about-nordefco> (дата обращения: 25.03.2024) ; <https://www.urm.lt/en/news/928/lithuanias-foreign-vice-minister-skusevicius-attends-the-nordic-baltic-uk-foreign-ministers-meeting:33195> (дата обращения: 25.03.2024) ; Aurora Forum, URL: <https://auroraforum.co.uk/about/> (дата обращения: 25.03.2024).

² Deployment Baltics, URL: <https://www.army.mod.uk/deployments/baltics/> (дата обращения: 09.07.2024) ; Depledge, D. 2019, Britain, Estonia and the Wider North, RUSI, URL: <https://rusi.org/explore-our-research/publications/commentary/britain-estonia-and-wider-north> (дата обращения: 12.01.2024).

³ Ibid.

⁴ What is the Joint Expeditionary Force, URL: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-10074/CBP-10074.pdf> (дата обращения: 09.07.2024).

⁵ Joint Expeditionary Force deploys to the Baltics. May 2022, GOV.UK, URL: <https://www.gov.uk/government/news/joint-expeditionary-force-deploys-to-the-baltics> (дата обращения: 15.03.2024).

Не менее важным практическим примером взаимодействия стран региона и Великобритании можно считать совместную деятельность Лондона и Таллина в Центре киберзащиты в Эстонии, которая даже увенчалась их общей заявкой на формирование штаб-квартиры Катализатора оборонных инноваций НАТО в Северной Атлантике в 2022 г. Руководство европейским региональным отделением данной штаб-квартиры совместно осуществляют Эстония и Соединенное Королевство [24]¹.

Другим важным примером практической поддержки являются регулярные визиты британских дипломатов в страны региона. Эти визиты прежде всего связаны с украинским кризисом и СВО. Так, главы разных британских правительств в результате переговоров последовательно усилили группировку в Польше и Эстонии, направили истребители «RAF Turphoon» для обеспечения безопасности воздушного пространства Балтийского и других европейских регионов в условиях повышения угроз на Украине². Назначенный на должность министра иностранных дел Великобритании после выборов 4 июля 2024 г. представитель Лейбористской партии Дэвид Лэмми в ходе визита в Польшу подтвердил все договоренности с партнерами³. В настоящее время в Европе находятся около 10 тыс. британцев, которые в основном занимаются логистикой и направляют военные грузы на Украину (в основном через Польшу), что в очередной раз подтверждает значимость Балтийского региона для Великобритании⁴.

К началу 2024 г. можно констатировать, что британцы доказали лидерство в обеспечении безопасности Балтийского региона. Так, 11 января 2024 г. командование сухопутным контингентом сил реагирования НАТО было делегировано Союзному корпусу быстрого реагирования Великобритании. В результате в учениях «Steadfast Defender» с февраля по июнь 2024 г. по всей Восточной Европе были развернуты 16 000 военнослужащих британской армии с танками, артиллерией и вертолетами. Примечательно, что особая роль в рамках Объединенных сил реагирования НАТО отведена 7-й британской легкой механизированной бригаде «Крысы пустыни», которая возглавила Объединенную оперативную группу высокой готовности НАТО (хотя, конечно, Балтийский регион совсем не пустыня). Помимо этого британцы обязались постоянно держать в Великобритании бригаду в состоянии высокой готовности для быстрого усиления Эстонии и всей Прибалтики во время кризиса. Также британцы предоставили разведывательную эскадрилью боевой группе НАТО под руководством США в Польше и наземную систему ПВО (Sky Sabre) для защиты воздушного пространства Польши⁵.

¹ Annual Report and Accounts 2022–23 For the year ended 31 March 2023. *Ministry of Defence*, URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1172507/MoD_Annual_Report_and_Accounts_2022-23.pdf (дата обращения: 11.03.2024); НАТО усиливает технологическое преимущество с помощью инновационных инициатив, 7 апреля 2022, *NATO*, URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_194587.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 11.03.2024).

² Annual Report and Accounts 2022–23 For the year ended 31 March 2023. *Ministry of Defence*, p. 33, URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1172507/MoD_Annual_Report_and_Accounts_2022-23.pdf (дата обращения: 11.03.2024); Allison, G. 2022, Britain deploying more fighters to Cyprus, *UK Defence Journal*, URL: <https://ukdefencejournal.org.uk/britain-deploying-more-fighters-to-cyprus-amid-russia-tensions> (дата обращения: 10.01.2024).

³ Zehra Nur Düz, 2024, Britain's new top diplomat travels to Poland for discussions on Ukraine, *Anadolu Agency*, URL: <https://www.aa.com.tr/en/europe/britain-s-new-top-diplomat-travels-to-poland-for-discussions-on-ukraine/3268915> (дата обращения: 09.07.2024).

⁴ Ibid. P. 3.

⁵ Desert Rats leading NATO's first line of defence in 2024, URL: <https://armyrecognition.com/news/army-news/army-news-2024/british-desert-rats-leading-nato-s-first-line-of-defence-in-2024> (дата обращения: 10.01.2024).

Таким образом, в Балтийском регионе действует одна из самых престижных бригад британской армии в качестве основного подразделения реагирования НАТО, что, конечно, прямо свидетельствует не только о лидерстве Британии в НАТО, но и о значении балтийского фланга для НАТО в целом.

Выводы

Британцы полагают двусторонние связи со странами Прибалтики, Польшей и Украиной ключевыми для формирования многосторонних союзов и обеспечения безопасности Евро-Атлантики в целом¹. Это свидетельствует о том, что европейское ядро остается центральным для британской политики в сфере национальной обороны и безопасности. Данный вывод особенно значим в контексте англосаксонской дискуссии о переориентации Британии на Индо-Тихоокеанский регион, так как стратегически и на практике британцы сконцентрированы прежде всего на Европе. При этом Балтийский регион в британской военной стратегии, как и в стратегии НАТО, является связующим между другими регионами, в связи с этим он имеет высокое военно-стратегическое значение. Именно здесь Лондон стремится проявить лидерство и доказать свое первенство в обеспечении безопасности Европы в целом.

В настоящее время британцы выстраивают свою зону контроля и обороны в регионе Балтийского моря, начиная от непосредственного размещения на территории и участия в учениях и заканчивая работой в рамках киберзащиты и инновационных разработок. Россия может рассматривать стратегию британцев в Балтийском регионе как их укрепление на Европейском Севере (его балтийском и арктическом флангах). Это означает для России повышение не только рисков непосредственно в Балтийском регионе, но и на Крайнем Севере.

Очевидно, что в перспективе Великобритания будет предпринимать все более последовательные шаги к усилению взаимодействия балтийского и арктического флангов, чтобы объединить страны Северной Европы, а затем привязать их к странам Восточной Европы, притом что Британия рассматривает Украину как необходимый элемент обоснования своего присутствия в Восточной и Северной Европе². Поэтому неудивительно, что британцы активно предлагают Эстонии принимать участие в решении вопросов безопасности Крайнего Севера и, наоборот, приглашают Данию к взаимодействию в Эстонии, т. е. на Балтике. Значимой является связь Эстонии и Финляндии в рамках оборонных проектов, продвигаемых Великобританией, о чем свидетельствует увеличение численности непосредственно военного контингента в странах Балтийского региона. Нельзя не отметить, что ценным инструментом усиления Великобритании в регионе становятся цифровые технологии, поскольку две важные европейские локации по противодействию киберугрозам размещены в Лондоне и Таллине при непосредственном британском контроле.

Более того, глобальное позиционирование Великобритании, заявленное как «от Арктики до Антарктики», оказывается невозможным без укрепления британского присутствия и прямого вовлечения в дела Балтийского региона.

В этой связи России важно рассматривать любые движения потенциального противника в регионе Балтийского моря как начало изменений на Крайнем Севере, и наоборот, а Балтийский регион — как зону, которую готовят непосредственно к

¹ Integrated Review Refresh 2023: Responding to a more contested and volatile world, 2023, *HM Government*, p. 20, URL: <https://www.gov.uk/government/publications/integrated-review-refresh-2023-responding-to-a-more-contested-and-volatile-world> (дата обращения: 15.03.2024).

² Ibid. P. 40—41.

бое столкновениям, за что прямо отвечают в Лондоне. И здесь ключевое значение будут иметь действия Эстонии, Финляндии, Польши и Великобритании, совместные маневры которых уже свидетельствуют об эскалации напряженности.

Статья подготовлена в рамках исследования, финансируемого Российским научным фондом (проект № 23-28-00418).

Список литературы

1. Чихачев, А. Ю. 2023, Стратегия Франции в регионе Балтийского моря: военно-политические аспекты, *Балтийский регион*, т. 15, № 1, с. 4—17, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-1-1>
2. Ворожеина, Я. А., Клемешев, А. П., Комлева, Н. А., Дружинин, А. Г., Белозеров, В. К., Федоров, Г. М., Волощенко, К. Ю. 2023, Геополитическая безопасность России: к постановке проблемы, *Балтийский регион*, т. 15, № 1, с. 153—169, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-1-9>
3. Воротников, В. В. 2019, Перспективы сотрудничества Великобритании с государствами Скандинавско-Балтийского региона после Брекзита, *Международная аналитика*, т. 4, с. 40—49. EDN: AVZSIY
4. Еремина, Н. В. 2021, Люблинский треугольник как свидетельство усиления регионального блокового подхода в Восточной Европе, *Евразия. Эксперт*, № 1, с. 47—53. EDN: LEUITP
5. Журавель, В. П., Иванов, С. М. 2018, Взаимодействие государств Балтийского моря в сфере региональной безопасности, *Геополитический журнал*, № 1 (21), с. 40—46. EDN: YPEDLF
6. Худoley, К. К. 2019, «Прохладная война» в регионе Балтийского моря: последствия и дальнейшие сценарии, *Балтийский регион*, т. 11, № 3, с. 4—24, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-3-1>
7. Каледин, Н. В., Елацков, А. Б. 2024, Геополитическая регионализация Балтики: содержание и историческая динамика, *Балтийский регион*, т. 16, № 1, с. 141—158, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-1-8>
8. Новикова, И. Н., Межевич, Н. М. 2016, Финляндия и НАТО: как забвение уроков прошлого может привести к их повторению, *Управленческое консультирование*, № 4, с. 27—39. EDN: WCNZVL
9. Смирнов, П. Е. 2023, Вступление Финляндии и Швеции в НАТО: геополитические последствия для позиционирования России в Балтийском регионе, *Балтийский регион*, т. 15, № 4, с. 42—61, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-4-3>
10. Грибанова, Г. И., Косов, Ю. В. 2018, Политика НАТО на Балтике — цели и приоритеты, *Балтийский регион*, т. 10, № 1, с. 56—72, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2018-1-4>. EDN: YSXFFK
11. Худoley, К. К., Ланко, Д. А. 2019, Финская дилемма безопасности, НАТО и фактор Восточной Европы, *Мировая экономика и международные отношения*, т. 63, № 3, с. 13—20, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-3-13-20>. EDN: XOALGV
12. Данилов, Д. А. 2022, Финляндия и Швеция у открытых дверей НАТО, *Научно-аналитический вестник ИЕРАН*, № 2, с. 16—23, <https://doi.org/10.15211/vestnikieran220221623>. EDN: EJKVRC
13. Зверев, Ю., Межевич, Н. 2021, Вызовы региональной безопасности: балтийский вектор, *Международная жизнь*, № 1, с. 28—43. EDN: KMUQMX
14. Зверев, Ю. М., Межевич, Н. М. 2022, Республика Беларусь и Калининградская область России как субрегиональный комплекс безопасности, *Балтийский регион*, т. 14, № 3, с. 64—82, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-3-4>. EDN: SQTQZX
15. Зверев, Ю. М. 2023, Три российских региона на Балтике в условиях противостояния России и Запада, *Балтийский регион*, т. 15, № 4, с. 24—41, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-4-2>. EDN: HOTSXG
16. Десятков, К. С. 2022, Балтийские аспекты континентальной политики Англии и Нидерландов сна рубеже XVII—XVIII вв., *CAURUS*, т. 1, № 2, с. 53—67, [https://doi.org/10.34680/Caurus-2022-1\(2\)-53-67](https://doi.org/10.34680/Caurus-2022-1(2)-53-67). EDN: SULKFM

17. Годованюк, К. 2023, Приоритеты кабинетов Б. Джонсона, Л. Трасс Р. Сунака во внешней политике, в: Ананьева, Е. В., Охошин, О. В. (ред.), *Британия — 22: смена премьеров, смена монарха*, Москва, Институт Европы РАН, с. 123—142, https://doi.org/10.15211/report22023_399

18. Еремина, Н. В. 2023, Британский фактор в украинском кризисе: основные аспекты, в: Ананьева, Е. В., Охошин, О. В. (ред.), *Британия — 22: смена премьеров, смена монарха*, Москва, Институт Европы РАН, с. 142—156, https://doi.org/10.15211/report22023_399

19. Еремина, Н. В. 2024, Африка в британской стратегии безопасности после брекзита: риски, инструменты, перспективы, *Современная Европа*, № 1, с. 142—154, <https://doi.org/10.31857/S020170832401011X>. EDN: LCZGAW

20. Buzan, B., Wæver, O. 2003, *Regions and Powers. The Structure of International Security*, Cambridge, Cambridge University Press, 564 p., <https://doi.org/10.1017/CBO9780511491252>

21. Buzan, B. 2012, How regions were made, and the legacies for world politics: an English School reconnaissance, in: Paul, T. V. (ed.), *International Relations Theory and Regional Transformation*, Cambridge, Cambridge University Press, p. 22—46, <https://doi.org/10.1017/CBO9781139096836.003>

22. Black, M. 2023, Multi-domain escalation management: a North Atlantic Treaty Organisation case study, *Defence Studies*, vol. 23 (3), p. 421—435, <https://doi.org/10.1080/14702436.2023.2238618>. EDN: DDJDFW

23. Horowitz, M. C., Pindyck, S. 2023, What is a military innovation and why it matters, *Journal of Strategic Studies*, vol. 46 (1), p. 85—114, <https://doi.org/10.1080/01402390.2022.2038572>. EDN: LINFJO

Об авторе

Наталья Валерьевна Еремина, доктор политических наук, профессор кафедры европейских исследований, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: n.eremina@spbu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1349-8659>

Представлено для возможной публикации в открытом доступе в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution—Noncommercial—NoDerivativeWorks <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CC BY-NC-ND 4.0)

THE BALTIC REGION IN THE BRITISH SECURITY STRATEGY AFTER THE BEGINNING OF RUSSIA'S SPECIAL MILITARY OPERATION

N. V. Eremina

St. Petersburg State University,
7—9 Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, 199034, Russia

Received 31 March 2024
Accepted 03 October 2024
doi: 10.5922/2079-8555-2025-1-1
© Eremina, N. V., 2025

The article presents an analysis of contemporary British military-political strategy in the Baltic region. Since 2014, there has been a notable increase in British presence in the area, leading to multiple security risks for Russia, particularly since 2022. This is due to the fact that the

To cite this article: Eremina, N. V. 2025, The Baltic region in the British security strategy after the beginning of the Russia special military operation, *Baltic Region*, vol. 17, № 1, p. 4—18. doi: 10.5922/2079-8555-2025-1-1

UK has increasingly linked its national security threats to Russia's policy towards Ukraine, as well as in the Black Sea and Baltic regions. By focusing on Russia's positions in the Baltic and Black Sea regions, the UK has defined its security priorities, explicitly connecting them to countering "threats from Russia and preventing Russia from gaining strategic advantages as a result of the situation in Ukraine," as clearly stated in the 2023 Security Review. It is no coincidence that British military strategists have started emphasizing the interconnectedness of the Baltic and Black Sea regions, as well as the Baltic and Arctic regions, highlighting the necessity of ensuring security in one part by addressing security challenges in others — primarily by limiting Russia's influence. Through an analysis of key British security documents within the framework of the regional security complex theory, the author demonstrates how the Baltic Sea region has become a crucial link for British military strategists, connecting the Far North and Eastern Europe.

The aim of the article is to determine how the UK's security interests are connected to and pursued through its interactions with the Baltic Sea region countries. To achieve this, the following research objectives have been set: to analyse the conceptual and strategic goals of the UK in the field of security and the implementation of its national interests; to outline the role and significance of the Baltic Sea region within the UK's broader international security strategy; and to identify specific tactical approaches employed by the UK to advance its national interests through cooperation with NATO countries in the region.

Keywords:

Baltic Sea Region, Arctic, United Kingdom, Russia, NATO, security

References

1. Chikhachev, A. Yu. 2023, France's strategy in the Baltic region: military and political aspects, *Baltic Region*, vol. 15, № 1, p. 4—17, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-1-1>
2. Vorozheina, Y. A., Klemeshev, A. P., Komleva, N. A., Druzhinin, A. G., Belozerov, V. K., Fedorov, G. M., Voloshenko, K. Yu. 2023, Geopolitical security of Russia: remarks on the problem statement, *Baltic Region*, vol. 15, № 1, p. 153—169, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-1-9>
3. Vorotnikov, V. V. 2019, Prospects for the UK cooperation with the Scandinavian-Baltic states after BREXIT, *Journal of International Analytics*, vol. 4, p. 40—49. EDN: AVZSIY
4. Eremina, N. V. 2021, Lublin triangle as certificate of increasing regional block approach in Eastern Europe, *Evraziâ. Èkspert*, № 1, p. 47—53. EDN: LEUITP
5. Zhuravel, V. P., Ivanov, S. M. 2018, Cooperation of the Baltic sea states in the realm of regional security, *Geopolitical Journal*, № 1 (21), p. 40—46. EDN: YPEDLF
6. Khudoley, K. K. 2019. The 'Cool War' in the Baltic sea region: consequences and future scenarios, *Baltic Region*, vol. 11, № 3, p. 4—24, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-3-1>
7. Kaledin, N. V., Elatskov, A. B. 2024, Geopolitical regionalisation of the Baltic area: the essence and historical dynamics, *Baltic Region*, vol. 16, № 1, p. 141—158, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-1-8>
8. Novikova, I. N., Mezhevich, N. M. 2016, Finland and NATO: how the forgetting of lessons of the past can lead to their repetition, *Administrative Consulting*, № 4, p. 27—39. EDN: WCNZVL
9. Smirnov, P. P. 2023, The accession of Finland and Sweden to NATO: geopolitical implications for Russia's position in the Baltic sea region, *Baltic Region*, vol. 15, № 4, p. 42—61, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-4-3>
10. Gribova, G. G., Kosov, Y. Yu. 2018, NATO policies in the Baltics: objectives and priorities, *Baltic Region*, vol. 10, № 1, p. 56—72, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-1-4>. EDN: YSXFFK
11. Khudoley, K., Lanko, D. 2019, Finnish Security Dilemma, NATO and the Factor of Eastern Europe, *World Economy and International Relations*, vol. 63, № 3, p. 13—20, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-3-13-20>. EDN: XOALGV
12. Danilov, D. A. 2022, Finland and Sweden on the threshold of NATO'S open door, *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, № 2, p. 16—23, <https://doi.org/10.15211/vestnikieran220221623>. EDN: EJKVRC

13. Zverev, Yu., Mezhevich, N. 2021, Security Challenges in the Baltic Region, *International Affairs*, № 1, p. 28—43. EDN: KMUQMX
14. Zverev, Yu. M., Mezhevich, N. M. 2022, The republic of Belarus and the Kaliningrad region of Russia as a sub-regional security complex, *Baltic Region*, vol. 14, № 3, p. 64—82, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-3-4>. EDN: SQTQZW
15. Zverev, Yu. M. 2023, Three Russian Baltic regions in the context of confrontation between Russia and the West, *Baltic Region*, vol. 15, № 4, p. 24—41, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-4-2>. EDN: HOTSX
16. Desyatskov, K. S. 2022, Baltic aspects of the continental politics of England and the Netherlands at the turn of the 17th—18th centuries, *CAURUS*, vol. 1, № 2, p. 53—67, [https://doi.org/10.34680/Caurus-2022-1\(2\)-53-67](https://doi.org/10.34680/Caurus-2022-1(2)-53-67). EDN: SULKFM
17. Godovanyuk, K. 2023, Foreign policy priorities of B. Johnson', L. Truss' and R. Sunak' offices, in: Ananieva, E. V., Okhoshin, O. V. (eds.), *THEUK-2022: Change of Prime Ministers, Change of Monarch*, Moscow, Institute of Europe RAS, p. 123—142, https://doi.org/10.15211/report22023_399
18. Eremina, N. V. 2023, The British factor in the Ukrainian crisis: main aspects, in: Ananieva, E. V., Okhoshin, O. V. (eds.), *THEUK-2022: Change of Prime Ministers, Change of Monarch*, Moscow, Institute of Europe RAS, p. 142—156, https://doi.org/10.15211/report22023_399
19. Eremina, N. V. 2024, Africa in British Security Strategy after Brexit: Risks, Instruments, Prospects, *Sovremennaya Evropa*, № 1, p. 142—154, <https://doi.org/10.31857/S020170832401011X>. EDN: LCZGAW
20. Buzan, B., Wæver, O. 2003, *Regions and Powers. The Structure of International Security*. Cambridge, Cambridge University Press, 564 p., <https://doi.org/10.1017/CBO9780511491252>
21. Buzan, B. 2012, How regions were made, and the legacies for world politics: an English School reconnaissance, in: Paul, T. V. (ed.), *International Relations Theory and Regional Transformation*, Cambridge, Cambridge University Press, p. 22—46, <https://doi.org/10.1017/CBO9781139096836.003>
22. Black, M. 2023, Multi-domain escalation management: a North Atlantic Treaty Organisation case study, *Defence Studies*, vol. 23 (3), p. 421—435, <https://doi.org/10.1080/14702436.2023.2238618>. EDN: DDJDFW
23. Horowitz, M. C., Pindyck, S. 2023, What is a military innovation and why it matters, *Journal of Strategic Studies*, vol. 46 (1), p. 85—114, <https://doi.org/10.1080/01402390.2022.2038572>. EDN: LINFJO

The author

Prof Natalya V. Eremina, Saint Petersburg State University, Russia.

E-mail: n.eremina@spbu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1349-8659>

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution – Noncommercial – No Derivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CC BY-NC-ND 4.0)

СТРАНЫ БАЛТИИ НА ПУТИ К ЭНЕРГЕТИЧЕСКОМУ ИЗОЛЯЦИОНИЗМУ: ВМЕСТЕ ИЛИ ПОРОЗНЬ?

Д. А. Ланко

Н. В. Немирова

Д. А. Зотова

Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Поступила в редакцию 02.04.2024 г.
Принята к публикации 18.11.2024 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2025-1-2
© Ланко Д. А., Зотова Д. А., Немиро-
ва Н. В., 2025

Обратной стороной политики Европейского союза по форсированию четвертого энергетического перехода стал энергетический изоляционизм — стремление к достижению количественных показателей, характеризующих энергетический баланс в отдельных странах, без учета влияния этого стремления на энергетический баланс в соседних странах. В статье в качестве примера энергетического изоляционизма рассматривается выдвинутая в 2022 г. Литвой инициатива, призвавшая три страны Балтии отключиться от энергетического кольца БРЭЛЛ, связывавшего их с Россией и Беларусью, ранее 2025 г., когда они должны были сделать это по плану, разработанному ими ранее. Латвия и Эстония не поддержали инициативу Литвы, которая в результате переговоров, длившихся до середины 2023 г., согласилась придерживаться первоначального плана. Методология, созданная в рамках теории игр, позволяет построить представленную в статье модель этих переговоров, которая является частным случаем модели с тремя участниками, вынужденными сообща выбрать один из трех вариантов исхода переговоров. В прикладном плане эта модель позволяет объяснить, почему провал переговоров с последующим односторонним отключением Литвы от БРЭЛЛ изначально был наименее вероятным вариантом исхода переговоров. В теоретическом плане эта модель заставляет обратить внимание на тот факт, что в случае переговоров между тремя странами Балтии никакие две из них, имеющие схожие позиции, пока не готовы согласиться с не самым выгодным для себя вариантом исхода переговоров даже в том случае, если это позволит третьей стране с иными переговорными позициями избежать необходимости согласиться с наименее выгодным для себя вариантом исхода переговоров. В статье демонстрируется, что подобная неготовность большинства к уступкам в отношении меньшинства становится препятствием для выхода минилатерального сотрудничества стран Балтии на новый уровень, сравнимый с тем, какого достигли, например, Северные страны.

Ключевые слова:

Эстония, Латвия, Литва, минилатерализм, переговоры, теория игр, энергетика, БРЭЛЛ

В 2018 г. Эстония, Латвия и Литва договорились об одновременном отключении в 2025 г. от энергетического кольца БРЭЛЛ, связывавшего три страны Балтии с Россией и Беларусью. Это событие, когда оно произойдет, станет не только важным

Для цитирования: Ланко Д. А., Зотова Д. А., Немирова Н. В. Страны Балтии на пути к энергетическому изоляционизму: вместе или порознь? // Балтийский регион. 2025. Т. 17, № 1. С. 19–43.
doi: 10.5922/2079-8555-2025-1-2

фактором дальнейшего развития энергетических систем самих стран Балтии, но и угрозой для энергетической безопасности Калининградской области России, на что указывает целый ряд исследователей [1–3]. Согласно ранее утвержденным планам страны Балтии должны были к 2025 г. оказаться технически готовыми отключиться от БРЭЛЛ. Однако осенью 2022 г. премьер-министр Литвы И. Шимоните выступила с инициативой перенести дату отключения этих стран от БРЭЛЛ на более ранний срок — весну 2024 г. Переговоры с Эстонией и Латвией по этому вопросу Литва вела вплоть до лета 2023 г., когда они закончились, по сути, ничем: стороны договорились одновременно отключиться от БРЭЛЛ в 2025 г., уточнив лишь месяц предполагаемого отключения — февраль¹. Целью данного исследования является построение на примере этих переговоров матричной модели минилатеральных переговоров, которая позволит оценивать вероятность реализации каждого возможного варианта исхода таких переговоров.

Проблематика минилатеральных переговоров — многосторонних переговоров с небольшим числом участников — до сих пор недостаточно разработана, несмотря на то, что М. Калер и Дж. Рагги — авторы термина «минилатеральные» — предупреждали об увеличении в среднесрочной перспективе роли таких переговоров еще в начале 1990-х гг. в связи с распадом биполярной системы международных отношений [4; 5]. Они указывали на то, что в литературе по международным переговорам понятие «многосторонние» применяется в отношении любых переговоров, число участников которых больше двух: как в отношении переговоров с тремя участниками, например, как в рассматриваемом в данной статье случае переговоров между тремя странами Балтии, так и в отношении переговоров с десятками участников, например, как в случае ежегодных конференций ООН по вопросам изменения климата. Это, по их мнению, приводит к терминологической путанице, поскольку переговоры с несколькими десятками и с несколькими участниками описываются разными моделями; поэтому для обозначения переговоров последнего типа они предложили использовать понятие «минилатеральные».

Так, модели, разработанные для описания многосторонних переговоров хозяйствующих субъектов, основываются на предположении, что те участники, чье предложение отвергается в ходе переговоров, выходят из переговоров и выбирают тот или иной вариант односторонних действий (см., [напр., 6]). Однако в случае многосторонних переговоров с десятками участников это далеко не всегда так. М. М. Лебедева и Е. С. Зиновьева приводят пример Конференции ООН по изменению климата в Глазго в 2021 г., в которой участвовали представители почти двухсот государств [7, с. 151], многие из которых приехали в Глазго со своими предложениями, однако те национальные делегации, чьи предложения не вошли в итоговый документ конференции, не покинули ее из-за этого. Ю. Джу и Х. Видал-Пуга предлагают свою «децентрализованную» модель многосторонних переговоров, которая не предполагает, что участники, чье предложение отклоняется в процессе переговоров, покидают их [8]. Такая модель, действительно, подходит для описания многосторонних переговоров со многими десятками участников, однако ее возможности для описания переговоров с тремя участниками весьма ограничены.

В самом деле, у Литвы, инициировавшей переговоры с Латвией и Эстонией о переносе даты отключения стран Балтии от БРЭЛЛ, но не сумевшей убедить партнеров по переговорам согласиться со своей позицией, как будет показано ниже, появляется два варианта дальнейших действий. Во-первых, она могла проявить

¹ Литва, Латвия и Эстония договорились о дате отключения от энергокольца БРЭЛЛ, *Деловой Петербург*, 3 августа 2023, URL: <https://www.dp.ru/a/2023/08/03/litva--latvija-i-jestonija-dogovorilis> (дата обращения: 01.11.2024).

«солидарность с большинством» [9] стран Балтии и согласиться выйти из БРЭЛЛ в ранее согласованные сроки, одновременно с Латвией и Эстонией. В этом случае — а как будет показано ниже, именно таким оказался исход анализируемых переговоров на практике — переговоры можно было бы назвать состоявшимися, хотя Литве и не удалось достичь того результата, к которому она стремилась, иницируя переговоры. Во-вторых, Литва, видя неготовность Латвии и Эстонии согласиться с ее предложением, могла прервать переговоры и решиться на выход из БРЭЛЛ в одностороннем порядке раньше, чем две другие страны, последствия чего для энергетической безопасности этих стран (а также для Калининградской области России) оказались бы непредсказуемыми. В этом случае переговоры можно было бы назвать провалившимися.

Г. Фор и У. Цартман справедливо указывают на то, что провалившиеся переговоры привлекают гораздо меньше внимания исследователей переговорных процессов по сравнению с теми, которые завершились заключением того или иного соглашения между сторонами [10, р. 3]. Вместе с тем важнейшим отличием минилатеральных переговоров от многосторонних переговоров с десятками участников (и одновременно важнейшим сходством минилатеральных и двусторонних переговоров) является значимость с точки зрения их исхода ситуации, когда хотя бы одна сторона покидает стол переговоров. В то время как многосторонние переговоры с десятками участников могут оказаться успешными даже в том случае, если одна или даже несколько сторон выходят из переговорного процесса до заключения итогового соглашения, двусторонние и минилатеральные переговоры считаются провалившимися начиная с того момента, когда стол переговоров покидают представители по крайней мере одной стороны.

Иницируя переговоры с Латвией и Эстонией о переносе даты отключения от БРЭЛЛ, премьер-министр Литвы И. Шимоните рассчитывала на успех. В самом деле, Латвия и Эстония отказались от импорта электроэнергии из России и Беларуси в первой половине 2022 г., и можно было ожидать, что эти две страны согласятся сделать и следующий шаг — ускорить отключение от БРЭЛЛ с целью затруднить возврат к импорту электроэнергии из России и Беларуси в будущем. Однако успех переговоров не был предопределен в условиях, когда Латвия и Литва продолжали потреблять больше электроэнергии, чем производили работающие в этих странах электростанции. В начале XXI в. существовали ожидания, что по мере увеличения в странах Балтии производства электроэнергии из альтернативных источников в сочетании с повышением энергетической эффективности предприятий и домохозяйств и диверсификацией направлений сотрудничества в экономической сфере эти страны смогут перейти от энергетической зависимости от России к взаимозависимости [11], опираясь на опыт, например, Дании, сумевшей за последнюю четверть XX в. превратиться из импортера электроэнергии и энергоносителей в экспортера [12].

Однако этим ожиданиям не было суждено оправдаться, несмотря на то, что планы по развитию системы генерации электроэнергии, которые позволили бы в течение десяти-двадцати лет достичь независимости от импорта электроэнергии, начали разрабатываться в странах Балтии в начале 2010-х гг. [13]. Часть этих планов реализована к настоящему времени. Так, в Эстонии завершилось строительство Аувереской тепловой электростанции, которая при выработке электроэнергии может использовать как природный газ, так и горючий сланец, торф и даже биотопливо, под которым чаще всего понимается древесина и продукты ее переработки. В результате Эстония, в 2019—2021 гг. потреблявшая больше электроэнергии, чем она производила, смогла в 2022—2023 гг. вновь добиться превышения генерации над потреблением (табл. 1). В двух других странах Балтии были построены круп-

ные теплоэлектроцентрали вблизи некоторых городов, также ориентированные на использование биотоплива, в том числе в Клайпеде и Шауляе в Литве и в Елгаве в Латвии.

Таблица 1

Производство и потребление электроэнергии, а также энергетический баланс Латвии, Литвы и Эстонии в 2014—2023 гг., Гвт·ч

Год	Латвия			Литва			Эстония		
	Производство	Потребление	Баланс	Производство	Потребление	Баланс	Производство	Потребление	Баланс
2014	5140	6582	-1442	4397	10009	-5612	12447	7417	5030
2015	5534	6461	-927	4933	10165	-5232	10149	7440	2709
2016	6425	6482	-57	4266	10626	-6360	12170	7673	4497
2017	7532	6484	-1048	4188	10957	-6769	13161	7735	5426
2018	6725	6662	63	3512	11283	-7771	12365	8291	4074
2019	6439	6636	-197	3972	11409	-7437	7616	8257	-641
2020	5725	6688	-963	5518	11155	-4403	6079	8585	-2506
2021	5847	6930	-1083	5079	11953	-6874	7205	8099	-894
2022	4998	6717	-1719	4783	11452	-6669	8937	7306	1631
2023	6083	6560	-477	5386	11111	-5752	10009	7095	2914

Составлено на основе данных Евростата¹.

Параллельно строились ветровые и солнечные станции генерации, однако их совокупная мощность пока не позволяет им вырабатывать значимую долю электроэнергии в странах Балтии, где большая часть выработки производится за счет тепловых станций, за исключением Латвии, где работают несколько больших гидроэлектростанций, из которых крупнейшей является Плявиньская станция на Западной Двине. В 2023 г. Латвия и Литва смогли увеличить производство электроэнергии и сократить потребление по сравнению с 2022 г., однако и сегодня, как и десять лет назад, Латвия потребляет больше, а Литва — существенно больше электроэнергии, чем производят. Излишки электроэнергии, возникающие в Эстонии благодаря превышению генерации над потреблением в этой стране, способны покрыть дефицит электроэнергии, возникающий из-за превышения потребления над генерацией в Латвии, но не в Литве, потребляющей вдвое больше электроэнергии, чем она производит. В таблице 1 представлены данные по производству и потреблению электроэнергии, а также по разнице между производством и потреблением (энергетический баланс) в странах Балтии за последние десять лет.

Обусловленность планов развития систем генерации электроэнергии стран Балтии в целом и инициированных правительством Литвы переговоров по ускорению их отключения от БРЭЛЛ в частности распространенным среди элит этих стран страхом перед Россией становится дополнительным стимулом политизации вопросов энергетики. Вместе с тем страх перед Россией следует рассматривать лишь в качестве дополнительного фактора политизации этих вопросов. Такая политизация имеет место в большинстве стран Запада, даже в тех, где пресловутый «российский фактор» не играет столь значимой роли, как в странах Балтии. Исследователи обратили внимание на рост популярности словосочетания «энергетическая демократия», встречающегося не только в требованиях климатических активистов, но и в

¹ Gross and net production of electricity and derived heat by type of plant and operator, 2024, Eurostat, https://doi.org/10.2908/nrg_ind_peh ; Supply, transformation and consumption of electricity, 2024, Eurostat, https://doi.org/10.2908/nrg_cb_e (дата обращения: 01.11.2024).

стратегических документах, принятых во многих странах Запада на государственном уровне [14]. Под «энергетической демократией» понимаются как политическая ценность, разделяемая многими климатическими активистами, так и объективный процесс, благодаря которому климатические активисты приобретают все большую роль в формировании энергетических стратегий государств — процесс, который, как ожидается, ускорится вследствие четвертого энергетического перехода.

В этих условиях неудивительно, что политика стимулирования четвертого энергетического перехода стала вторым важнейшим фактором энергетической политики стран Балтии начиная с 2010-х гг. Если в результате первого энергетического перехода XIX в. уголь вытеснил биотопливо в качестве важнейшего источника энергии, при втором и третьем переходах в XX в. нефть вытеснила уголь, а природный газ — нефть соответственно, то в начале XXI в. возникли ожидания, что наиболее значимыми источниками энергии вскоре станут альтернативные, вытеснив природный газ с первого места. Эти ожидания, получившие название четвертого энергетического перехода, в условиях глобальной экономической взаимозависимости конца XX — начала XXI в. стали важным фактором энергетической политики большинства стран мира [15], включая страны Европейского союза и страны Балтии. Анализ научной литературы позволяет обнаружить три подхода к оценке взаимного влияния факторов страха перед Россией и четвертого энергетического перехода на энергетическую политику отстающих по уровню экономического развития от лидеров ЕС стран-участниц, к каковым относятся и страны Балтии.

Согласно первому подходу интересам снижения зависимости этих стран от импорта электроэнергии и энергоносителей из стран, не входящих в Евросоюз, включая Россию, а равно и целям четвертого энергетического перехода в наибольшей степени отвечает стратегия, не предполагающая форсирования как первого, так и второго процессов по политическим причинам. Эта стратегия опирается на ожидания сокращения отставания стран Балтии от лидеров ЕС по уровню экономического развития благодаря импорту электроэнергии и энергоносителей, в том числе из России, способной гарантировать европейскую и даже мировую энергетическую безопасность, понимаемую как стабильность поставок электроэнергии и энергоносителей в согласованных объемах и по согласованным ценам [16]. Когда же страны Балтии смогут догнать лидеров, например, когда Эстония, Латвия и Литва сравняются с Данией по показателю ВВП на душу населения, тогда в этих странах возникнут и предпосылки для сокращения импорта энергии, увеличения доли альтернативных источников в выработке электроэнергии и повышения энергетической эффективности предприятий и домохозяйств, подобно тому, как это произошло в Дании в конце XX в.

Согласно второму подходу стратегические цели снижения энергетической зависимости стран Балтии от России и форсирования четвертого энергетического перехода противоречат друг другу. Ряд исследователей предупреждает, что полный запрет импорта энергоносителей из России, обсуждаемый в настоящее время в Евросоюзе, окажет негативное влияние на темпы не только роста экономики европейских стран, но и осуществления четвертого энергетического перехода [17]. Упрощенно, импорт электроэнергии и энергоносителей из России создает в Эстонии экономические предпосылки для инвестирования в станции генерации электроэнергии из возобновляемых источников, в то время как отказ от такого импорта заставляет Эстонию сжигать больше горючего сланца ради производства электроэнергии. Рост популярности этого подхода в странах Балтии потенциально способен спровоцировать конфликт с наднациональными институтами Евросоюза, поскольку правительства этих стран, выбирая между независимостью от импорта из России и четвертым энергетическим переходом, предпочитают первое, а институты ЕС — второе.

Снять это противоречие позволяет третий подход, согласно которому форсирование четвертого энергетического перехода будет способствовать ускоренному сокращению импорта электроэнергии и энергоносителей из России. Оно приведет к демонтажу ныне существующих и формированию новых международных систем перемещения энергии, из-за конфигурации которых, а не из-за поставок энергии и возникает, по мнению П. Хёгзелиуса, энергетическая зависимость [18, р. 68—102]. Будут созданы новые системы, в результате изменится география поставок значимых для генерации электроэнергии товаров [19]. Упрощенно, если сегодня страны Балтии зависят от поставок энергоносителей из стран — экспортеров нефти и природного газа, включая Россию, то после осуществления четвертого энергетического перехода весь Европейский союз, по мнению, например, И. Шимоните, может оказаться в зависимости от поставок критического для энергетической отрасли программного обеспечения, аккумуляторов для электромобилей и ветряных турбин, производимых в Китае¹.

Энергетическая политика Европейского союза и административные реформы в странах Балтии

В практике реализации в Евросоюзе политики, нацеленной на форсирование четвертого энергетического перехода, часто можно обнаружить стремление к достижению отдельных количественных показателей, характеризующих энергетический баланс в отдельных странах, отдельных отраслях экономики и даже на отдельных предприятиях, без оглядки на то, как попытки любой ценой сделать это влияют на энергетический баланс в соседних странах, в смежных отраслях и на аналогичных предприятиях. Эту особенность практики реализации энергетической политики, играющую противоречивую роль в достижении ее целей, Дж. Стивенс предлагает называть «климатическим изоляционизмом» [20]. По аналогии стремление отдельных политиков и отдельных стран Балтии, а также всех Прибалтийских государств к решению тех или иных задач, что должно поспособствовать, по их мнению, ускорению четвертого энергетического перехода, без оглядки на влияние, которое решение этих задач оказывает на соседние страны, а также на отдельные отрасли экономики и отдельные предприятия в самих этих странах, в данной статье называется «энергетическим изоляционизмом».

Подход, предполагающий, что форсированный четвертый энергетической переход и форсированное же сокращение импорта электроэнергии и энергоносителей из России будут взаимно способствовать друг другу, был положен в основу энергетической политики Евросоюза, которая начала формироваться в середине 2000-х гг. Газовый конфликт между Россией и Украиной 2006 г. способствовал увеличению значимости российского фактора для процесса формирования этой политики [21]. В 2009 г. Евросоюз утвердил так называемые цели «20—20—20», предполагавшие, что к 2020 г. доля возобновляемых источников энергии возрастет в ЕС до 20 %, выбросы парниковых газов снизятся на 20 % к уровню 1990 г., а энергетическая эффективность возрастет также на 20 %. Еще в конце 2000-х гг. ряд исследователей предупреждал, что ущерб для благосостояния стран ЕС, если эти цели будут реализованы, окажется выше, чем его предварительно оценивала Европейская комиссия [22]. В целом по ЕС эти цели были достигнуты к 2020 г. (хотя и не все стра-

¹ Премьер Литвы предупредила ЕС о рисках в энергетике из-за Китая, *Спутник. Литва*, 28 марта 2024, URL: <https://lt.sputniknews.ru/amp/20240328/premier-litvy-predupredila-es-o-riskakh-v-energetike-iz-za-kitaya-32480482.html> (дата обращения: 01.11.2024).

ны-участницы выполнили свои задачи в рамках достижения этих целей в полном объеме), точная же оценка последствий для благосостояния Европы пока не была выполнена.

В 2015 г. Евросоюз поставил себе целью создание Европейского энергетического союза. Большинство задач и конкретных мероприятий, реализация которых, по задумке авторов проекта Энергетического союза, сделает его возникновение возможным, осталось теми же, которые ЕС планировал реализовать и раньше в контексте форсирования четвертого энергетического перехода. Однако были приняты и новые задачи, в первую очередь в сфере внешней энергетической политики, нацеленные на сокращение роли России как поставщика электроэнергии и энергоносителей в страны Евросоюза [23]. Наконец, в 2020 г. был утвержден так называемый Европейский зеленый курс, предполагающий, среди прочего, достижение Европейским союзом в целом углеродной нейтральности к 2050 г. Представляется, что реализация этого курса на практике непосредственно затронет не только российские интересы, но и интересы соседних с ЕС стран — экспортеров энергоносителей, например Алжира, а также интересы глобальных игроков на энергетическом рынке, таких как США, Китай и Саудовская Аравия [24].

План по выходу из БРЭЛЛ, согласованный странами Балтии, Польшей и Европейской комиссией во второй половине 2010-х гг., стал элементом реализации проекта создания энергетического союза ЕС. Реализация этого плана требовала не просто отключения стран Балтии от БРЭЛЛ, но и строительства дополнительных высоковольтных линий электропередачи, которые соединили бы Эстонию с Латвией, а Латвию с Литвой в обход России и Беларуси. Готовность Европейской комиссии поддержать этот план, причем не только политически, но и финансово, способствовала тому, что страны Балтии приняли решение не только выйти из БРЭЛЛ, но и синхронизировать свои энергетические системы именно с региональной синхронной сетью континентальной Европы, а не Северных стран [25]. Ведь в 2016 г., когда этот план начал обсуждаться, страны Балтии были связаны с континентальной Европой лишь одной только что запущенной высоковольтной линией постоянного тока, соединявшей Литву и Польшу, в то время как с Северной Европой страны Балтии были связаны тремя подводными высоковольтными линиями, из которых две соединяли Эстонию и Финляндию, а третья — Литву и Швецию.

Единственная линия электропередачи стала причиной первого конфликта между Литвой с одной стороны и Латвией и Эстонией — с другой по вопросам, непосредственно затрагивающим план выхода стран Балтии из БРЭЛЛ. В то время как правительство Литвы в 2017 г. утверждало, что одной линии электропередачи достаточно и выход из БРЭЛЛ трех стран Балтии можно было бы осуществить в течение одного-двух лет, правительства Эстонии и Латвии настаивали, что синхронизация с региональной сетью континентальной Европы не может быть проведена раньше, чем завершится как минимум строительство второй линии электропередачи¹. Речь шла о проекте подводной линии электропередачи «Гармония», которая соединяла бы Литву и Польшу по морскому дну в обход Калининградской области; этот проект не завершен и по настоящее время. Во второй половине 2017 г. Эстония председательствовала в Европейском союзе, что позволило ей добиться отсрочки реализации проекта по выходу стран Балтии из БРЭЛЛ и заручиться обещаниями финансовой поддержки этого проекта со стороны Европейской комиссии, включая строительство линии электропередачи «Гармония».

¹ Estonia, Lithuania Fail to Agree on How to Synchronize Power Grids with Western Europe, *Lithuania Tribune*, 21.07.2017, URL: <https://lithuaniantribune.com/estonia-lithuanian-fail-to-agree-on-how-to-synchronize-power-grids-with-western-europe/> (дата обращения: 01.11.2024).

Уже в конце 2017 г. Европейская комиссия одобрила третий «список проектов, представляющих общий интерес», среди которых четвертое место занял «приоритетный коридор» под названием «План подключения Балтийского энергетического рынка»¹. В начале 2018 г., накануне публикации списка приоритетных проектов, президенты Европейской комиссии и Литвы, а также главы правительств Эстонии, Латвии и Польши смогли назвать конкретную дату выхода стран Балтии из БРЭЛЛ — 2025 г.². Таким образом, в переговорах между странами Балтии о сроках отключения от БРЭЛЛ представляется возможным выделить два этапа. На первом этапе, проходившем в 2017-2018 гг., эти переговоры, в классификации А. А. Посажениковой и М. М. Лебедевой [26, с. 47], характеризовались как торг: представители Литвы на них выступали за скорейшее отключение всех трех стран Балтии от БРЭЛЛ, в то время как представители Латвии и Эстонии — за более поздние сроки отключения.

В данной статье наибольшее внимание уделяется второму этапу переговоров, на котором их можно было охарактеризовать, по той же классификации, как попытку убеждения, предпринятую Литвой. В конце 2019 г., когда первый этап переговоров уже был завершен, а начало второго этапа едва ли можно было предвидеть, комиссаром Европейской комиссии по вопросам энергетики стала представительница Эстонии К. Симсон, оставшаяся в этой должности до 2024 г. Благодаря ей Исполнительное агентство инноваций и сетей, — структура, созданная Европейской комиссией в 2013 г. вместо Трансъвропейского исполнительного агентства транспортных сетей, — подписало с операторами энергетических сетей стран Балтии и Польши соглашение о выделении гранта в размере 720 млн евро, на средства которого предполагалось построить инфраструктуру, которая позволила бы реализовать план выхода стран Балтии из БРЭЛЛ к 2025 г.³.

Стремление Европейской комиссии форсировать четвертый энергетический переход потребовало не только финансирования, но и административных изменений в странах-участницах. При этом Европейской комиссии пришлось согласиться с тем, что в разных странах сложились как минимум две модели политического управления энергетическим переходом. В таких странах, как Франция, где цели экономического развития и энергетического перехода не противоречат друг другу, возникла «технократическая» модель политического управления этим процессом, характерной особенностью которой является наделение соответствующими полномочиями министерства экономики [27]. Ярким примером среди стран Балтийского региона является Германия, где при формулировании целей экономической и энергетической политики задачи по сокращению выбросов, способствующих изменению климата, учитывались начиная с 1970-х гг. [28]. В 2021 г. должность министра экономики и энергетики в Германии получила название министра экономики и климата одновременно с переименованием соответствующего федерального министерства.

¹ Commission Delegated Regulation (EU) 2018/540 of 23 November 2017 amending Regulation (EU) № 347/2013 of the European Parliament and of the Council as regards the Union list of projects of common interest, *Official Journal of the European Union*, L90/38-58, 6.04.2018, URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32018R0540> (дата обращения: 01.11.2024).

² Juncker, J.C., Grybauskaitė, D., Ratas, J., Kučinskis, M., Morawiecki, M. 2018, Energy Union: Synchronisation of the Baltic States' Electricity Network with the European System Will Strengthen Solidarity and Regional Security of Supply, *European Commission*, URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/STATEMENT_18_2142 (дата обращения: 01.11.2024).

³ Baltic States and Poland Sign € 720 Million Grant Agreement for the Baltic Synchronisation Project, *European Commission*, 14.12. 2019, URL: https://commission.europa.eu/news/baltic-states-and-poland-sign-eu720-million-grant-agreement-baltic-synchronisation-project-2020-12-14_en (дата обращения: 01.11.2024).

В тех же странах, где энергетический переход рассматривается в качестве возможного ограничителя экономического развития, вопросы энергетики, ранее находившиеся в ведении министерства экономики, были переданы другому министерству, чаще всего — министерству окружающей среды. По такому пути пошла, например, Эстония. В 2019 г., когда премьер-министром страны был Ю. Ратас, она пыталась сопротивляться (вместе с Польшей, Венгрией и Чехией) утверждению Европейского зеленого курса, пусть и недолго [29]. Однако пришедшие к власти после 2021 г. три правительства К. Каллас активно поддержали как цели Европейского энергетического союза, так и связанную с их реализацией административную реформу. Так, при формировании третьего правительства К. Каллас в 2023 г. в ведение министерства окружающей среды были переданы вопросы энергетики, само министерство было переименовано в министерство климата, а в правительстве появилась должность министра климата, которую занял К. Михал. Когда же в 2024 г. К. Михал сам стал премьер-министром, в его правительстве были созданы две министерские должности: министра инфраструктуры, отвечающего также за вопросы энергетики, которую занял В. Свет, и министра климата, отвечающего также за вопросы окружающей среды, которую заняла Й. Алендер. Эстонское министерство климата оказалось в подчинении у двух министров.

Такая модель характерна для быстро развивающихся экономик стран Азии, таких как Китай и Индия, и Латинской Америки, таких как Бразилия и Мексика. Из крупных стран Евросоюза такую модель приняла Польша, которая еще в середине 2019 г. вместе с Эстонией пыталась препятствовать утверждению Европейского зеленого курса. Как в Эстонии производство электроэнергии происходит по большей части за счет сжигания горючего сланца, так и в Польше каменный уголь занимает наибольшую долю в энергетическом балансе страны [30]. Однако уже в конце 2019 г. во втором кабинете М. Моравецкого были созданы одновременно должности министра окружающей среды, которую занимал М. Вос, и министра климата, которую занимал М. Куртыка, ставший министром климата и окружающей среды после окончания переходного периода, в течение которого параллельно действовали три министерства — экономики; энергетики и климата; охраны окружающей среды — и объединения двух последних должностей в конце 2020 г.

В Латвии аналогичный переходный период начался в 2022 г. В начале 2022 г. будущий министр обороны в правительстве Э. Селини А. Спрудс с коллегами опубликовал статью о необходимости смены «стратегического нарратива» о климатической политике в Латвии [31], а в конце того же года во втором правительстве К. Кариньша появилась должность министра климата и энергетики. Вновь созданному министерству климата и энергетики были переданы функции в сфере регулирования энергетики, ранее находившиеся в ведении министерства экономики, а также функции по реализации климатической политики, которые до этого выполняло министерство охраны окружающей среды и регионального развития. В 2023 г. переходный период в Латвии продолжился: в кабинете Э. Селини сохранились должности и министра экономики, и министра климата и энергетики, и министра охраны окружающей среды и регионального развития. В Литве в первой половине 2020-х гг. параллельно действовали министерство экономики и инноваций, министерство окружающей среды и министерство энергетики, отвечавшее также за реализацию климатической политики.

Позиции Литвы, Латвии и Эстонии на переговорах по форсированию отключения от БРЭЛЛ

Построить модель переговоров о возможном форсировании отключения стран Балтии от БРЭЛЛ, которые Эстония, Латвия и Литва вели с конца 2022 г. до середины 2023 г., позволяет методология, выработанная в рамках теории игр.

Разработанная в период существования биполярной системы международных отношений (см., [напр., 32]), она не теряет своей актуальности и сегодня [33]. Если первые игровые модели разрабатывались для анализа двусторонних переговоров с двумя вариантами их исхода, то впоследствии появились модели, позволяющие не только описать переговоры большего числа участников, обсуждающих более двух вариантов исхода этих переговоров, но и оценить вероятность реализации каждого из этих вариантов на практике [34]. Построение такой модели требует определить, во-первых, возможные варианты исхода переговоров, а во-вторых, предпочтения каждой из участвующих в переговорах сторон относительно этих вариантов. Это, в свою очередь, требует обращения к текстам публичных выступлений политических лидеров стран Балтии.

В первой половине 2022 г. для литовских политиков были характерны крайне осторожные заявления относительно как административной реформы, так и перспектив отключения от БРЭЛЛ до 2025 г. Так, летом 2022 г. президент Литвы Г. Науседа заявил, что его страна готова к немедленному отключению от БРЭЛЛ, но лишь в том случае, если это произойдет по инициативе России, которая якобы может отключить страны Балтии от БРЭЛЛ в ответ на ограничение транзита товаров в Калининградскую область через территорию Литвы, введенное этой страной весной того же года¹. О досрочном отключении от БРЭЛЛ по инициативе самих стран Балтии речи не шло вплоть до ноября 2022 г., когда премьер-министр Литвы И. Шимоните, выступая на заседании Вильнюсского форума зеленых технологий, заявила, что в следующем, 2023-м, году страна примет решение, когда именно произойдет ее отключение от БРЭЛЛ, подразумевая, что это случится раньше 2025 г.² Три недели спустя И. Шимоните официально вступила в политическую партию «Союз отечества» и поставила своей целью участие в президентских выборах в Литве 2024 г. в качестве основного кандидата от этой партии. Впрочем, президентские выборы 2024 г. она проиграла, уступив действующему президенту Г. Науседе, избранному на второй срок.

И. Шимоните сделала форсированное отключение стран Балтии от БРЭЛЛ центральным вопросом своей президентской кампании. С ее подачи в апреле 2023 г. литовский национальный оператор электрических сетей компания «Литгрид» провела учения, целью которых было оценить потенциальные угрозы, связанные с функционированием литовских электрических сетей в изолированном режиме, независимо и от БРЭЛЛ, и от региональной синхронной сети континентальной Европы, и от североευропейской синхронной сети, и даже от национальных электрических сетей Эстонии и Латвии. Первоначально литовский оператор приглашал сетевые компании Латвии и Эстонии провести совместные учения, которые в случае успеха продемонстрировали бы готовность всех трех стран Балтии отключиться от БРЭЛЛ ранее 2025 г.³ Латвийская компания «АСТ» и эстонская компания «Элеринг» отказались участвовать в учениях, ссылаясь на инфраструктурные трудности. В результате литовской компании пришлось проводить учения в одиночку,

¹ Науседа: Литва готова к отключению от БРЭЛЛ, *Lietuvos nacionalinis radijas ir televizija rusiškai*, LRT, 23.06. 2022, URL: <https://www.lrt.lt/ru/novosti/17/1725836/nauseda-litva-gotovak-otkliucheniiu-ot-brell> (дата обращения: 01.11.2024).

² Next Year Lithuania Will Announce When Electric Power System Will be Synchronized with the West, *Delfi*, 24.11.2022, URL: <https://www.delfi.lt/en/business/next-year-lithuania-will-announce-when-electric-power-system-will-be-synchronised-with-west-91838599> (дата обращения: 01.11.2024).

³ Gaidamavičius, G. 2023, Lithuania Pressing Baltic Neighbours for Early Disconnect from BRELL, *Lietuvos nacionalinis radijas ir televizija angliškai*, 18.04.2023, URL: <https://www.lrt.lt/en/news-in-english/19/1964974/lithuania-pressing-baltic-neighbours-for-early-disconnect-from-brell> (дата обращения: 01.11.2024).

однако их успех позволил И. Шимоните заявить, что Литва способна в одностороннем порядке отключиться от БРЭЛЛ ранее 2025 г., даже если Эстония и Латвия откажутся последовать за ней¹.

В июне 2023 г. парламент Литвы единогласно проголосовал за ускорение отключения страны от БРЭЛЛ². Таким образом, Литва, в классификации М. А. Хрусталева [35, с. 68], прибегла к ультимативной переговорной стратегии, попытавшись свести переговоры к обсуждению всего двух вариантов: отключение от БРЭЛЛ либо всех трех стран Балтии одновременно в начале 2024 г., либо Литвы в начале 2024 г. в одностороннем порядке с непредсказуемыми последствиями для энергетической безопасности Латвии и Эстонии (а также Калининградской области России). Латвия и Эстония, в свою очередь, призвали Литву к выбору в пользу партнерской стратегии на переговорах, в той же классификации, предполагающей выбор решения проблемы, значимость которой все три страны Балтии признают, из большего, чем два, числа вариантов, включая и наиболее предпочтительный с точки зрения Эстонии и Литвы вариант, предполагающий отключение всех трех стран Балтии от БРЭЛЛ одновременно и в ранее согласованные сроки, то есть в начале 2025 г.

В октябре 2023 г. литовский «Союз отечества» официально назвал И. Шимоните своим кандидатом на предстоящих президентских выборах³. Вопрос досрочного отключения стран Балтии от БРЭЛЛ остался ключевым для ее кампании. Даже в октябре 2023 г., то есть через два месяца после того, как Литва, Латвия и Эстония окончательно договорились, что их одновременное отключение от БРЭЛЛ произойдет в феврале 2025 г., литовский премьер-министр продолжала утверждать, что она делает все возможное, чтобы отключение состоялось раньше⁴. Однако этот вопрос так и остался элементом ее персональной президентской кампании, не став, например, значимым вопросом для кампании «Союза отечества» на парламентских выборах в Литве в октябре 2024 г., где основным соперником этой партии стали набирающие популярность социал-демократы, которые, стремясь сосредоточиться на парламентской кампании, отказались выдвинуть собственного кандидата на президентских выборах, поддержав действующего главу государства Г. Науседу⁵.

Избранная литовскими социал-демократами стратегия оправдалась лишь частично. На выборах в Европейский парламент, которые в Литве были проведены одновременно со вторым туром президентских выборов, «Союз отечества» обошел «Социал-демократическую партию» по числу набранных голосов: консерва-

¹ Lithuania Completes Electricity Grid Test, 'Giant Step towards Energy Independence', *Lietuvos nacionalinis radijas ir televizija angliškai*, 24.04.2023, URL: <https://www.lrt.lt/en/news-in-english/19/1969404/lithuania-completes-electricity-grid-test-giant-step-towards-energy-independence> (дата обращения: 01.11.2024).

² The Seimas Advances Synchronisation with the Continental European Network, *Lietuvos Respublikos Seimas*, 15.06.2023, URL: https://www.lrs.lt/sip/portal.show?p_r=35435&p_k=2&p_t=285335 (дата обращения: 01.11.2024).

³ Lithuanian PM to Run for President on TS-LKD Ticket after All Party Contenders Withdraw, *Lietuvos nacionalinis radijas ir televizija angliškai*, 05.10.2023, URL: <https://www.lrt.lt/en/news-in-english/19/2092730/lithuanian-pm-to-run-for-president-on-ts-lkd-ticket-after-all-party-contenders-withdraw> (дата обращения: 01.11.2024).

⁴ Vaišvilaitė, J. 2023, Prime Minister: Lithuania Does Everything It Can to Disconnect from BRELL Ring Sooner, *Delfi*, 18.10.2023, URL: <https://www.delfi.lt/en/politics/prime-minister-lithuania-does-everything-it-can-to-disconnect-from-brell-ring-sooner-94836213> (дата обращения: 01.11.2024).

⁵ Lithuania's Social Democrats Endorse Incumbent Nausėda in Presidential Election, *Lietuvos nacionalinis radijas ir televizija angliškai*, 05.02.2024, URL: <https://www.lrt.lt/en/news-in-english/19/2187488/lithuania-s-social-democrats-endorse-incumbent-nauseda-in-presidential-election> (дата обращения: 01.11.2024).

торы получили три из одиннадцати закрепленных за Литвой депутатских мандатов в новом составе Европарламента, а социал-демократы — только два¹. Однако на прошедших в октябре 2024 г. парламентских выборах социал-демократы получили на 39 депутатских мандатов больше, чем в 2020 г., став крупнейшей парламентской партией страны, в то время как консерваторы получили на 22 мандата меньше, чем четыре года назад, заняв лишь второе место по размеру фракции в Сейме. В общей сложности социал-демократы по результатам двух туров выборов получили 52 депутатских мандата и сформировали правительство в коалиции с правопопулистской партией «Рассвет над Неманом» и Демократическим союзом «Во имя Литвы», а консерваторы — лишь 28, став крупнейшей оппозиционной партией².

Как и в Литве, в Латвии первые призывы к досрочному отключению стран Балтии от БРЭЛЛ прозвучали в 2022 г. от политиков, усмотревших в таких призывах шанс улучшить свои результаты на парламентских выборах, которые должны были пройти осенью 2022 г. Более других латвийских политиков на необходимости скорейшего выхода всех трех стран Балтии из БРЭЛЛ настаивала представитель консервативной партии «Национальный союз» И. Индрексоне, тогда занимавшая пост парламентского секретаря министерства экономики³. Резкая антироссийская риторика в сочетании с конкретными предложениями по форсированию сокращения импорта электроэнергии и энергоносителей из России, включая и выход из БРЭЛЛ, позволила ей занять должность министра экономики, когда вследствие выхода из состава правящей коалиции популистской партии «За гуманную Латвию», ранее известной как «Кому принадлежит государство?», представители этой партии покинули коалицию. В том числе в отставку был отправлен прежний министр экономики Я. Витенбергс; ему не помогло даже то, что в 2021 г. он вышел из рядов партии «За гуманную Латвию» и перешел в Национальный союз⁴.

На посту министра экономики И. Индрексоне продолжала выступать за ускорение выхода из БРЭЛЛ. Однако после парламентских выборов конца 2022 г., хотя она и сохранила пост министра экономики, у нее стало меньше возможностей для реализации этой идеи на практике: в результате вышеупомянутой административной реформы вопросы энергетики были переданы от министерства экономики к новому министерству климата и энергетики. Занявший пост министра климата и энергетики представитель партии премьер-министра К. Кариньша «Новое единство» Р. Чударс в марте 2023 г. подтвердил, что выход стран Балтии из БРЭЛЛ запланирован на 2025 г. и что они находятся «в самой середине» процесса подготовки инфраструктуры к этому событию, а Латвия предпочла бы сохранить приверженность утвержденному в 2018 г. плану⁵. Пришедшее к власти в сентябре 2023 г. пра-

¹ 2024 m. birželio 9 d. rinkimai į Europos Parlamentą, Lietuvos Respublikos Vyriausioji Rinkimų Komisija, 16.06.2024, URL: <https://www.vrk.lt/2024-europos-parlamento/rezultatai?srcUrl=/rinkimai/1546/1/2146/rezultatai/lt/rezultataiEpIsrinktiNariai.html> (дата обращения: 01.11.2024).

² 2024 m. spalio 13 d. Lietuvos Respublikos Seimo rinkimai (I Turas), Lietuvos Respublikos Vyriausioji Rinkimų Komisija, 11.03.2024, URL: <https://www.vrk.lt/2024-seimo/rezultatai?srcUrl=/rinkimai/1544/1/2150/rezultatai/lt/rezultataiIsrinktiNariai.html> (дата обращения: 01.11.2024).

³ Baltic States Have Agreed to Disconnect from Russian Power Grid Already Before 2025, *The Baltic Times*, 08.03.2022, URL: https://www.baltictimes.com/baltic_states_have_agreed_to_disconnect_from_russian_power_grid_already_before_2025/ (дата обращения: 01.11.2024).

⁴ Kincis, J. 2022, Premjers paraksta rīkojumu par ekonomikas ministra Vitenberga demisiju, *Latvijas Sabiedriskais medijs*, 18.05.2022, URL: <https://www.lsm.lv/raksts/zinas/latvija/premjers-paraksta-rikojumu-par-ekonomikas-ministra-vitenberga-demisiju.a457342/> (дата обращения: 01.11.2024).

⁵ Patricolo, C. 2023, Latvia Aspires to Become Energy Independent and Unlock Renewables Potential: Interview with Raimonds Čudars, Minister of Climate and Energy, *Central Europe Energy News*, 02.03.2023, URL: <https://ceenergynews.com/interviews/latvia-aspires-to-become-energy-independent-and-unlock-renewables-potential-interview-with-raimonds-cudars-minister-of-climate-and-energy/> (дата обращения: 01.11.2024).

вительство Э. Селини, в котором пост министра климата и энергетики занял представитель «Союза зеленых и фермеров» К. Мельнис, продолжило придерживаться плана, по которому выход из БРЭЛЛ должен произойти в 2025 г.

В Эстонии, где парламентские выборы были запланированы на март 2023 г., ни одна политическая партия не попыталась сделать форсированное отключение от БРЭЛЛ элементом своей предвыборной кампании. Еще в декабре 2022 г. премьер-министр и лидер наиболее популярной Партии реформ К. Каллас заявила, что целый ряд технических вопросов, решение которых сделает будущее отключение от БРЭЛЛ максимально безопасным для эстонского потребителя, пока остается нерешенным¹. Утвержденная к выборам 2023 г. политическая платформа «Партии реформ» содержала обещание «разрабатывать планы быстрее, чем обычно, в условиях охватившей Европу энергетической войны», однако это обещание касалось главным образом административных перемен в самой Эстонии, которые позволили бы ускорить согласование чиновниками значимых для энергетического сектора проектов, а не международного сотрудничества в сфере энергетики². Обсуждение возможности поддержать премьер-министра Литвы И. Шимоните — наиболее активную сторонницу отключения стран Балтии от БРЭЛЛ — и форсировать этот процесс началось в Эстонии уже после выборов и прихода к власти третьего кабинета министров К. Каллас.

Так, в конце апреля 2023 г. было объявлено, что в июле того же года в отставку уйдет глава эстонского национального оператора электрических сетей компании «Элеринг» Т. Вескимяги, бывший министр финансов Эстонии в 2003—2005 гг. и бывший муж тогда еще будущего премьер-министра К. Каллас³. На посту главы «Элеринг» Т. Вескимяги сделал отключение Эстонии от БРЭЛЛ одной из важнейших своих задач, однако в то же время он активно выступал против форсирования этого процесса, предпочитая придерживаться ранее утвержденного плана, согласно которому отключение должно произойти в 2025 г. Так, в июне 2023 г., все еще оставаясь главой «Элеринг», комментируя решение литовского сейма о форсировании выхода Литвы из БРЭЛЛ, он заявил, что если Литва действительно осуществит отключение в одностороннем порядке, то это будет нарушением ее обязательств перед Латвией и Эстонией⁴. Когда Т. Вескимяги на посту главы «Элеринг» сменил К. Кильк, позиция и компании, и контролирующего ее министерства климата Эстонии, и всего эстонского правительства осталась прежней: отключение от БРЭЛЛ ранее 2025 г. нежелательно для Эстонии.

Таким образом, модель переговоров между Эстонией, Латвией и Литвой о возможном форсировании отключения стран Балтии от БРЭЛЛ должна включать три возможных варианта исхода этих переговоров. Во-первых, три страны могли согласиться оставить в действии утвержденный в 2018 г. план, согласно которому их отключение от БРЭЛЛ должно произойти в 2025 г. Именно таким оказался исход этих переговоров на практике. Во-вторых, премьер-министры Латвии и

¹ Synchronization Still Lacks Technical Elements – Estonian PM, *The Baltic Times*, 09.12.2022, URL: https://www.baltictimes.com/synchronization_still_lacks_technical_elements___estonian_pm/ (дата обращения: 01.11.2024).

² Reformierakond. 2023, *Energeetika*, in *Kindlates kättes Eesti!*, Reformierakonna programm: Riigikogu valimised, URL: <https://reform.ee/riigikogu-valimised-2023/valimisprogramm/energeetika/> (дата обращения: 01.11.2024).

³ The CEO of Elering Taavi Veskimägi Is Resigning, *Elering*, 25.04.2023, URL: <https://www.elering.ee/en/ceo-elering-taavi-veskimagi-resigning> (дата обращения: 01.11.2024).

⁴ Ots, M. 2023, *Veskimäe hinnangul tähendaks Leedu kiirsünkroniseerimine lepingu rikkumist, Eesti rahvusringhääling*, 16.06.2023, URL: <https://www.err.ee/1609009838/veskimae-hinnangul-tahendaks-leedu-kiirsunkroniseerimine-lepingu-rikkumist> (дата обращения: 01.11.2024).

Эстонии К. Кариньш и К. Каллас могли принять решение поддержать свою коллегу И. Шимоните и согласиться с отключением стран Балтии от БРЭЛЛ уже в начале 2024 г., невзирая на издержки, связанные с недостаточной технической готовностью энергетических систем этих двух (а возможно, и всех трех) стран к досрочному отключению. Наконец, в-третьих, переговоры могли провалиться, в результате чего Латвия и Эстония столкнулись бы с односторонним отключением Литвы от БРЭЛЛ весной 2024 г. Иными словами, позиции Эстонии и Латвии на этих переговорах были схожими, в то время как позиция Литвы существенно отличалась от них.

Для Эстонии и Латвии наиболее предпочтительным исходом переговоров был бы первый вариант. Наименее же предпочтительным для Эстонии и Латвии оказался бы третий вариант, хотя в результате пробной попытки отключиться от БРЭЛЛ в одностороннем порядке, предпринятой Литвой в апреле 2023 г., энергетические сети Эстонии и Латвии не пострадали¹. Для Литвы, в свою очередь, или по крайней мере для литовского премьер-министра И. Шимоните наиболее предпочтительным исходом переговоров оказался бы второй вариант, а наименее предпочтительным — первый. Вместе с тем Литве пришлось согласиться именно с таким исходом переговоров. В июле 2023 г. Государственный совет обороны Литвы под председательством основного конкурента И. Шимоните на президентских выборах 2024 г. действующего президента Г. Науседы рекомендовал правительству согласиться с предложением Эстонии и Латвии об отключении стран Балтии от БРЭЛЛ в феврале 2025 г.². Анализ позиций Эстонии, Латвии и Литвы позволяет сформировать модель этих переговоров, представленную в таблице 2.

Таблица 2

**Модель переговоров между правительствами Эстонии, Латвии и Литвы
в 2022—2023 гг. по вопросу о форсировании отключения стран Балтии от БРЭЛЛ**

Страна	Вариант 1	Вариант 2	Вариант 3
Эстония	3	2	1
Латвия	3	2	1
Литва	1	3	2
Эквивилибриум	7	7	4

Причины неготовности большинства стран Балтии принять во внимание интересы меньшинства

Представленная в таблице 2 модель позволяет предсказать, что при вышеописанных позициях участвующих в переговорах стран третий вариант исхода этих переговоров, связанный с их провалом и односторонним отключением Литвы от БРЭЛЛ весной 2024 г., представляется наименее вероятным. Поскольку энергетическая безопасность Калининградской области Российской Федерации зависит в первую очередь от действий именно этой страны Балтии, связанность ее действий позициями Латвии и Эстонии предоставила России дополнительный год для реализации мер, направленных на укрепление энергетической безопасности своего эксклава. С 2014 г., когда Литва впервые допустила возможность прекращения тран-

¹ Estonia Unaffected by Lithuania's Electricity System Disconnection Test, *Eesti rahvusringhääling*, 23.04.2023, URL: <https://news.err.ee/1608956381/estonia-unaffected-by-lithuania-s-electricity-system-disconnection-test> (дата обращения: 01.11.2024).

² State Defence Council Asks Government to Agree with Baltics on Synchronisation in 2025, *Lietuvos nacionalinis radijas ir televizija angliškai*, 24.07.2023, URL: <https://www.lrt.lt/en/news-in-english/19/2042098/state-defence-council-asks-government-to-agree-with-baltics-on-synchronisation-in-2025> (дата обращения: 01.11.2024).

зита электроэнергии в Калининградскую область через свою территорию, Россией был достигнут значимый прогресс в данном направлении [36]. Однако дополнительный год, которым Россия смогла воспользоваться благодаря тому, что прогноз, основывающийся на представленной в данной статье модели, оказался верным, позволил сделать эти меры более эффективными.

Первый и второй варианты исхода переговоров парадоксальным образом являются равновероятными. При этом первый вариант, который и был реализован на практике, предполагает, что большинство (Эстония и Латвия) стран со схожими позициями заставило меньшинство (Литву) согласиться с наиболее предпочтительным для большинства вариантом исхода переговоров, пусть для меньшинства этот вариант был и наименее предпочтительным. Второй же вариант, если бы переговоры завершились принятием его всеми сторонами, означал бы, что большинство согласилось с не самым выгодным для себя вариантом ради того, чтобы ни одной стороне, участвующей в переговорах, не пришлось соглашаться с наименее выгодным для себя вариантом. Как первый, так и второй варианты предполагают, что все три страны Балтии будут действовать единым образом, что позволяет говорить о возникновении между ними солидарности в вопросах энергетической политики. Вместе с тем дискуссия о солидарности стран по тем или иным вопросам требует различать солидарность с большинством (первый вариант) и солидарность с меньшинством (второй вариант) [9].

Страны Балтии в отношениях друг с другом чаще склонны к проявлениям солидарности с большинством. Для двух из них пока крайне трудно согласиться с тем из обсуждаемых на переговорах между ними вариантов общего решения той или иной проблемы, который не является самым выгодным с их точки зрения, даже если их согласие с этим вариантом позволит третьей стране избежать необходимости согласиться с наименее выгодным для себя вариантом. Так, во второй половине 2010-х гг. Литве оказалось крайне трудно убедить Эстонию и Латвию отказаться в будущем от импорта электроэнергии, производимой на Белорусской атомной электростанции, строительство которой должно было завершиться (и реально завершилось) в 2020 г. Так, еще в начале 2016 г., когда на площадке будущей станции только начался монтаж ее первого энергоблока, премьер-министр Литвы А. Буткявичюс, представитель «Социал-демократической партии», заявил об отказе Литвы когда-либо в будущем импортировать электроэнергию с Белорусской АЭС¹. Одновременно он призвал правительства Латвии и Эстонии также отказаться от импорта электроэнергии с этой станции.

После поражения литовских социал-демократов на парламентских выборах 2016 г. пришедшее к власти правительство С. Сквернялиса продолжило убеждать правительства Латвии и Эстонии отказаться от импорта электроэнергии с Белорусской АЭС. Переговоры заняли четыре года и потребовали вмешательства Европейской комиссии, которая поддержала позицию Литвы и пообещала финансовую поддержку энергетическому сектору Латвии и Эстонии в случае, если эти страны согласятся с менее выгодным для себя вариантом, продвигаемым правительством Литвы². Однако добиться согласия Латвии, за которой вскоре последовала и Эстония, удалось лишь в 2020 г., после того как все три страны не только отказались признавать результаты президентских выборов в Беларуси (что не предполагало материальных затрат), но и отказались от импорта любой электроэнергии из этой

¹ PM: Lithuania Won't Buy Electricity from Belarus' New NPP, *The Baltic Course*, 15.03.2016, URL: <https://www.baltic-course.com/eng/energy/?doc=118131> (дата обращения: 01.11.2024).

² Istrate, D. 2020, Baltic States Will Not Buy Energy from Belarus NPP, *Emerging Europe*, 13.02.2023, URL: <https://emerging-europe.com/news/baltic-states-will-not-buy-energy-from-belarus-npp/> (дата обращения: 01.11.2024).

страны (решение, способное нанести Латвии и Эстонии в перспективе материальный ущерб, который лишь частично компенсировался бы обещанной поддержкой Европейской комиссии)¹. Убедить же лидеров Эстонии и Латвии согласиться с не самым выгодным для них вариантом решения за короткий срок в 2022—2023 гг. И. Шимоните не удалось.

Находить компромиссы друг с другом странам Балтии мешает и внутривнутриполитическая ситуация в каждой из них. Соседние со странами Балтии Северные страны в послевоенный период научились находить компромиссы, что позволило достичь беспрецедентно высокого уровня сотрудничества в рамках Северного совета во многом благодаря тому, что социал-демократические партии, начавшие продвигать идею солидарности Северных стран еще до начала Второй мировой войны [37], долгое время либо находились у власти (в Дании, Швеции и Норвегии), либо играли важную роль в процессе принятия решений (в Финляндии и Исландии). В странах Балтии же, где в Литве внутренняя политика характеризуется непрерывной борьбой консерваторов и социал-демократов [38], а в Латвии и Эстонии — в силу демографических особенностей — стремлением не допустить к власти популярные партии, считающиеся там «пророссийскими», что требует нахождения сложных компромиссов между позициями прочих партий (хотя латвийское «Согласие» и эстонские центристы могут считаться «пророссийскими» лишь в контексте этих стран), о поисках компромисса с политическими партиями в соседних странах речи идти пока не может.

В Северных странах послевоенного периода социал-демократы могли долгое время находиться у власти еще и потому, что в те годы в Европе, благодаря бурному экономическому росту, давление на партии, входящие в правящие коалиции, было много меньше, чем в начале XXI в. Как отмечает Д. ван Рейбрук, если еще в 1970-е гг. партии, присоединявшиеся к правящей коалиции, теряли в следующих выборных циклах в среднем 2 % голосов избирателей, то в 1990-х гг. — уже в среднем 6 %, а в начале XXI в. — 8 % [39, р. 9]. В странах Балтии эта тенденция наилучшим образом проявляется в Литве, где консерваторы из «Союза отечества» выигрывали парламентские выборы 2008, 2016 и 2020 гг., находясь в оппозиции [40], однако неизбежным следствием их нахождения во главе правящей коалиции было поражение на парламентских выборах 2004, 2012 и 2024 гг., когда они получали меньше депутатских мандатов, чем «Рабочая партия Литвы» (также известная в России как «Партия труда») и социал-демократы.

Внутренняя политика постсоветской Латвии определяется главным образом этнополитическими факторами [41]. На протяжении уже более двадцати лет во главе правящей коалиции здесь находится, по сути, одна и та же политическая партия, которая, утрачивая вследствие подмеченной Д. ван Рейбруком тенденции голоса избирателей, как это произошло в результате парламентских выборов 2006, 2011, 2014 и 2018 гг., меняет не только партийных лидеров, но и название партии: с «Нового времени» на «Единство», а затем на «Новое единство», вновь выигрывая выборы после переименования, как в 2002, 2010 и 2022 гг. Наконец, в Эстонии начиная с выборов 2007 г. наиболее популярной политической партией остается «Партия реформ», несмотря на то, что эта партия находится во главе правящей коалиции с 2005 г., за исключением периода 2016—2021 гг., когда она была в оппозиции, а во главе правящей коалиции находилась «Центристская партия» [42]. Для послед-

¹ Prime Minister: Latvia Will Not Buy Belarusian Nuke Plant Electricity, *Latvian Public Broadcasting*, 26.08.2020, URL: <https://eng.lsm.lv/article/economy/economy/prime-minister-latvia-will-not-buy-belarusian-nuke-plant-electricity.a371831/> (дата обращения: 01.11.2024).

ней, впрочем, подмеченная Д. ван Рейбруком тенденция проявилась в полной мере: популярность этой партии, бывшая самой высокой до 2007 г. и на втором месте в 2007—2019 гг., рухнула после четырех лет пребывания у власти.

Стремление правящих партий Латвии и Эстонии сохранять контроль над правительством в течение продолжительного периода времени объясняет и схожесть их позиций на инициированных Литвой переговорах по актуальным вопросам энергетической политики, таким как потенциальные закупки электроэнергии, производимой Белорусской АЭС, и отключение от БРЭЛЛ. В обоих случаях позиция Латвии и Эстонии заключалась в том, чтобы изменения в энергетической политике были минимальными, несмотря на меняющуюся геополитическую ситуацию, даже несмотря на то, что в обоих случаях позиция Литвы получала поддержку со стороны Европейской комиссии. Правящие партии Латвии и Эстонии справедливо опасаются, что резкие перемены в энергетической политике окажутся болезненными для потребителей, что в итоге приведет к поражению на грядущих парламентских выборах. Напротив, в Литве, где правящая партия чаще всего проигрывает парламентские выборы и переходит в оппозицию, для пришедшей к власти партии характерно инициировать резкие изменения в энергетической политике, негативные последствия которых для потребителей, как правило, наступают уже тогда, когда эта партия уходит в оппозицию.

Оставаясь неспособными договориться по тактическим вопросам энергетической политики, страны Балтии вместе с тем сохраняют единство на стратегическом уровне. Большинство представителей элит всех трех стран вне зависимости от партийной принадлежности соглашается с тем, что сохранение зависимости от поставок электроэнергии и энергоносителей из России и Беларуси не соответствует целям обеспечения энергетической безопасности. Еще в 2018 г., стремясь убедить коллег в Латвии и Эстонии более активно препятствовать реализации планов по строительству Белорусской АЭС, глава литовского оператора электрических сетей «Литгрид» Д. Вирбицкас предупреждал, что, когда первый реактор Белорусской АЭС начнет функционировать, не только литовская энергетическая система, но и энергетические системы Латвии и Эстонии будут вынуждены работать «в чрезвычайных условиях», если к этому времени они все еще будут синхронизированы с российской и белорусской системами в рамках кольца БРЭЛЛ¹. В качестве основной угрозы в данном контексте называлась возможность веерных отключений из-за нестабильной работы Белорусской АЭС.

После отключения стран Балтии от БРЭЛЛ и заземления высоковольтных линий электропередач, связывающих эти страны с Беларусью и Россией, в том числе с Калининградской областью, страны Балтии и в самом деле окажутся защищены от веерных отключений, вызванных нестабильностью в энергетических системах России и Беларуси. Теперь они смогут произойти лишь из-за нестабильности в синхронной сети континентальной Европы, где последние масштабные веерные отключения были в 2006 г.: вызванные ошибочными действиями германских энергетиков, они затронули более 15 млн конечных потребителей в десятках стран от Польши до Марокко и от Дании до Греции. С тех пор в Европейском союзе был существенно повышен уровень взаимодействия между операторами электрических сетей из разных стран, в том числе в рамках усилий по созданию Европейского энергетического союза, благодаря чему столь масштабных веерных отключений

¹ Threats for Lithuanian Energy: Blackout for 3 billion and VSD Warning, *Lietuvos nacionalinis radijas ir televizija angliškai*, 23.07.2020, URL: <https://lithuaniatribune.com/threats-to-lithuanian-energy-blackout-for-3-billion-and-vs-d-warnings/> (дата обращения: 01.11.2024).

в континентальной Европе больше не было. Всего же за 1992—2021 гг. в Европе было отмечено 478 чрезвычайных ситуаций континентального масштаба на энергетических сетях, из которых 242 случая составили именно веерные отключения [43].

До сих пор в странах Балтии не наблюдалось веерных отключений, затрагивающих потребителей в нескольких странах, лишь чрезвычайные ситуации национального масштаба. Как и в остальной Европе, здесь наиболее частой причиной веерных отключений является обрыв линий электропередачи, в том числе устаревших, из-за сильного ветра, как, например, в Латвии летом 2018 г.¹ На строительство новых линий электропередачи в дополнение к построенным в советский период была направлена и существенная часть вышеупомянутого гранта Исполнительного агентства инноваций и сетей, выделенного в 2019 г. Однако в конце 2023 г., когда очередные веерные отключения произошли в Эстонии, четверть всех высоковольтных линий в стране была старше сорока лет². Это может служить еще одним объяснением позиции Латвии и Эстонии на инициированных Литвой переговорах по досрочному отсоединению от БРЭЛЛ: две страны не хотели отключаться от БРЭЛЛ досрочно, поскольку это поставило бы под вопрос продолжение финансирования со стороны Исполнительного агентства инноваций и сетей, из средств которого эти страны модернизировали свои электрические сети.

Заключение

В 2024 г. Литва ни в одиночку, ни вместе с Эстонией и Латвией не реализовала угрозы премьер-министра И. Шимоните об отключении от БРЭЛЛ раньше, чем это предполагалось утвержденными планами. Тем самым страны Балтии предоставили России как минимум дополнительный год для реализации мер, направленных на укрепление энергетической безопасности Калининградской области, которая окажется под угрозой, когда эти страны отключатся от энергетического кольца с Россией и Беларусью. В свою очередь, Эстония и Латвия получили время на реализацию мер по развитию собственных энергетических систем, которые, как предполагается, сделают отключение этих стран от БРЭЛЛ максимально безопасным для потребителей. Инициированные И. Шимоните переговоры между тремя странами Балтии о возможности досрочного отключения от БРЭЛЛ проходили в условиях политизации вопросов энергетики, характерных в настоящее время для большинства стран Запада, а не только для Литвы, Латвии и Эстонии.

Благодаря политизации этих вопросов, ход переговоров публично обсуждался как политиками, так и энергетиками трех стран Балтии, что позволило не только определить позиции этих стран по каждому из возможных вариантов исхода переговоров, но и построить матричную модель, позволяющую оценить вероятность реализации этих вариантов. Всего было определено три варианта. Согласно первому, все три страны Балтии отключаются от БРЭЛЛ одновременно и в сроки, установленные ранее утвержденными планами. Согласно второму, Литва, Латвия и Эстония также отключаются от энергетического кольца одновременно, но в более ранние сроки. Наконец, согласно третьему варианту, одна из стран Балтии отключается от БРЭЛЛ раньше, чем две другие. Анализ позиций сторон на переговорах, результаты которого были представлены в данной статье, позволяет заключить,

¹ Storms Cause Power Outages in Western Latvia, *Latvian Public Broadcasting*, 13.08.2018, URL: <https://eng.lsm.lv/article/society/society/storms-cause-power-outages-in-western-latvia.a288548/> (дата обращения: 01.11.2024).

² Möttus, M. 2023, Estonia's Streamline State Agencies Unable to Respond to Crises Quickly Enough, *Eesti rahvusriinghääling*, 18.12.2023, URL: <https://news.err.ee/1609197757/estonia-s-streamlined-state-agencies-unable-to-respond-to-crises-quickly-enough> (дата обращения: 01.11.2024).

что для Эстонии и Латвии наиболее предпочтительным является первый вариант, а наименее предпочтительным — третий. Для Литвы же наиболее предпочтительным является второй вариант, а наименее предпочтительным — первый.

Матричная модель, представленная в данной статье, позволяет оценить третий вариант исхода переговоров как наименее вероятный. Первые же два представляют собой не только более вероятные варианты исхода переговоров по сравнению с третьим, но и равновероятные. На практике в результате переговоров все три страны Балтии согласились с первым вариантом, что позволяет классифицировать данный случай проявления солидарности в результате минилатеральных переговоров как солидарность с большинством. Литве пришлось согласиться с мнением большинства, пусть для страны и лично для И. Шимоните, сделавшей досрочное отключение своей страны от БРЭЛЛ важным элементом своей президентской кампании 2024 г., такой исход переговоров и представлялся наименее отвечающим если не национальным, то личным интересам. Тот факт, что вариант исхода переговоров, определенный с помощью данной модели как более вероятный, был реализован на практике, позволяет говорить о прогностической эффективности данной модели применительно к переговорам между странами Балтии по вопросам энергетической политики.

Рассмотренный случай схож с ситуацией второй половины 2010-х гг., когда Литве потребовалось более четырех лет, чтобы убедить Эстонию и Латвию отказаться от возможных закупок электроэнергии, производимой на тогда еще строящейся Белорусской АЭС, воспринятой в Литве в качестве угрозы. Представленная в данной статье модель демонстрирует свою прогностическую эффективность также и в этом случае. Однако подтвердить или опровергнуть предположение о ее прогностической эффективности для тех минилатеральных переговоров, в которых не участвуют страны Балтии, можно будет только после проведения дополнительных исследований. Также дополнительные исследования понадобятся для апробации данной модели на случаях минилатеральных переговоров европейских стран, на которых обсуждаются другие вопросы, нежели вопросы энергетической политики. Однако уже сегодня можно сделать вывод, что анализ минилатеральных переговоров требует разработки иных моделей, чем те, которые применяются для анализа многосторонних переговоров с большим числом участников, и представленная в данной статье модель является примером движения в этом направлении.

Список литературы

1. Харин, А. Г., Усанов, А. Н. 2015, О проблеме обеспечения энергетической безопасности Калининградской области, *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*, Серия: Гуманитарные и общественные науки, № 3, с. 91 — 100. EDN: ULSHUX
2. Агаев, З. А. 2018, Изолированная энергосистема Калининградской области, *Известия Российской академии наук, Серия географическая*, № 1, с. 101 — 110. EDN: YOGUHU
3. Сайчик, И. А. 2022, Энергетическая безопасность Калининградской области: проблемы и возможности, *Актуальные вопросы современной экономики*, № 4, с. 650 — 656. EDN: GJCSQR
4. Kahler, M. 1992, Multilateralism with Small and Large Numbers, *International Organization*, vol. 46, № 3, p. 681 — 708, <https://doi.org/10.1017/S0020818300027867>
5. Ruggie, J. 1992, Multilateralism: the Anatomy of an Institution, *International Organization*, vol. 46, № 3, p. 561 — 598, <https://doi.org/10.1017/S0020818300027831>
6. Pérez-Castrillo, D., Wettstein, D. 2001, Bidding for the Surplus: A Non-cooperative Approach to the Shapley Value, *Journal of Economic Theory*, vol. 100, № 2, p. 274 — 294, <https://doi.org/10.1006/jeth.2000.2704>
7. Лебедева, М. М., Зиновьева, Е. С. 2023, Специфика международных переговоров в эпоху цифровизации, *Вестник РУДН, Серия: международные отношения*, т. 23, № 1, с. 144 — 156, <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-144-156>

8. Ju, Y., Vidal-Puga, J. 2023, *Decentralized Multilateral Bargaining*, Spanish Conference on Statistics and Operations Research, URL: <https://vidalpuga.webs.uvigo.es/papers/noplanner.pdf> (дата обращения: 01.11.2024).
9. Зотова, Д. А., Ланко, Д. А., Парфенёнок, Н. Л. 2024, Европейская солидарность и разнородная интеграция: результаты лабораторного эксперимента, *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*, т. 40, № 2, с. 212—232, <https://doi.org/10.21638/spbu05.2024.204>
10. Faure, G. O., Zartman, I. W. 2012, Introduction, in: Faure, G. O. (ed.), *Unfinished Business: Why International Negotiations Fail*, Athens, Georgia University Press, p. 3—16.
11. Clemens, W. C. 1999. The Baltic Republics, Russia, and Energy: From Dependency to Interdependence, *SAIS Review*, vol. 19. № 1, p. 190—208, <https://doi.org/10.1353/sais.1999.a30418>
12. Rüdiger, M. 2019, From Import Dependence to Self-Sufficiency in Denmark, 1945—2000, *Energy Policy*, vol. 125, p. 82—89, <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2018.10.050>
13. Bompard, E., Carpaneto, E., Huang, T., Pi, R. J., Fulli, G., Purvins, A., Mutule, A. 2017, Electricity Independence of the Baltic States: Present and Future Perspectives, *Sustainable Energy, Grids and Networks*, vol. 10, p. 55—64, <https://doi.org/10.1016/j.segan.2017.03.003>
14. Szulecki, K., Overland, I. 2020, Energy Democracy as a Process, an Outcome and a Goal: A Conceptual Review, *Energy Research & Social Science*, vol. 69, 101768, <https://doi.org/10.1016/j.erss.2020.101768>
15. Meckling, J., Hughes, L. 2018, Global Interdependence in Clean Energy Transitions, *Business and Politics*, vol. 20, № 4, p. 467—491, <https://doi.org/10.1017/bap.2018.25>
16. Romanova, T. 2021, Russia's Political Discourse on the EU's Energy Transition (2014—2019) and Its Effect on EU-Russia energy relations, *Energy Policy*, vol. 154, 112309, <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2021.112309>
17. Crowley-Vigneau, A., Kalyuzhnova, Y., Ketenci, N. 2023, What Motivates the 'Green' Transition: Russian and European Perspectives, *Resources Policy*, vol. 81, 103128, <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2022.103128>
18. Högselius, P. 2018, *Energy and Geopolitics*, London, Routledge, <https://doi.org/10.4324/9781315177403>
19. Bridge, G., Bouzarovski, S., Bradshaw, M., Eyre, N. 2013, Geographies of Energy Transition: Space, Place and the Low-Carbon Economy, *Energy Policy*, vol. 53, p. 331—340, <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2012.10.066>
20. Stephens, J. C. 2022, Beyond Climate Isolationism: a Necessary Shift for Climate Justice, *Current Climate Change Reports*, vol. 8, p. 83—90, <https://doi.org/10.1007/s40641-022-00186-6>
21. Malhotra, M. 2023, The European Energy Union: How Can It Be Achieved? What Are the Pros and Cons of Such a Union, in: Leal-Arcas, R. (ed.), *Climate and Energy Governance for a Sustainable Future*, Singapore: Springer Nature, p. 187—200, https://doi.org/10.1007/978-981-19-8346-7_14
22. Böhringer, C., Rutherford, T. F., Tol, R. S. J. 2009, THE EU 20/20/2020 targets: An overview of the EMF22 assessment, *Energy Economics*, vol. 31, suppl. 2, p. S268—S273, <https://doi.org/10.1016/j.eneco.2009.10.010>
23. Кавешников, Н. Ю. 2015, Проект энергетического союза ЕС в контексте отношений между Россией и Европейским союзом, *Вестник Московского университета, Серия 25: Международные отношения и мировая политика*, № 2, с. 73—95. EDN: UQFKSP
24. Леонард, М., Пизани-Ферри, Ж., Шапиро, Д., Тальяпиетра, С., Вульф, Г. 2021, Геополитика «Зеленой сделки» Европейского союза, *Вестник международных организаций*, т. 16, № 2, с. 204—235, <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2021-02-10>
25. Radziukynas, V., Klementavicius, A., Kadisa, S., Radziukyniene, N. 2016, Challenges for the Baltic Power System Connecting Synchronously to Continental European Network, *Electric Power Systems Research*, vol. 140, p. 54—64, <https://doi.org/10.1016/j.epsr.2016.06.043>
26. Посаженикова, А. А., Лебедева, М. М. 2023, Малые государства Европы на международных переговорах (на примере стран Бенилюкс), *Управление и политика*, т. 2, № 4, с. 37—52, <https://doi.org/10.24833/2782-7062-2023-2-4-37-52>
27. Guy, J., Shears, E., Meckling, J. 2023, National Models of Climate Governance among Major Emitters, *Nature: Climate Change*, vol. 13, p. 189—195, <https://doi.org/10.1038/s41558-022-01589-x>

28. Weidner, H., Mez, L. 2008, German Climate Change Policy: A Success Story With Some Flaws, *Journal of Environment and Development*, vol. 17, №4, p. 356—378, <https://doi.org/10.1177/1070496508325910>
29. Vilson, M. 2020, Framing the EU and the Green Deal in Estonia: A Reluctant Balancing Act, *Australian and New Zealand Journal of European Studies*, vol. 12, №3, p. 35—46, <https://doi.org/10.30722/anzjes.vol12.iss3.15356>
30. Skoczkowski, T., Bielecki, S., Węglarz, A., Włodarczak, M., Gutowski, P. 2018, Impact Assessment of Climate Policy on Poland's Power Sector, *Mitigation and Adaptation Strategies for Global Change*, vol. 23, №8, p. 1303—1349, <https://doi.org/10.1007/s11027-018-9786-z>
31. Metla-Rozentale, L., Kleinberga, V., Žaunercika, K., Spruds, A. 2022, Reflection of the EU Climate Policy Strategic Narrative in the Programmes of Latvian Political Parties — External Convergence and Influence on Shaping Public Opinion, *Energies*, vol. 15, №9, 3049, <https://doi.org/10.3390/en15093049>
32. Snyder, G. H. 1971, “Prisoner’s Dilemma” and “Chicken” Models in International Politics’, *International Studies Quarterly*, vol. 15, №1, p. 66—103, <https://doi.org/10.2307/3013593>
33. Дегтерев, Д. А., Дегтерев, А. Х. 2011, Теория игр и международные отношения, *Мировая экономика и международные отношения*, №2, с. 79—89, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2011-2-79-89>
34. Lanko, D. 2022, Modelling Negotiations on the Nordic Economic Area: Uncertainty and Absolute Gains as Factors of International Solidarity, *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, vol. 15, №3, p. 243—261, <https://doi.org/10.21638/spbu06.2022.302>
35. Хрусталеv, М. А. 2004, Методология анализа международных переговоров, *Международные процессы*, т. 2, №3 (6), с. 64—78. EDN: OIPFVL
36. Ланко, Д. А. 2023, *Возможности экономического взаимодействия России с государствами Балтийского региона: рабочая тетрадь №78*, Российский совет по международным делам (РСМД), Москва, НП РСМД, 32 с.
37. Hemstad, R. 2023, Promoting Norden and Nordic Cooperation in the 1930s: Social Democratic Visions and Transmedial Manifestations, in: Norén, F., Stjernholm, E., Thomson, C. C. (eds.), *Nordic Media Histories of Propaganda and Persuasion*. Palgrave Macmillan, Cham., https://doi.org/10.1007/978-3-031-05171-5_2
38. Jurkynas, M. 2021, Change in a Time of Pandemic: the 2020 Parliamentary Elections in Lithuania, *Journal of Baltic Studies*, vol. 52, №2, p. 269—278, <https://doi.org/10.1080/01629778.2021.1901754>
39. Van Reibrouck, D. 2016, *Against Elections: The Case for Democracy*, London, Random House.
40. Jastramskis, M., Ramonaite, A. 2021, Lithuania: Political Developments and Data in 2020, *European Journal of Political Research Political Data Yearbook*, vol. 60, p. 241—255, <https://doi.org/10.1111/2047-8852.12345>
41. Agarin, T., Nakai, R. 2021, Political Dejection in a Divided Society: A Challenge for Latvia’s Democracy?, *Journal of Baltic Studies*, vol. 52, №4, p. 521—546, <https://doi.org/10.1080/01629778.2021.1968917>
42. Mölder, M. 2022, Estonia: Political Developments and Data in 2021, *European Journal of Political Research Political Data Yearbook*, vol. 61, p. 137—146, <https://doi.org/10.1111/2047-8852.12370>
43. Stankovski, A., Gjørviiev, B., Lochter, L., Sansavini, G. 2023, Power Blackouts in Europe: Analyses, Key Insights, and Recommendations from Empirical Evidence, *Joule*, vol. 7, №11, p. 2468—2484, <https://doi.org/10.1016/j.joule.2023.09.005>

Об авторах

Дмитрий Александрович Ланко, кандидат политических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: d.lanko@spbu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4089-7962>

Наталья Викторовна Немирова, кандидат социологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: nnemirova@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0674-5260>

Дарья Алексеевна Зотова, аспирант, Санкт-Петербургский государственный
университет, Россия.

E-mail: d.zotova@spbu.ru

<https://orcid.org/0009-0007-1557-3281>

 Представлено для возможной публикации в открытом доступе в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution – Noncommercial – NoDerivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CCBY-NC-ND 4.0)

BALTIC STATES ON THE WAY TOWARDS ENERGY ISOLATIONISM: UNITED OR DIVIDED?

D. A. Lanko

N. V. Nemirova

D. A. Zotova

St. Petersburg State University,
7–9 Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, 199034, Russia

Received 02 April 2024
Accepted 18 October 2024
doi: 10.5922/2079-8555-2025-1-2
© Lanko, D. A., Nemirova, N. V.,
Zotova, D. A., 2025

The flip side of the European Union’s policy aimed at accelerating the fourth energy transition has been energy isolationism — namely, the pursuit of quantitative indicators characterising a country’s energy balance without considering their impact on the energy balance of neighbouring countries. This article examines energy isolationism using the example of Lithuania’s 2022 initiative, which called on the three Baltic States to disconnect from the BRELL synchronous power grid — linking them to Russia and Belarus — before 2025. According to a plan developed in 2018, they were originally scheduled to disconnect in 2025. However, Latvia and Estonia did not support Lithuania’s initiative and, after negotiations lasting until mid-2023, agreed to adhere to the original timeline. The article analyses these negotiations as minilateral — multilateral discussions involving a small number of participants — which differ in nature from both bilateral negotiations and large-scale multilateral negotiations with numerous participants. Using game theory, the article presents a model of these negotiations. In practical terms, the ‘three-player, three-option’ model explains why the failure of negotiations followed by Lithuania’s unilateral desynchronisation from BRELL was the least probable scenario from the outset. More broadly, the model demonstrates that no two Baltic States with similar negotiating positions could accept any outcome other than their most preferred one, even if accepting a different outcome would allow the third state — with a divergent negotiating stance — to avoid its least preferred option. The article concludes that

To cite this article: Lanko, D. A., Nemirova, N. V., Zotova, D. A. 2025, Baltic states on the way towards energy isolationism: united or divided?, *Baltic Region*, vol. 17, № 1, p. 19–43. doi: 10.5922/2079-8555-2025-1-2

the inability of the majority to compromise with the minority prevents minilateral cooperation among the three Baltic States from evolving to a higher level — comparable to the more advanced minilateral cooperation seen among the Nordic countries.

Keywords:

Estonia, Latvia, Lithuania, minilateralism, negotiations, game theory, energy, BRELL

References

1. Kharin, A. G., Usanov, A. N. 2015, On the issue of the provision of energy security of the Kaliningrad Region, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and Social Sciences*, № 3, p. 91 — 100. EDN: ULSHUX (in Russ.).
2. Ataev, Z. A. 2018, Isolated energy system of Kaliningrad oblast, *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, № 1, p. 101 — 110. EDN: YOGUHU (in Russ.).
3. Saychik, I. A. 2022, Energy Security of the Kaliningrad Region: Problems and Opportunities, *Aktualnye voprosy sovremennoy ekonomiki*, № 4, p. 650 — 656. EDN: GJCSQR (in Russ.).
4. Kahler, M. 1992, Multilateralism with Small and Large Numbers, *International Organization*, vol. 46, № 3, p. 681 — 708, <https://doi.org/10.1017/S0020818300027867>
5. Ruggie, J. 1992, Multilateralism: the Anatomy of an Institution, *International Organization*, vol. 46, № 3, p. 561 — 598, <https://doi.org/10.1017/S0020818300027831>
6. Pérez-Castrillo, D., Wettstein, D. 2001, Bidding for the Surplus: A Non-cooperative Approach to the Shapley Value, *Journal of Economic Theory*, vol. 100, № 2, p. 274 — 294, <https://doi.org/10.1006/jeth.2000.2704>
7. Lebedeva, M. M., Zinovieva, E. S. 2023, International Negotiations in the Digital Age, *Vestnik RUDN. International Relations*, vol. 23, № 1, p. 144 — 156, <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-144-156>
8. Ju, Y., Vidal-Puga, J. 2023, *Decentralized Multilateral Bargaining*, Spanish Conference on Statistics and Operations Research, URL: <https://vidalpuga.webs.uvigo.es/papers/noplanner.pdf> (accessed 01.11.2024).
9. Zotova, D., Lanko, D., Parfenenok, N. 2024, European solidarity and multi-speed integration: Results of a laboratory experiment, *St. Petersburg University Journal of Economic Studies*, vol. 40, № 2, p. 212 — 232, <https://doi.org/10.21638/spbu05.2024.204> (in Russ.).
10. Faure, G. O., Zartman, I. W. 2012, Introduction, in: Faure, G. O. (ed.), *Unfinished Business: Why International Negotiations Fail*, Athens, Georgia University Press, p. 3 — 16.
11. Clemens, W. C. 1999. The Baltic Republics, Russia, and Energy: From Dependency to Interdependence, *SAIS Review*, vol. 19, № 1, p. 190 — 208, <https://doi.org/10.1353/sais.1999.a30418>
12. Rüdiger, M. 2019, From Import Dependence to Self-Sufficiency in Denmark, 1945 — 2000, *Energy Policy*, vol. 125, p. 82 — 89, <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2018.10.050>
13. Bompard, E., Carpaneto, E., Huang, T., Pi, R. J., Fulli, G., Purvins, A., Mutule, A. 2017, Electricity Independence of the Baltic States: Present and Future Perspectives, *Sustainable Energy, Grids and Networks*, vol. 10, p. 55 — 64, <https://doi.org/10.1016/j.segan.2017.03.003>
14. Szulecki, K., Overland, I. 2020, Energy Democracy as a Process, an Outcome and a Goal: A Conceptual Review, *Energy Research & Social Science*, vol. 69, 101768, <https://doi.org/10.1016/j.erss.2020.101768>
15. Meckling, J., Hughes, L. 2018, Global Interdependence in Clean Energy Transitions, *Business and Politics*, vol. 20, № 4, p. 467 — 491, <https://doi.org/10.1017/bap.2018.25>
16. Romanova, T. 2021, Russia's Political Discourse on the EU's Energy Transition (2014 — 2019) and Its Effect on EU-Russia energy relations, *Energy Policy*, vol. 154, 112309, <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2021.112309>
17. Crowley-Vigneau, A., Kalyuzhnova, Y., Ketenci, N. 2023, What Motivates the 'Green' Transition: Russian and European Perspectives, *Resources Policy*, vol. 81, 103128, <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2022.103128>
18. Högselius, P. 2018, *Energy and Geopolitics*, London, Routledge, <https://doi.org/10.4324/9781315177403>

19. Bridge, G., Bouzarovski, S., Bradshaw, M., Eyre, N. 2013, Geographies of Energy Transition: Space, Place and the Low-Carbon Economy, *Energy Policy*, vol. 53, p. 331—340, <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2012.10.066>
20. Stephens, J. C. 2022, Beyond Climate Isolationism: a Necessary Shift for Climate Justice, *Current Climate Change Reports*, vol. 8, p. 83—90, <https://doi.org/10.1007/s40641-022-00186-6>
21. Malhotra, M. 2023, The European Energy Union: How Can It Be Achieved? What Are the Pros and Cons of Such a Union, in: Leal-Arcas, R. (ed.), *Climate and Energy Governance for a Sustainable Future*, Singapore: Springer Nature, p. 187—200, https://doi.org/10.1007/978-981-19-8346-7_14
22. Böhringer, C., Rutherford, T. F., Tol, R. S. J. 2009, THE EU 20/20/2020 targets: An overview of the EMF22 assessment, *Energy Economics*, vol. 31, suppl. 2, p. S268—S273, <https://doi.org/10.1016/j.eneco.2009.10.010>
23. Kaveshnikov, N. Yu. 2015, The energy union project of the European Union in the context of eu-russia relations, *Lomonosov World Politics Journal*, № 2, p. 73—95. EDN: UQFKSP
24. Leonard, M., Pisani-Ferry, J., Shapiro, J., Tagliapietra, S., Wolf, G. 2021, The geopolitics of the European Green Deal, *International Organisations Research Journal*, vol. 16, № 2, p. 204—235, <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2021-02-10> (in Russ.).
25. Radziukynas, V., Klementavicius, A., Kadisa, S., Radziukyniene, N. 2016, Challenges for the Baltic Power System Connecting Synchronously to Continental European Network, *Electric Power Systems Research*, vol. 140, p. 54—64, <https://doi.org/10.1016/j.eprs.2016.06.043>
26. Posazhennikova, A. A., Lebedeva, M. M. 2023, Small States of Europe in International Negotiations (Case of Benelux Countries), *Governance and Politics*, vol. 2, № 4, p. 37—52, <https://doi.org/10.24833/2782-7062-2023-2-4-37-52> (in Russ.).
27. Guy, J., Shears, E., Meckling, J. 2023, National Models of Climate Governance among Major Emitters, *Nature: Climate Change*, vol. 13, p. 189—195, <https://doi.org/10.1038/s41558-022-01589-x>
28. Weidner, H., Mez, L. 2008, German Climate Change Policy: A Success Story With Some Flaws, *Journal of Environment and Development*, vol. 17, № 4, p. 356—378, <https://doi.org/10.1177/1070496508325910>
29. Vilson, M. 2020, Framing the EU and the Green Deal in Estonia: A Reluctant Balancing Act, *Australian and New Zealand Journal of European Studies*, vol. 12, № 3, p. 35—46, <https://doi.org/10.30722/anzjes.vol12.iss3.15356>
30. Skoczkowski, T., Bielecki, S., Węglarz, A., Włodarczyk, M., Gutowski, P. 2018, Impact Assessment of Climate Policy on Poland's Power Sector, *Mitigation and Adaptation Strategies for Global Change*, vol. 23, № 8, p. 1303—1349, <https://doi.org/10.1007/s11027-018-9786-z>
31. Metla-Rozentale, L., Kleinberga, V., Žaunercika, K., Spruds, A. 2022, Reflection of the EU Climate Policy Strategic Narrative in the Programmes of Latvian Political Parties — External Convergence and Influence on Shaping Public Opinion, *Energies*, vol. 15, № 9, 3049, <https://doi.org/10.3390/en15093049>
32. Snyder, G. H. 1971, “Prisoner’s Dilemma” and “Chicken” Models in International Politics’, *International Studies Quarterly*, vol. 15, № 1, p. 66—103, <https://doi.org/10.2307/3013593>
33. Degterev, D., Degterev, A. 2011, Theory of Games and Theory of International Relations, *World Economy and International Relations*, № 2, p. 79—89, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2011-2-79-89> (in Russ.).
34. Lanko, D. 2022, Modelling Negotiations on the Nordic Economic Area: Uncertainty and Absolute Gains as Factors of International Solidarity, *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, vol. 15, № 3, p. 243—261, <https://doi.org/10.21638/spbu06.2022.302> (in Russ.).
35. Khrustalev, M. A. 2004, Methodology of international negotiation analysis, *Mezhdunarodnye protsessy*, vol. 2, № 3 (6), p. 64—78. EDN: OIPFVL
36. Lanko, D. A. 2023, Opportunities for Economic Cooperation between Russia and Baltic Sea States: working paper № 78, Moscow, Russian Council for International Affairs.
37. Hemstad, R. 2023, Promoting Norden and Nordic Cooperation in the 1930s: Social Democratic Visions and Transmedial Manifestations, in: Norén, F., Stjernholm, E., Thomson, C. C. (eds.), *Nordic Media Histories of Propaganda and Persuasion*. Palgrave Macmillan, Cham., https://doi.org/10.1007/978-3-031-05171-5_2

38. Jurkynas, M. 2021, Change in a Time of Pandemic: the 2020 Parliamentary Elections in Lithuania, *Journal of Baltic Studies*, vol. 52. № 2, p. 269–278, <https://doi.org/10.1080/01629778.2021.1901754>

39. Van Reibrouck, D. 2016, *Against Elections: The Case for Democracy*, London, Random House.

40. Jastramskis, M., Ramonaite, A. 2021, Lithuania: Political Developments and Data in 2020, *European Journal of Political Research Political Data Yearbook*, vol. 60, p. 241–255, <https://doi.org/10.1111/2047-8852.12345>

41. Agarin, T., Nakai, R. 2021, Political Dejection in a Divided Society: A Challenge for Latvia's Democracy?, *Journal of Baltic Studies*, vol. 52, № 4, p. 521–546, <https://doi.org/10.1080/01629778.2021.1968917>

42. Mölder, M. 2022, Estonia: Political Developments and Data in 2021, *European Journal of Political Research Political Data Yearbook*, vol. 61, p. 137–146, <https://doi.org/10.1111/2047-8852.12370>

43. Stankovski, A., Gjørviiev, B., Lochter, L., Sansavini, G. 2023, Power Blackouts in Europe: Analyses, Key Insights, and Recommendations from Empirical Evidence, *Joule*, vol. 7, № 11, p. 2468–2484, <https://doi.org/10.1016/j.joule.2023.09.005>

The authors

Dr Dmitry A. Lanko, St. Petersburg State University, Russia.

E-mail: d.lanko@spbu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4089-7962>

Dr Natalia V. Nemirova, St. Petersburg State University, Russia.

E-mail: nnemirova@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0674-5260>

Daria A. Zotova, St. Petersburg State University, Russia.

E-mail: d.zotova@spbu.ru

<https://orcid.org/0009-0007-1557-3281>

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution – Noncommercial – No Derivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CC BY-NC-ND 4.0)

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО СААМОВ В СТРАНАХ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

М. В. Буковска¹

А. Е. Шапаров¹

М. А. Питухина²

¹ Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, 163002, Россия, Архангельск, Набережная Северной Двины, 17

² Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова, 677007, Россия, Якутск, ул. Кулаковского, 42

Поступила в редакцию 14.04.2024 г.

Принята к публикации 03.10.2024 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2025-1-3

© Буковска М. В., Шапаров А. Е.,
Питухина М. А., 2025

Современное понимание представительной демократии включает в себя не только власть большинства, но и защиту прав меньшинств. Одним из таких меньшинств являются коренные народы, в том числе саамское население, проживающее на территории четырех европейских стран, а именно на северных территориях Норвегии, Швеции, Финляндии и России. В данных странах саамам как меньшинству сложно добиться адекватного уровня представительства в традиционных политических структурах, отвечающих за артикуляцию интересов (партиях, парламентах), поэтому были найдены специальные механизмы, которые позволили коренному народу более активно участвовать в процессах принятия политических решений. Цель статьи — изучить эволюцию и особенности политического представительства саамов в Норвегии, Швеции и Финляндии. Выбор стран продиктован трансграничным характером расселения саамов и практикой диффузии институтов политического представительства. Сделан вывод о том, что после Второй мировой войны в развитых странах произошли глобальные трансформации институциональной среды, выразившиеся в отказе от расовой парадигмы, утверждении верховенства демократии и прав человека. В странах Северной Европы в конце XX — начале XXI в. взамен идентичности через конструкт «нордической расы», характерный для первой половины XX в., сформировался концепт «арктической идентичности», в центре которого находится понятие индигенности. Саамы, подвергавшиеся насильственной ассимиляции во всех трех странах (дискриминационные политики «шведизации», «норвегизации» и «финизации»), вынужденные с начала XX в. бороться за свои права с минимальными шансами на победу над доминирующим дискурсом о расовой неполноценности, в современных условиях оказались бенефициарами изменений, получили особый статус, коллективные права и возможности политического представительства. Однако ряд проблем и дискриминационных практик в отношении саамов остается актуальными и требует решения на уровне государственной политики.

Ключевые слова:

саамы, идентичность, политическое представительство, парламенты, Норвегия, Швеция, Финляндия

Для цитирования: Буковска М. В., Шапаров А. Е., Питухина М. А. Политическое представительство саамов в странах Северной Европы // Балтийский регион. 2025. Т. 17, № 1. С. 44–64.
doi: 10.5922/2079-8555-2025-1-3

Введение

Теоретическую основу исследований политики в отношении миноритарных этнических групп, в том числе коренных народов, составляют труды У. Кимлики (мультикультурализм) [1], А. Лейхарта (консоциативной демократии) [2], Р. Брунбейкера [3], В. А. Тишкова [4], Л. М. Дробижевой [5] (национализм и гражданство), П. В. Осколкова [6] (этнополитика).

Политике Швеции, Норвегии и Финляндии в отношении саамов и эволюции практик взаимодействия государства и коренного народа в этих странах посвящены работы Х. Минде [7], А.-А. Оксанен [9], Ю. Нюссонен [11]. Исследования Я. Валконен [8], П. Латно [10] акцентированы на политике насильственной ассимиляции саамов, процессы признания и реализации права народа саами на самоопределение исследованы Дж. Хенриксеном [12]. Тр. Тростеруд [13] провел сравнительный анализ языковой ассимиляции в политике Норвегии и России.

Политическое представительство саамов находится в центре внимания политологов. Б. де Вильерс [14] и Е. Нимни [15] считают, что для коренного народа, который не составляет регионального большинства на своей исконной территории и проблемы которого прежде всего соотносятся с культурной и языковой уязвимостью, наиболее применимо предоставление нетерриториальной, нежели территориальной автономии. Однако другие исследователи, в частности У. Кимлики [1] и Т. Нигут [16], указывают на недостатки такой модели самоуправления, связанные с неспособностью коренного народа защищать свои исконные территории и природные ресурсы, составлявшие основу их существования на протяжении длительного периода в истории.

Теоретические концепции мультикультурализма, консоциативной демократии и национализма служат основой для анализа механизмов политического представительства саамов в Норвегии, Швеции и Финляндии. Это исследование призвано протестировать и подтвердить актуальность данных теорий в контексте обеспечения прав коренных народов на самоопределение и политическую репрезентацию.

Цель исследования — изучить развитие взаимодействия акторов и формирование механизмов политического представительства коренного народа саамов в Швеции, Норвегии и Финляндии, выявить общие тенденции и национальные особенности. За основу методологии был взят синтез подходов конструктивизма и неoinституционализма. В центре внимания конструктивизма (А. Вендт [17], Н. Онуф [18]) находится концепт идентичности как постоянно меняющийся, воспроизводящийся процесс взаимных репрезентаций акторов и структур. Неoinституционализм (Дж. Марч, Й. Олсен [19], Д. Норт [20]) фокусирует внимание на формировании норм, правил и процедур взаимодействия социальных групп и институтов (в данном случае — государства) как результата политических изменений, инициированных трансформацией институциональной среды.

Перед тем как перейти к анализу политического представительства саамов в трех странах Северной Европы, необходимо дать общую характеристику саамов, а также обратиться к историко-политическому контексту, который обусловил современные особенности политического представительства саамов.

Саамы — численность, языки, традиционные промыслы

В настоящее время не существует статистических данных, которые показали бы точную численность саамского населения. Это связано с тем, что после окончания Второй мировой войны в Норвегии, Швеции и Финляндии не велось переписи, в которой бы указывалась принадлежность к коренному народу. Также это обусловлено проводимой в этих странах политикой ассимиляции и дискриминации, что привело к отказу многих представителей коренного народа от своей саамской идентичности. Согласно данным Союза саамов, являющегося международной ор-

ганизацией, объединяющей саамские организации Норвегии, Швеции, Финляндии и России, численность саамского населения оценивается в более чем 100 тыс. чел.¹. Однако эти данные, вероятно, включают в себя и тех саамов, которые напрямую не заявляют о своей идентичности. Так, до принятия в Швеции Закона о Саамском парламенте (*Sami Parliament Act*) в 1992 г.² государство указывало, что саамами являются только те, кто владеет оленями и занимается оленеводством. Это означало, что существовали большие группы саамов, которые не считались саамами в глазах государства. С момента принятия Закона о Саамском парламенте язык стал главным маркером идентичности.

Чтобы узнать число взрослых саамов³, которые официально признают свою этническую принадлежность, следует обратиться к специальным реестрам избирателей, созданным для того, чтобы позволить саамам участвовать в выборах в их представительные органы. Для регистрации в реестре им необходимо подтвердить свою принадлежность к коренному народу и соответствовать определенным критериям, основанным как на генеалогической, так и на языковой принадлежности [21, p. 1119]. Согласно данным реестров избирателей в трех странах в 2021—2023 гг., 35 829 чел. заявили о своей саамской принадлежности: 20 543 — в Норвегии⁴, 9226 — в Швеции⁵ и 6060 — в Финляндии⁶.

Современные саамы говорят на девяти саамских языках, при этом далеко не все представители коренного народа являются их носителями. Большинство саамов либо не владеют саамским языком, либо используют его как второй язык [22]. Многие саамы предпочли отказаться от своей идентичности в связи с проводимой в прошлом ассимиляционной политикой, что привело к сокращению числа носителей саамских языков. Хотя за последнее время меры по ревитализации саамских языков имели определенный успех, все еще существует угроза их утери [23, p. 404]. Согласно критериям, определенным ЮНЕСКО, сегодня на грани исчезновения находятся все саамские языки⁷.

Основные традиционные промыслы коренного народа — оленеводство, рыболовство и охота. К настоящему времени большинство саамов отказались от своего традиционного образа жизни и перешли в другие, более востребованные сферы занятости [24, p. 11].

Эволюция политико-правового статуса саамов

С середины XIX по середину XX в. саамы Норвегии, Швеции и Финляндии подвергались принудительной ассимиляционной политике [25, p. 12]. Если до этого северные территории, на которых исконно проживали саамы, не вызывали особо-

¹ Saami Council, 2024, *Arctic Council*, URL: <https://arctic-council.org/ru/about/permanent-participants/saami-council/> (дата обращения: 15.12.2023).

² Sametingslag (1992:1433), 2022, *Sveriges riksdag*, URL: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-och-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/sametingslag-19921433_sfs-1992-1433/ (дата обращения: 15.12.2023).

³ Для того чтобы участвовать в выборах в саамские парламенты, необходимо достигнуть возраста 18 лет.

⁴ Valgresultat. Sametingsvalg, 2021, *Valgdirektoratet*, URL: <https://valgresultat.no/valg/2021/sa> (дата обращения: 09.12.2023).

⁵ Valresultat. Sametingsval 2021, 2023, *Valmyndigheten*, URL: <https://www.val.se/valresultat/sametinget/2021.html> (дата обращения: 09.12.2023).

⁶ Saamelaiskäräjävaalien tulos, 2023, *Samediggi*, URL: <https://www.samediggi.fi/wp-content/uploads/2023/10/Saamelaiskarajavaalin-tulokset-2023-1.pdf> (дата обращения: 09.12.2023).

⁷ Atlas of the World's Languages in Danger, 2010, *UNESCO*, URL: <https://web.archive.org/web/20220608054501/http://www.unesco.org/tools/fileretrieve/43fdd320.pdf> (дата обращения: 09.12.2023).

го интереса у титульного населения, прежде всего из-за своего сурового климата, то после обнаружения там сырья в ходе индустриальной революции данные территории стали активно осваиваться. Освоение и эксплуатация северных регионов привели к тому, что коренной народ лишился уникального права на свою землю. Помимо этого, ущемлялись и другие права саамов. Коренной народ стал активно подвергаться политике принудительной ассимиляции и угнетения.

Одной из основных причин проведения такой политики было то, что страны преследовали цель создания централизованных унитарных государств и достижения гомогенности своих обществ. Реализация данной цели происходила в том числе путем подавления какой-либо этнической гетерогенности. Это было значимо как для Норвегии, которая получила независимость от Швеции в 1905 г., так и для Финляндии, провозгласившей независимость от России в 1917 г. В Швеции практики нациестроительства также развивались, особенно во время распространения идей «научного» расизма и культа особой «нордической расы», который целенаправленно конструировался основанным в 1922 г. в Уппсале при поддержке основных политических партий Швеции Государственным институтом расовой биологии (Statens institut för rasbiologi) [26, p. 153]. Саамов причисляли к низшему народу, который не мог иметь те же права, что и титульное население. Саамская культура, соответственно, также признавалась менее развитой по отношению к культуре титульного населения.

Принудительная ассимиляционная политика по отношению к саамам характеризовалась запретом на использование саамских языков, отрицанием их культуры и права на автономию. Кроме того, в Швеции саамы-оленьеводы подверглись насильственному переселению со своих исконных территорий на севере страны в более южные регионы [27, p. 3].

В тот период саамы не имели возможности участвовать в политической жизни своих стран. Несмотря на то, что Норвегия, Швеция и Финляндия ввели всеобщее избирательное право в начале XX в., уровень политического участия коренного народа оставался крайне низким. Например, в Швеции существовали ограничения, которые лишали возможности саамов участвовать в выборах. Чтобы обладать избирательным правом, необходимо было либо платить налоги государству, либо нести военную службу, либо получать социальное пособие по бедности [28, p. 293]. Те саамы, которые занимались оленеводством и вели кочевой образ жизни, не подходили ни под один из критериев и, соответственно, не участвовали в выборах.

Однако после завершения Второй мировой войны политико-правовой статус саамов стал значительно улучшаться. Нюрнбергский процесс стал триггером, запустившим радикальные изменения институциональной среды, которые привели к закреплению в международном праве эгалитарной трактовки прав человека. Особое значение имело принятие Организацией Объединенных Наций Всеобщей декларации прав человека в 1948 г.¹ и Конвенции Международной организации труда (МОТ) о правах коренных и племенных народностей 1957 г. (№ 107)². Принятие данных международных документов означало качественные изменения институциональной среды в международном и национальном праве и стало решающим стимулом для развития прав меньшинств.

На фоне процессов деколонизации и демократизации активизировалось и саамское движение, которое берет свое начало еще с первой четверти XX в. Первое

¹ Universal Declaration of Human Rights, 1948, *United Nations*, URL: <https://www.un.org/en/about-us/universal-declaration-of-human-rights> (дата обращения: 19.12.2023).

² Indigenous and Tribal Populations Convention (№ 107), 1957, *International Labour Organization*, URL: https://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO::P12100_ILO_CODE:C107 (дата обращения: 19.12.2023).

в истории собрание саамов прошло 6 февраля 1917 г. в Тронхейме, Норвегия. Норвежские и шведские саамы собрались вместе, чтобы договориться об объединении своих усилий через границы. Эта знаковая дата в итоге была признана международным днем саамов в 1992 г. [29, р. 17]. Примечательно, что председателем оргкомитета собрания стала женщина, активист движения за гражданские права саамов и писатель Эльза Лаула Ренберг (1877—1931). Она получила образование акушера в Стокгольме, вышла замуж за оленевода, родила 6 детей, была автором политического памфлета «Сталкиваемся ли мы с жизнью или смертью? Слова истины о ситуации в Лапландии» («Infor lif eller död? Sanningsord i de Lappska förhållandena»). В памфлете, опубликованном в 1904 г., Э.Л. Ренберг написала про проблемы саамов, такие как образование (школы-интернаты с расовой сегрегацией), избирательные права и права на владение землей. Считается, что памфлет повлиял на пробуждение национального духа саамов, стал началом процессов их деколонизации [30, р. 234]. После событий 1917—1918 гг. саамское движение угасло и оставалось в значительной степени бездействующим до 1950-х гг., когда оно вновь активизировалось в ответ на строительство гидроэлектростанций в норвежской Лапландии и когда была создана организация «Национальный союз шведского саамского народа» («Svenska Samers Riksförbund») [9, р. 1146].

Новым толчком для активизации саамского движения также стало проведение в 1953 г. первой Международной саамской конференции, а затем и создание в 1956 г. Союза саамов¹. Данная международная организация была создана для объединения усилий по решению общих для саамов проблем. В качестве главной политической цели Союза саамы определили достижение прав на самоопределение и самоуправление, под которыми они понимали получение возможности самим контролировать свою судьбу и принимать участие в принятии решений, касающихся их развития.

Более того, в Норвегии, Швеции и Финляндии происходило осознание того, что классическая модель представительной демократии, принципом которой является «один человек — один голос», создает в мультикультурных государствах ситуацию, когда меньшинство оказывается во власти большинства и не имеет возможности быть услышанным [31, р. 6]. Вследствие этого в странах менялось восприятие отношений между большинством и меньшинством.

Финляндия стала первым государством, которое сделало шаг, способствовавший значительному повышению участия саамов в процессах принятия политических решений. В 1973 г. в Финляндии был принят закон, благодаря которому была создана организация для представительства интересов коренного народа на территориях его проживания — Саамская делегация². В 1996 г. Саамская делегация в Финляндии была официально заменена Саамским парламентом³.

Создание Саамской делегации оказало еще большее влияние на саамское движение в соседних Норвегии и Швеции и усилило давление на их центральные власти. На радикальный разворот политики в отношении саамов в этих двух странах значительно повлияли конфликты, возникшие между коренным народом и их государствами. В конце 1970 — начале 1980-х гг. в Норвегии в фюльке Финнмарк произошла целая серия протестов саамского населения, которое выступило против

¹ About the Saami Council, 2024, *Saami Council*, URL: <https://www.saamicouncil.net/en/the-saami-council> (дата обращения: 20.12.2023).

² Asetus saamelaisvaltuuskunnasta (№ 824), 1973, *Finlex*, URL: <https://finlex.fi/fi/laki/al-kup/1990/19900988> (дата обращения: 20.12.2023).

³ Act on the Sámi Parliament (№ 974), 1995, *Ministry of Justice, Finland*, URL: https://www.finlex.fi/fi/laki/kaannokset/1995/en19950974_20031026.pdf&ved=2ahUKEwjY7cjpVSDAxVRP-BAIHVZwC4EQFnoECA0QBQ&usq=AOvVaw17xYp_96KPXraNIATbKzZu (дата обращения: 20.12.2023).

сооружения гидроэлектрической станции на реке Альта, поскольку осуществление данного проекта привело бы к затоплению саамской деревни, вынужденной миграции коренного народа и нарушению его промыслов. В Швеции в начале 1980-х гг. саамы, проживающие в провинции Емтланд, также вступили в конфликт с государством по поводу права собственности на земли, которые как они, так и их предки обрабатывали и использовали для выпаса оленей на протяжении долгого периода времени в истории [32, s. 25]. Саамам Швеции не удалось тогда отстоять права на свои земли. Протесты саамов в Норвегии также были подавлены, и им не удалось предотвратить строительство гидроэлектростанции. Тем не менее в результате данных конфликтов вопросы улучшения положения саамов приобрели еще большую значимость. Более того, после протестов саамов в Альте правительство Норвегии решило организовать встречи с представителями саамских организаций в 1980—1981 гг. В результате данных встреч было решено учредить специальный комитет, который занялся рассмотрением правового статуса саамов [33, s. 234]. Комитетом по итогу было вынесено предложение о создании представительного органа для саамов, а затем и об утверждении закона о Финнмарке, согласно которому около 96 % земельных и внутренних водных ресурсов в фюльке Финнмарк передавалось жителям данного региона¹. С тех пор данная территория находится под управлением Агентства Финнмарка.

Из приведенных примеров следует, что конфликты между саамами, с одной стороны, и государством — с другой, значительно повлияли на радикальный разворот в саамской политике. Саамы в Норвегии были конституционно признаны коренным народом в 1988 г. Напротив, несмотря на то что саамы в Швеции относят свое первое официальное признание со стороны Риксдага к 1977 г., их конституционное признание произошло только в 2011 г. Норвегия ратифицировала Конвенцию МОТ № 169 о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни, в 1990 г., тогда как Швеция этого не сделала до сих пор [34, p. 1206].

В Норвегии в 1987 г. был принят Закон о саамах², который вступил в силу в 1989 г. и согласно которому в итоге был создан Саамский парламент. Швеция была последней из трех стран, в которой в 1993 г. был создан аналогичный парламент³. В законах о создании саамских парламентов также официально признавались саамские языки и культура.

Таким образом, возможности политического представительства саамов были значительно расширены в результате компромиссов, которые были найдены между центральной властью и коренным народом.

Создание похожих органов самоуправления коренного народа в трех странах было не случайным. Норвегия, а затем и Швеция заимствовали изначальную финскую модель органа самоуправления для саамов. Ситуации заимствования странами чужого политического опыта объясняются в рамках неоинституционализма теорией диффузии, когда государства, особенно дружественные, могут создавать похожие институты [35, p. 10], а также институционального изоморфизма, под которым понимается схожесть в определенном социальном пространстве институтов, создающихся в разных странах в результате как их независимого развития, так и заимствования, особенно в условиях современной глобализации [36, p. 2]. Различия

¹ Act relating to legal relations and management of land and natural resources in Finnmark, 2005, *Lovdata*, URL: <https://lovdata.no/dokument/NLE/lov/2005-06-17-85?q=Finnmark%20Act> (дата обращения: 21.12.2023).

² The Sámi Act (№ 56), 1987, *Regjeringen*, URL: <https://www.regjeringen.no/en/dokumenter/the-sami-act/-id449701/> (дата обращения: 21.12.2023).

³ The Sámi Act (№ 1433), 1992, *Sametinget*, URL: <https://www.sametinget.se/9865> (дата обращения: 21.12.2023).

между парламентами, в свою очередь, можно объяснить с помощью концепции зависимости от предшествующего пути развития (path dependence) [37, p. 86]. Согласно данной концепции, институты, имеющие при создании схожие цели и ориентиры, могут в дальнейшем развиваться по-разному, в том числе по такому пути, который никто раньше не предполагал. Различия между саамскими парламентами более подробно рассматриваются в другом разделе статьи.

В настоящее время саамы обладают такими же политическими правами, как и титульное население, и имеют право участвовать в выборах в качестве избирателей и кандидатов. Коренной народ вправе создавать свои собственные общественные организации и даже политические партии. Однако формальное равенство граждан не обязательно ведет к их фактическому равенству. Население, разделенное на большинство и меньшинство, все равно зачастую оказывается в ситуации, когда права и обязанности распределяются непропорционально. Несмотря на значительное улучшение политико-правового статуса саамов они остаются меньшинством, что является причиной особенностей, а также сложностей их участия в процессах политического представительства. Более того, саамы по-прежнему в определенной степени сталкиваются с дискриминацией. Саамское происхождение и использование саамских языков приводит к более высокой вероятности сообщения о дискриминационном опыте. Существует также тенденция того, что у саамов, которые придерживаются своей культуры, используют саамский язык в речи и занимаются оленеводством, чаще наблюдаются более низкие индикаторы здоровья и социально-экономического статуса [34, p. 1208; 23, p. 406]. Таким образом, можно говорить о том, что странам Северной Европы еще не удалось полностью преодолеть дискриминационные практики по отношению к саамскому населению.

Политическое представительство саамов в национальных, региональных и местных парламентах

В настоящее время посредством политического представительства саамы в Норвегии, Швеции и Финляндии оказывают влияние на принятие политических решений через местные, региональные и национальные парламенты, органы культурного самоуправления (саамские парламенты), а также через соглашения о сотрудничестве с регионами и муниципалитетами. Однако влияние через данные каналы не равнозначно и не в одинаковой степени позволяет саамам участвовать в принятии политических решений. При этом важно также учитывать, что не у всех саамов их этническая идентичность является доминирующей по сравнению с гражданской, что может влиять на их политическое поведение и участие в законодательных органах власти.

Саамы никогда не имели значительного представительства в национальных парламентах. Хотя первый саам был избран в парламент Норвегии еще в 1906 г., коренному народу не удалось добиться повышения своего представительства в данном законодательном органе. Для сравнения, в Финляндии первый саам был избран в национальный парламент лишь в 2007 г., а в Швеции, в свою очередь, еще не один саам не был избран в национальный парламент [31, p. 12].

Стоит также отметить, что в национальных парламентах не предусмотрено квот для коренного народа. В Швеции в 1920—1930 гг. вносились два предложения по поводу предоставления саамам квот в Риксдаге [38, s. 74]. Однако они не получили особой поддержки, и с тех пор эта тема в парламенте больше не обсуждалась. В Норвегии также время от времени возникали предложения об обеспечении представительства саамов в Стортинге. Например, в 1974 г. либеральная партия

подняла вопрос о закреплении права саамов избирать двух своих представителей в парламент [31, р. 14]. Однако, как и в Швеции, данное предложение так и осталось лишь идеей.

Политическое представительство саамов на региональном и местном уровнях является незначительным за некоторыми исключениями. Так, в законодательные органы регионов Норвегии Трёнделаг, Нурланд, Тромс и Финнмарк время от времени избираются кандидаты с саамским происхождением. Однако они получают лишь малое количество мандатов и представляют общенациональные политические партии, например Рабочую партию (Arbeiderpartiet) и Красную партию (Rødt), но не саамские партии, которые не способны выдержать конкуренцию на региональных выборах. Лишь на последних выборах, проходивших в фюльке Финнмарк в 2023 г., саамы баллотировались от двух саамских партий: от Саамской народной партии (Samefolketsparti), которая, однако, набрала недостаточное количество голосов и не получила ни одного мандата, и от партии «Люди Северного Калотта» (Nordkalottfolket), которая впервые на региональных выборах завоевала 19 % голосов, заняв 2-е место и получив 7 мандатов из 35¹. На прошлых региональных выборах в 2019 г. в объединенном тогда фюльке Тромс и Финнмарк партия «Люди Северного Калотта» смогла завоевать лишь один мандат. При этом два мандата также получили саамы из специального избирательного списка (Samelista), обычно использующегося на выборах в Норвегии для объединения кандидатов, не представляющих ни одну из политических партий².

Более того, согласно Закону о Финнмарке, земельными и внутренними водными ресурсами фюльке Финнмарк с 2005 г. управляет совет директоров, в состав которого входят шесть членов. Одна половина совета назначается Саамским парламентом, другая — региональным советом. Благодаря такому представительству саамы Норвегии наконец получили возможность отстаивать свои права на использование земель и вод, которыми пользовались их предки на протяжении длительного периода в истории.

Похожая система управления предлагалась и в фюльке Тромс и Нурланд. Организацию, которая бы управляла 50 % земельных и внутренних водных ресурсов данных регионов, предлагалось назвать Hålogalandsallmenningen³. Однако данное предложение не встретило значительной поддержки и до сих пор не было реализовано на практике.

На местах саамы лучше всего представлены в муниципалитетах Карасьоке и Каутокеино, культурных центрах саамов, где большая часть населения является носителями саамского языка⁴. В их законодательных собраниях представлены как беспартийные саамы, так и саамы, представляющие норвежские национальные и саамские партии. К таким национальным партиям относятся Рабочая партия (Arbeiderpartiet), Консервативная партия (Høyre), Либеральная партия (Venstre),

¹ Valgresultat. Finnmark, 2023, *Valgdirektoratet*, URL: <https://valgresultat.no/valg/2023/fy/finnmark%20finnmark%20C3%A1rku#partyDistribution> (дата обращения: 22.12.2023).

² Valgresultat. Finnmark, 2019, *Valgdirektoratet*, URL: <https://valgresultat.no/valg/2019/fy/troms%20og%20finnmark#partyDistribution> (дата обращения: 22.12.2023).

³ Hålogalandsallmenningen. Om forvaltning av fast eiendom i Troms og Nordland, 2008, *DUO Research Archive*, URL: <https://www.duo.uio.no/bitstream/handle/10852/21880/87315.pdf> (дата обращения: 22.12.2023).

⁴ Valgresultat. Karasjok, 2021, *VG*, URL: <https://www.vg.no/valgnatt/2023/ko/fylker/finnmark-finnmarku/kommuner/karasjohka-karasjok> (дата обращения: 22.12.2023); Valgresultat. Kautokeino, 2021, *VG*, URL: <https://www.vg.no/valgnatt/2023/ko/fylker/finnmark-finnmarku/kommuner/guovdageaidnu-kautokeino> (дата обращения: 22.12.2023).

Партия прогресса (Fremskrittspartiet) и Партия центра (Senterpartiet). К саамским партиям, в свою очередь, относятся партия «Усилие» («Árja») и Саамская народная партия (Samefolkets Parti).

В Швеции и Финляндии представительство саамов на региональном и местном уровнях еще ниже, чем в Норвегии, поскольку большинство из них стремится не участвовать в деятельности национальных политических партий. Еще на первом всесаамском собрании в 1917 г. саамы Швеции отказались от партийной политики [38, s. 71]. Причиной отказа могло послужить то, что интересы саамов, связанные с оленеводством, неизбежно столкнулись бы с интересами партий, которые выступали за развитие лесного и сельского хозяйства. Еще одной причиной могло быть нежелание коренного народа зависеть от решений представителей несаамского населения. В настоящее время большинство саамов Швеции также отказывается участвовать в деятельности национальных политических партий. Следовательно, в большинстве мест они выдвигаются в качестве кандидатов на выборах лишь эпизодически. Более значительно представительство саамов лишь в их культурных и политических центрах Йоккмюкк и Кируна. В муниципалитете Йоккмюкк в последнее время завоевывать места в местном законодательном собрании стала партия «Саамский колодец» («Samernas Vål»)¹. В Кируне мандаты получают саамы, включенные в беспартийный список (Sámelistu)².

Таким образом, несмотря на изначальный отказ шведских саамов от партийной политики, после создания Саамского парламента, а затем саамских организаций и партий коренной народ стал активнее принимать участие в выборах, особенно в муниципалитетах Йоккмюкк и Кируна, что, хотя и незначительно, но повысило степень политического представительства саамов. Достижением стало и то, что с образованием Саамского парламента несколько партий Швеции, например Социал-демократическая рабочая партия (Sveriges socialdemokratiska arbetareparti), Левая партия (Vänsterpartiet) и Партия зеленых (Miljöpartiet de gröna), развили свои саамские программы, что повышает шансы на большую политическую представленность интересов саамов.

Что касается саамов Финляндии, то стоит отметить, что они не особо активны в деятельности национальных политических партий, как и саамы в Швеции. Поскольку у них нет своих партий, в случае их участия в выборах они представляют финские партии, прежде всего Партию центра (Keskustapuolue)³, которая нередко встает на их сторону в вопросе защиты их прав и от которой был избран первый саам в национальный парламент Финляндии. Также стоит учитывать, что, так как численность саамов в Финляндии значительно меньше, чем в соседних Норвегии и Швеции, их избрание в региональные и местные законодательные собрания еще более редкое явление. Тем не менее уровень политического представительства саамов немного выше в их культурных центрах: в муниципалитетах Инари, Утсйоки, Энонтекиё и Соданкюля⁴.

В целом можно утверждать, что существуют институционализованные (парламенты и партии) и неинституционализованные формы политического представительства саамов (табл. 1).

¹ Kommunval. Jokkmokk, 2022, *Valmyndigheten*, URL: <https://valresultat.svt.se/2022/kommunval-2510-jokkmokk.html> (дата обращения: 22.12.2023).

² Kommunval. Kiruna, 2022, *Valmyndigheten*, URL: <https://valresultat.svt.se/2022/kommunval-2584-kiruna.html> (дата обращения: 22.12.2023).

³ Kuntalista, 2022, *Vaalitulokset*, URL: <http://vaalitulokset.kp24.fi> (дата обращения: 23.12.2023).

⁴ Saamelaiset Suomessa, 2023, *Samediggi*, URL: <https://www.samediggi.fi/saamelaiset-info/> (дата обращения: 23.12.2023).

Таблица 1

Институционализация политического представительства саамов

Форма политического представительства (на 2024 г.)	Норвегия	Швеция	Финляндия
Представленность саамов в национальном парламенте	+/- ¹	-	-
Саамские парламенты	+	+	+
Саамские партии	+	+	-
Организации и движения саамов	+	+	+

Саамы в вопросах политического представительства фокусируются прежде всего на участии в саамских парламентах, а также в саамских партиях, организациях и движениях саамов, поскольку им затруднительно добиться адекватного уровня представительства как на национальном, так и на региональном и местном уровнях власти. Саамская идентичность также не всегда определяет политические предпочтения и решения представителей коренного народа, особенно учитывая факт проживания саамов в странах с развитой гражданской идентичностью. Для учета этого фактора важно рассматривать не только представленность саамов в законодательных органах власти, но и активность в политических и культурных институтах, ориентированных на защиту их прав.

Участие саамов в выборах чаще является эпизодическим. Исключение составляет более значительное представительство в их культурных и политических центрах, а также представительство в рамках Закона о Финнмарке. Несмотря на это саамы имеют возможность отстаивать свои интересы благодаря соглашениям о сотрудничестве саамских парламентов как с регионами, так и с муниципалитетами, входящими в ареал традиционного расселения саамов. Соглашения о сотрудничестве затрагивают такие области, как ревитализация саамских языков, развитие саамской культуры, образования, получаемого на саамских языках, поощрение традиционных промыслов саамов, а также борьба с проявлениями расизма. После создания саамских парламентов проблемы саамов получили большее признание и национальные политические партии сформировали свои саамские программы, что повысило шансы саамов на более широкую представленность их интересов. Особенно это касается Норвегии, где саамы наиболее активны в деятельности национальных политических партий.

Саамские парламенты как представительные органы

В связи с неспособностью саамов добиться адекватного уровня политического представительства на национальном, региональном и в большинстве случаев местном уровнях саамские парламенты стали решением, которое позволило повысить уровень вовлеченности саамов в политические процессы.

Поскольку саамы не представляют собой большинство в регионах их традиционного расселения, во всех трех странах был выбран нетерриториальный способ предоставления им самоуправления. Саамы были наделены культурной автономией, воплощением которой стали саамские парламенты. Саамские парламенты предоставляют возможность саамам сохранять и развивать свою культуру, язык и традиционные промыслы. В то же время их функции выходят за рамки культурного

¹ В национальном парламенте Норвегии ни один саам в качестве депутата не представлен. Однако в 2021 г. Х.Г. Даниэльсен, которая имеет саамское происхождение и представляет интересы саамов, была избрана в Стортинг заместителем представителя Сёр-Трёнделага от Социалистической левой партии.

самоуправления и включают элементы политического представительства, что отличает их от других видов национально-культурной автономии, которые не обладают политическими полномочиями.

Таким образом, саамские парламенты представляют уникальную форму сочетания культурного самоуправления и политического представительства, что подчеркивает важность их институционального анализа в контексте политической репрезентации коренных народов.

Между саамскими парламентами Норвегии, Швеции и Финляндии существует много общего. Так, основной целью данных органов является достижение равных политических, экономических, социальных и культурных прав для саамов, а также поддержание и защита их автохтонных языков, культуры и традиционных промыслов.

Парламенты имеют схожие полномочия. Во-первых, парламенты — это официальные представители саамского населения, а, значит, сферой их деятельности выступает защита саамских интересов. Во-вторых, парламенты обладают полномочиями по распределению в соответствии со своими целями и нуждами бюджета, который формируется за счет предоставления финансирования со стороны национальных правительств [39, s. 391]. В-третьих, парламенты могут принимать решения, касающиеся языка и культуры саамов, а также затрагивающие сферу получения образования на саамских языках. В-четвертых, парламенты занимаются информированием о проблемах, с которыми сталкивается коренной народ, что важно для обеспечения защиты его интересов. В-пятых, они вносят предложения в органы власти, затрагивающие такие аспекты социальной политики, проводимой по отношению к саамам, как, например, поддержание их материального благосостояния, улучшение условий проживания и трудовой деятельности, повышение уровня образования, ревитализация языка и сохранение культуры и др. Наконец, представители саамских парламентов участвуют в парламентских слушаниях, хотя и не обладают правом вето на принимаемые государственными органами решения. При этом Саамский парламент в Норвегии способен также осуществлять контроль за использованием части своих исконных территорий, поскольку его представители участвуют в управлении земельными и внутренними водными ресурсами в фюльке Финнмарк.

Все три саамских парламента являются консультативными органами, обладающими правом принимать решения в узконаправленной сфере, которая затрагивает непосредственно саамское население. Саамские парламенты функционируют при определенных министерствах: в Финляндии — при министерстве юстиции, в Швеции — при министерстве сельского хозяйства, в Норвегии — при министерстве труда и инклюзивности, с учетом того, что другие министерства также занимаются вопросами саамской политики.

Саамские парламенты имеют двоякую роль, поскольку они представляют, с одной стороны, интересы коренного народа, с другой — государственные интересы по проведению определенной саамской политики [40, p. 109]. Нельзя утверждать, что саамские парламенты имеют абсолютную независимость от государственной власти. Именно государство определяет, какими полномочиями будет обладать представительный орган саамов, а также обеспечивает его экономическую основу. Согласно М. Берг-Нордли, определенный контроль со стороны государства за органом самоуправления коренного народа необходим, чтобы не допустить ситуацию, в которой процессы принятия решений в определенной сфере монополизированы теми, кто не опирается на большинство [39, s. 392]. М. Берг-Нордли подчеркивает, что саамы не являются большинством ни в одном из регионов своего исконного

проживания, за исключением нескольких муниципалитетов, и, соответственно, проведение политики по решению тех или иных саамских вопросов затрагивает и основную часть населения.

Важным моментом является получение доступа к формированию состава саамских парламентов. Как указывалось ранее, существуют специальные реестры избирателей, предоставляющие возможность участвовать в выборах в саамские парламенты в качестве как избирателей, так и кандидатов. За последние годы все больше саамов регистрируются в реестре и принимают участие в выборах. Однако далеко не все представители саамского народа могут зарегистрироваться в реестре. Некоторым из них может быть сложно доказать свою принадлежность по причине того, что в семье был утерян язык в результате проводившейся в прошлом ассимиляционной политики.

Для более полного понимания работы саамских парламентов полезно проанализировать их численность, принципы формирования, а также политико-идеологический состав. Данные параметры позволяют наглядно сравнить особенности работы саамских парламентов в Норвегии, Швеции и Финляндии, что способствует более глубокой оценке их роли в политической системе каждой из стран (табл. 2).

Таблица 2

Сравнительный анализ саамских парламентов в Норвегии, Швеции и Финляндии: численность, принципы формирования и политико-идеологический состав

Параметр	Саамский парламент Норвегии	Саамский парламент Швеции	Саамский парламент Финляндии
Численность	39	31	21
Принцип формирования	Пропорциональная избирательная система с семью округами, учитывающими географическую и культурную репрезентацию. Выборы проходят раз в четыре года	Система относительного большинства в единственном избирательном округе по всей стране. Выборы проходят раз в четыре года	Выборы в единственном избирательном округе, включающем исконные территории саамов, с учетом культурных подгрупп. Выборы проходят раз в четыре года
Политико-идеологический состав	Ассоциация саамов Норвегии доминирует; также участвуют национальные норвежские партии, такие как Рабочая партия и Партия центра	Доминирующая партия — «Охотничьи и рыболовные общины»; в парламенте также представлены другие саамские партии и организации	Саамские партии отсутствуют; все кандидаты — самовыдвиженцы

Выборы в саамские парламенты проходят раз в четыре года. Последние такие выборы в Норвегии и Швеции состоялись в 2021 г., а в Финляндии — в 2023 г. Наибольший уровень явки на выборах в Саамский парламент наблюдается в Норвегии и стабильно составляет 67—70 %¹. Уровень явки на выборах в Саамский парламент Швеции за последние восемь лет к 2021 г. вырос на 10 % и составил 64,8 %². Наименьший уровень явки наблюдается в Финляндии: на последних вы-

¹ Valgresultat. Sametingsvalg, 2021, *Valgdirektoratet*, URL: <https://valgresultat.no/valg/2021/sa> (дата обращения: 23.12.2023).

² Valresultat. Sametinget, 2021, *Valmyndigheten*, URL: <https://www.val.se/valresultat/sametinget/2021.html> (дата обращения: 23.12.2023).

борах в 2023 г. он был 51,6 %¹, тогда как на прошлых выборах в 2019 г. — 48,58 %². Снижение уровня явки ниже 50 % может говорить о неспособности Саамского парламента Финляндии по мере расширения избирательного реестра привлекать представителей саамского народа к решению вопросов, связанных с их индигенностью. В Финляндии, как и в Норвегии и Швеции, только в большей степени, существует тенденция регистрации некоторых саамов в реестре избирателей не с целью участия в осуществлении саамской демократии, а лишь для признания своей принадлежности к саамскому народу.

Наиболее высокий уровень явки на выборах в Саамский парламент Норвегии, в свою очередь, можно объяснить наличием особой системы избирательных округов. Такая система представлена пропорциональной избирательной системой с семью округами, охватывающими все регионы Норвегии, что важно в условиях рассредоточения саамов по всей стране [41, р. 267]. Более того, избирательные округа в рамках данной системы сформированы таким образом, чтобы в выборах могли участвовать разные культурные подгруппы коренного народа. В целом в Саамском парламенте предусмотрено 39 мандатов³. Число представителей, которое можно избрать от каждого избирательного округа, зависит от количества зарегистрированных там избирателей.

В Швеции выборы в Саамский парламент также проходят на территории всей страны, но в рамках единственного избирательного округа. В парламент избирается 31 представитель по системе относительного большинства⁴. При этом голосовать можно как за партию, так и за ее отдельного представителя.

В Финляндии в Саамский парламент избирается 21 представитель⁵. Выборы проходят, как и в Швеции, в пределах единственного избирательного округа, который, впрочем, включает в себя исключительно территории, исконно заселенные коренным народом. Избирательный округ представлен четырьмя подокругами, которые поделены таким образом, чтобы учитывались голоса разных культурных подгрупп саамов. В каждом подокруге избираются не менее трех представителей, а также представители в целом от избирательного округа. Несмотря на учет голосов разных культурных подгрупп саамов, такая система не берет в расчет тех представителей коренного народа, которые проживают в других регионах страны.

В выборах в саамские парламенты Норвегии и Швеции в качестве кандидатов участвуют саамские партии и организации, оленеводческие общины, а также отдельные самовыдвиженцы. Так, Ассоциация саамов Норвегии (Norske Samers Riksforbund) еще с самых первых выборов в Саамский парламент Норвегии получает наибольшее число мандатов⁶. На выборах в Саамский парламент Швеции начиная с 2005 г. первое место стабильно занимает саамская партия «Охотничьи

¹ Saamelaiskäräjävaaalien tulos, 2019, *Samediggi* (2019), URL: <https://www.samediggi.fi/wp-content/uploads/2023/10/Saamelaiskarajavaalin-tulokset-2023-1.pdf> (дата обращения: 23.12.2023).

² Vaalit, 2019, *Samediggi*, URL: <https://dokumentit.solinum.fi/samediggi/?f=dokumenttipankki/vaalit/suomeksi> (дата обращения: 23.12.2023).

³ Sametinget i Norge, 2024, *Sametinget*, URL: https://sametinget.no/_f/p1/i50a5462d-5adf-4638-8376-ef2405c9792a/sametinget-brosjyre-a4-norsk-230623.pdf (дата обращения: 23.12.2023).

⁴ Sametingsvalet, 2022, *Sametinget*, URL: <https://www.sametinget.se/val> (дата обращения: 23.12.2023).

⁵ Saamelaiskäräjien vaalien tuloksen määräytyminen, 2023, *Samediggi*, URL: <https://www.samediggi.fi/vaalit-2023/saamelaiskarajien-vaalien-tuloksen-maaraytyminen/> (дата обращения: 24.12.2023).

⁶ Valgresultat. Sametingsvalg, 2021, *Valgdirektoratet*, URL: <https://valgresultat.no/valg/2021/sa> (дата обращения: 24.12.2023).

и рыболовные общины» (Jakt- och fiskesamerna)¹. Представительный орган саамов как в Норвегии, так и в Швеции сформирован в настоящий момент семью партиями и организациями. Следует подчеркнуть, что в выборах в Саамский парламент Норвегии также участвуют саамы от имени национальных норвежских партий: Рабочей партии, Партии центра и Партии прогресса.

В Финляндии саамы не имеют своих саамских партий. Центральная ассоциация саамов Финляндии является единственной крупной организацией коренного народа в стране, которая при этом не участвует в формировании Саамского парламента. Кандидатами на выборах в представительный орган саамов становятся исключительно кандидаты-самовыдвиженцы. Тот факт, что саамы Финляндии и Швеции не избираются в саамские парламенты от имени национальных политических партий, связан, как указывалось ранее, с тем, что большинство из них избегает участия в партийной политике.

Заключение

В статье были рассмотрены различные стороны политического представительства саамов в Норвегии, Швеции и Финляндии. С опорой на методологию неоинституционализма был сделан вывод о том, что современные особенности политического представительства коренного народа обусловлены определенным исторически-политическим контекстом, который включал в себя качественное изменение политико-правового статуса саамов и нахождение компромиссов между государством и коренным народом, в том числе в результате конфликтов. Использование методологии конструктивизма позволило рассмотреть формирование идентичности как основы движения саамов с требованиями вначале экономической, культурной, социальной, а впоследствии политической репрезентации.

Общей для саамов в этих странах является неспособность добиться адекватного политического представительства на всех уровнях власти, за исключением их культурных центров. Участие саамов в выборах чаще всего эпизодическое. Более того, низкий уровень вовлеченности шведских и финских саамов в деятельность национальных политических партий еще более отдаляет их от политики на всех уровнях власти, тогда как в Норвегии саамы более активны в партийной политике. Участие саамов Норвегии в деятельности национальных политических партий можно объяснить исторически сложившимися условиями, которые предоставили саамам больше возможностей для политической активности и интеграции в партийные структуры. В Норвегии также существует более развитая система защиты прав коренных народов, частью которой является ратифицированная Норвегией Конвенция МОТ № 169, что способствует их участию в национальной политике без опасения противоречий с экономическими интересами или зависимости от несаамского населения. Саамы в Финляндии и Швеции, в свою очередь, имея менее благоприятные условия, предпочитают воздерживаться от партийной политики, чтобы избежать риска потери автономии и контроля над соблюдением своих интересов.

Создание саамских парламентов привело к значительному повышению политической вовлеченности саамов и позволило им самим определять свой путь развития. Во всех трех странах саамские парламенты представляют собой по большому счету консультативные органы, которые функционируют при министерствах

¹ Valresultat. Sametinget, 2021, *Valmyndigheten*, URL: <https://www.val.se/valresultat/sametinget/2021.html> (дата обращения: 24.12.2023).

и полномочия и бюджет которых устанавливаются центром. При этом Саамский парламент Норвегии наиболее эффективно включает саамов в политику за счет как более либеральных критериев для регистрации в избирательном реестре, так и предоставления парламенту права осуществлять контроль за определенными землями своего исконного проживания. В Норвегии также была создана наиболее эффективная система избирательных округов с учетом географической и культурной репрезентативности саамов, что важно в условиях их рассредоточенности на большой территории и миграции из регионов традиционного расселения. В Финляндии же на выборах в Саамский парламент избирательный округ охватывает лишь исконные территории саамов, что исключает участие мигрировавших в другие регионы страны саамов в саамской демократии.

Политическое представительство саамов в саамских парламентах связано и с рядом других трудностей. Так, некоторые саамы регистрируются в избирательном реестре не с целью участия в саамской демократии, а лишь для того, чтобы заявить о своей идентичности. Более того, в затруднительном положении находятся саамы «без статуса», которые не могут подтвердить свою принадлежность к коренному народу по причине утери их семьями саамского языка из-за проводившейся в прошлом политики ассимиляции. В настоящее время часть саамов также утрачивает связь со своим автохтонным языком и перенимает культуру и образ жизни титульного населения. Наконец, несмотря на официальный отказ стран от проведения ассимиляционной и дискриминационной политики по отношению к саамам, все еще существует скептицизм по поводу активного включения коренного народа в процессы принятия политических решений.

В заключение стоит отметить, что данное исследование подтвердило актуальность теорий мультикультурализма, консоциативной демократии и национализма для анализа политического представительства саамов. Эти теории помогают понять, как учитываются культурные различия, интеграция меньшинств и роль этнической идентичности в политическом процессе в Норвегии, Швеции и Финляндии.

Список литературы

1. Kymlicka, W. 1996, *Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights*, Oxford, Clarendon Press, 296 p., <https://doi.org/10.1093/0198290918.001.0001>
2. Lijphart, A. 1977, *Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration*, New Haven, Yale University Press, 268 p.
3. Brubaker, R. 2004, *Ethnicity without Groups*, Cambridge, MA and London, England, Harvard University Press, 296 p., <https://doi.org/10.4159/9780674258143>
4. Тишков, В. А. 2021, Избранные труды : в 5 т. Т. 5 : *Этнология и политика. Статьи 1989—2021 годов*, М., Наука, 639 с.
5. Дробижева, Л. М. 2020, Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения, *Социологические исследования*, №8, с. 37—50, <https://doi.org/10.31857/S013216250009460-9>
6. Осолков, П. В. 2021, *Очерки по этнополитологии*, М., Аспект Пресс, 175 с. EDN: ROHEY
7. Minde, H. 2005, Assimilation of the sami — implementation and consequences, *Acta Borealia*, vol. 20, №3, p. 121—146, <https://doi.org/10.1080/08003830310002877>
8. Valkonen, J., Valkonen, S., Koivurova, T. 2016, Groupism and the politics of indigeneity: A case study on the Sami debate in Finland, *Ethnicities*, vol. 17, №4, p. 526—545, <https://doi.org/10.1177/1468796816654175>
9. Oksanen, A.-A. 2020, The Rise of Indigenous (Pluri-)Nationalism: The Case of the Sámi People, *Sociology*, vol. 54, №6, p. 1141—1158, <https://doi.org/10.1177/0038038520943105>

10. Lantto, P. 2010, Borders, citizenship and change: The case of the Sami people, 1751—2008, *Citizenship Studies*, vol. 14, № 5, p. 543—556, <https://doi.org/10.1080/13621025.2010.506709>
11. Nyyssönen, J. 2013, Sami Counter-Narratives of Colonial Finland. Articulation, Reception and the Boundaries of the Politically Possible, *Acta Borealia*, vol. 30, № 1, p. 101—121, <https://doi.org/10.1080/08003831.2013.776738>
12. Henriksen, J. B. 2008, The Continuous Process of Recognition and Implementation of the Sami People's Right to Self-Determination, *Cambridge Review of International Affairs*, vol. 21, № 1, p. 27—40, <https://doi.org/10.1080/09557570701828402>
13. Trosterud, T. 2008, Language Assimilation during the Modernisation Process: Experiences from Norway and North-West Russia, *Acta Borealia*, vol. 25, № 2, p. 93—112, <https://doi.org/10.1080/08003830802496653>
14. De Villiers, B. 2021, From Community Autonomy in Hungary to Indigenous Self-Determination in the Outback of Australia: Can Non-Territorial Autonomy Find Traction Down Under?, *Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe*, vol. 20, № 2, p. 1—32, <https://doi.org/10.53779/WKLF4478>
15. Nimni, E. 2019, The Twilight of the Two-State Solution in Israel-Palestine: Shared Sovereignty and Nonterritorial Autonomy as the New Dawn, *Nationalities Papers*, vol. 48, № 2, p. 1—18, <https://doi.org/10.1017/nps.2019.67>
16. Nieguth, T. 2009, An Austrian solution for Canada? Problems and possibilities of national cultural autonomy, *Canadian Journal of Political Science*, vol. 42, № 1, p. 1—16, <https://doi.org/10.1017/S0008423909090015>
17. Wendt, A. 1999, *Social Theory of International Politics*, Cambridge, Cambridge University Press, 429 p., <https://doi.org/10.1017/CBO9780511612183>
18. Onuf, N. 2023, *International Theory at the Margins. Neglected Essays, Recurring Themes (Bristol Studies in International Theory)*, Bristol University Press, 282 p.
19. March, J. G., Olsen, J. P. 1984, The new institutionalism: Organizational factors in political life, *The American Political Science Review*, vol. 78, № 3, p. 734—749, <https://doi.org/10.2307/1961840>
20. North, D. C. 1996, Institutional change: a framework of analysis, in: North, D. C. (eds.), *Social Rules*, Routledge, p. 189—201, <https://doi.org/10.4324/9780429497278-13>
21. Gerdner, A. 2021, Ethnic categorisation, identity and perceptions of life among Swedish Samis, *Ethnicities*, vol. 21, № 6, p. 1113—1139, <https://doi.org/10.1177/1468796820949284>
22. Belancic, K., Lindgren, E. 2020, Discourses of Functional Bilingualism in the Sami Curriculum in Sweden, *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*, vol. 23, № 5, p. 601—616, <https://doi.org/10.1080/13670050.2017.1396283>
23. Jaakkola, J. K., Juntunen, S., Näkkäläjärvi, K. 2018, The Holistic Effects of Climate Change on the Culture, Well-Being, and Health of the Saami, the Only Indigenous People in the European Union, *Current Environmental Health Reports*, vol. 5, № 6, p. 401—417, <https://doi.org/10.1007/s40572-018-0211-2>
24. Sarivaara, E., Kesitalo, P. 2016, Mediating Structures in Sámi Language Revitalisation, *Social Inclusion*, vol. 4, № 1, p. 11—18, <https://doi.org/10.17645/si.v4i1.359>
25. Spitzer, A. J., Selle, P. 2020, Is Nonterritorial Autonomy Wrong for Indigenous Rights? Examining the 'Territorialisation' of Sami Power in Norway, *International Journal on Minority and Group, Rights*, vol. 28, № 3, p. 1—24, <https://doi.org/10.1163/15718115-bja10009>
26. Lundström, C., Teitelbaum, B. R. 2017, Nordic Whiteness: An Introduction, *Scandinavian Studies*, vol. 89, № 2, p. 151—158, <https://doi.org/10.5406/scanstud.89.2.0151>
27. Josefsen, E. 2022, 'Sámi Political Shifts. From Assimilation via Invisibility to Indigenization?', in: McNeish, J. A., Postero, N., Ruckstuhl, K., Nimatuj, I. V. (eds.), *The Routledge Handbook of Indigenous Development*, Routledge, p. 1—15, <https://doi.org/10.4324/9781003153085>
28. Olsén, L. 2018, 'Sámi People at Different Levels of Decision-Making Processes in the Global Arctic', in: Finger, M., Heininen, L. (eds.), *The Global Arctic Handbook*, Springer International Publishing, p. 289—306, https://doi.org/10.1007/978-3-319-91995-9_17
29. Ravna, Ø. 2017, A Cold Rain on the Parade When the Sámi Celebrate 100th Anniversary, *Arctic Review on Law and Politics*, vol. 8, <https://doi.org/10.23865/arctic.v8.684>

30. Buhre, F., Bjork, C. 2021, Braiding Time: Sami Temporalities for Indigenous Justice, *Rhetoric Society Quarterly*, vol. 51, № 3, p. 227—236, <https://doi.org/10.1080/02773945.2021.1918515>
31. Josefsen, E. 2010, *The Saami and the national parliaments: Channels for political influence*, Mexico, IPU and UNDP, 27 p.
32. Josefsen, E., Mörkenstam, U., Saglie, J. 2017, Sametingene — institusjoner for selvbestemmelse, in: Josefsen, E., Mörkenstam, U., Nilsson, R., Saglie, J. (eds.), *Ett folk, ulike valg: Sametingsvalg i Norge og Sverige*, Oslo, Gyldendal Norsk Forlag, s. 24—55.
33. Andresen, A., Evjen, B., Ryymin, T. 2021, Samenes historie fra 1751 til 2020, *Tidsskrift for kjønnsforskning*, vol. 45, № 4, s. 232—235, <https://doi.org/10.18261/issn.1891-1781-2021-04-06>
34. Yasar, R., Bergmann, F., Lloyd-Smith, A., Schmid, S.-P., Holzinger, K., Kupisch, T. 2023, Experience of discrimination in egalitarian societies: the Sámi and majority populations in Sweden and Norway, *Ethnic and Racial Studies*, p. 1203—1230, <https://doi.org/10.1080/01419870.2023.2243313>
35. Mörkenstam, U., Josefsen, E., Nilsson, R. 2016, The Nordic Sámediggi and the Limits of Indigenous Self-Determination, *Gáldu čála*, № 1, p. 4—46.
36. Hwang, K. 2023, The relevance of neo-institutionalism for organizational change, *Cogent Social Sciences*, vol. 9, № 2, <https://doi.org/10.1080/23311886.2023.2284239>
37. Traversa, F. 2021, Power and institutional change: From path dependence to theories of gradual change, *Revista de Economía Institucional*, vol. 23, № 45, p. 83—108, <https://doi.org/10.18601/01245996.v23n45>
38. Sjølin, R. 1996, *Samer och samefrågor i svensk politik. En studie i ickemakt*, Umeå, Umeå University, s. 202.
39. Berg-Nordlie, M. 2015, Representativitet i Sápmi. Fire stater, fire tilnærminger til inklusjon av urfolk, in: Bjerkli, B., Selle, P. (eds.), *Samepolitikken utvikling*, Oslo, Gyldendal Norsk Forlag, s. 388—418.
40. Lawrence, R., Mörkenstam, U. 2016, Indigenous self-determination through a government agency? The impossible task of the Swedish Sámediggi, *International Journal on Minority and Group Rights*, vol. 23, № 1, p. 105—127, <https://doi.org/10.1163/15718115-02301004>
41. Bergh, J., Dahlberg, S., Mörkenstam, U., Saglie, J. 2018, Participation in Indigenous Democracy: Voter Turnout in Sámi Parliamentary Elections in Norway and Sweden, *Scandinavian Political Studies*, vol. 41, № 4, p. 263—287, <http://dx.doi.org/10.1111/1467-9477.12129>

Об авторах

Маргарита Владимировна Буковска, аспирант, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, Россия.

E-mail: likova.m@edu.narfu.ru

<https://orcid.org/0009-0003-9143-2975>

Александр Евгеньевич Шапаров, доктор политических наук, доцент, профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, Россия.

E-mail: a.shaparov@narfu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0915-4730>

Мария Александровна Питухина, доктор политических наук, профессор, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова, Россия.

E-mail: pitukhina@petsu.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7012-2079>

POLITICAL REPRESENTATION OF THE SÁMI IN THE COUNTRIES OF NORTHERN EUROPE

M. V. Bukovska¹

A. E. Shaparov¹

M. A. Pitukhina²

¹ Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, 17, Severnoi Dviny Embankment, Arkhangelsk, 163002, Russia

² Ammosov North-Eastern Federal University, 42, Kulakovsky Street, Yakutsk, 677007, Russia

Received 4 April 2024

Accepted 3 October 2024

doi: 10.5922/2079-8555-2025-1-3

© Bukovska, M. V., Shaparov, A. E., Pitukhina, M. A., 2025

The modern understanding of representative democracy includes not only the rule of the majority, but also the protection of the rights of minorities. One such minority is indigenous peoples, including the Sámi population that lives in four European countries, namely in the northern territories of Norway, Sweden, Finland, and Russia. In these countries, the Sámi, as a minority, find it difficult to achieve an adequate level of representation in traditional political structures that are responsible for articulating interests (parties, parliaments), therefore special mechanisms were found that allowed this indigenous people to participate in political decision-making processes more actively. The purpose of the article is to study the evolution and features of the political representation of the Sámi in Norway, Sweden, and Finland. The choice of countries is dictated by the cross-border nature of the Sámi settlement and the practice of diffusion of institutions of political representation. The methodology is based on neo-institutionalism and constructivism theories. It is concluded that after World War II, global transformations of the institutional environment took place in developed countries, and they were expressed in the rejection of the racial paradigm, the establishment of the supremacy of democracy and human rights. In the countries of Northern Europe at the end of the XX – beginning of the XXI centuries, the concept of “Arctic identity” was formed instead of identity through the construct of the “Nordic race”, which was characteristic of the first half of the XX century. At the center of it is the concept of indigeneity. From the beginning of the XX century, the Sámi that were subjected to forced assimilation in all three countries (discriminatory policies of “swedification”, “norwegianization” and “finnization”) and that were forced to fight for their rights with minimal chances of winning over the dominant discourse of racial inferiority, became beneficiaries of the changes, received special status, collective rights, and opportunities for political representation in modern conditions. However, several problems and discriminatory practices against the Sámi remain relevant and require solutions at the level of public policy.

Keywords:

Sami, identity, political representation, parliaments, Norway, Sweden, Finland

References

1. Kymlicka, W. 1996, *Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights*, Oxford, Clarendon Press, 296 p., <https://doi.org/10.1093/0198290918.001.0001>
2. Lijphart, A. 1977, *Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration*, New Haven, Yale University Press, 268 p.

3. Brubaker, R. 2004, *Ethnicity without Groups*, Cambridge, MA and London, England, Harvard University Press, 296 p., <https://doi.org/10.4159/9780674258143>
4. Tishkov, V.A. 2021, *Izbrannye trudy : v 5 t. T. 5 : Etnologiya i politika. Stat'i 1989—2021 godov.* [Selected works: in 5 volumes. T. 5: Ethnology and politics. Articles 1989—2021], Moscow, Nauka, 639 p. (in Russ.).
5. Drobizheva, L.M. 2020, All-Russian National Identity: Searching for Definition and Distribution Dynamics, *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, №8, p. 37—50, <https://doi.org/10.31857/S013216250009460-9>
6. Oskolkov, P.V. 2021, *Ocherki po etnopolitologii* [Essays on ethno-political studies], Moscow, Aspect Press, 175 p. EDN: ROIIEY (in Russ.).
7. Minde, H. 2005, Assimilation of the sami — implementation and consequences, *Acta Borealia*, vol. 20, №3, p. 121—146, <https://doi.org/10.1080/08003830310002877>
8. Valkonen, J., Valkonen, S., Koivurova, T. 2016, Groupism and the politics of indigeneity: A case study on the Sami debate in Finland, *Ethnicities*, vol. 17, №4, p. 526—545, <https://doi.org/10.1177/14687968166654175>
9. Oksanen, A.-A. 2020, The Rise of Indigenous (Pluri-)Nationalism: The Case of the Sámi People, *Sociology*, vol. 54, №6, p. 1141—1158, <https://doi.org/10.1177/0038038520943105>
10. Lantto, P. 2010, Borders, citizenship and change: The case of the Sami people, 1751—2008, *Citizenship Studies*, vol. 14, №5, p. 543—556, <https://doi.org/10.1080/13621025.2010.506709>
11. Nyssönen, J. 2013, Sami Counter-Narratives of Colonial Finland. Articulation, Reception and the Boundaries of the Politically Possible, *Acta Borealia*, vol. 30, №1, p. 101—121, <https://doi.org/10.1080/08003831.2013.776738>
12. Henriksen, J.B. 2008, The Continuous Process of Recognition and Implementation of the Sami People's Right to Self-Determination, *Cambridge Review of International Affairs*, vol. 21, №1, p. 27—40, <https://doi.org/10.1080/09557570701828402>
13. Trosterud, T. 2008, Language Assimilation during the Modernisation Process: Experiences from Norway and North-West Russia, *Acta Borealia*, vol. 25, №2, p. 93—112, <https://doi.org/10.1080/08003830802496653>
14. De Villiers, B. 2021, From Community Autonomy in Hungary to Indigenous Self-Determination in the Outback of Australia: Can Non-Territorial Autonomy Find Traction Down Under?, *Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe*, vol. 20, №2, p. 1—32, <https://doi.org/10.53779/WKLF4478>
15. Nimni, E. 2019, The Twilight of the Two-State Solution in Israel-Palestine: Shared Sovereignty and Nonterritorial Autonomy as the New Dawn, *Nationalities Papers*, vol. 48, №2, p. 1—18, <https://doi.org/10.1017/nps.2019.67>
16. Nieguth, T. 2009, An Austrian solution for Canada? Problems and possibilities of national cultural autonomy, *Canadian Journal of Political Science*, vol. 42, №1, p. 1—16, <https://doi.org/10.1017/S0008423909090015>
17. Wendt, A. 1999, *Social Theory of International Politics*, Cambridge, Cambridge University Press, 429 p., <https://doi.org/10.1017/CBO9780511612183>
18. Onuf, N. 2023, *International Theory at the Margins. Neglected Essays, Recurring Themes (Bristol Studies in International Theory)*, Bristol University Press, 282 p.
19. March, J.G., Olsen, J.P. 1984, The new institutionalism: Organizational factors in political life, *The American Political Science Review*, vol. 78, №3, p. 734—749, <https://doi.org/10.2307/1961840>
20. North, D.C. 1996, Institutional change: a framework of analysis, in: North, D.C. (eds.), *Social Rules*, Routledge, p. 189—201, <https://doi.org/10.4324/9780429497278-13>
21. Gerdner, A. 2021, Ethnic categorisation, identity and perceptions of life among Swedish Samis, *Ethnicities*, vol. 21, №6, p. 1113—1139, <https://doi.org/10.1177/1468796820949284>
22. Belancic, K., Lindgren, E. 2020, Discourses of Functional Bilingualism in the Sami Curriculum in Sweden, *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*, vol. 23, №5, p. 601—616, <https://doi.org/10.1080/13670050.2017.1396283>
23. Jaakkola, J.K., Juntunen, S., Näkkäläjärvi, K. 2018, The Holistic Effects of Climate Change on the Culture, Well-Being, and Health of the Saami, the Only Indigenous People in the European Union, *Current Environmental Health Reports*, vol. 5, №6, p. 401—417, <https://doi.org/10.1007/s40572-018-0211-2>

24. Sarivaara, E., Keskitalo, P. 2016, Mediating Structures in Sámi Language Revitalisation, *Social Inclusion*, vol. 4, № 1, p. 11–18, <https://doi.org/10.17645/si.v4i1.359>
25. Spitzer, A. J., Selle, P. 2020, Is Nonterritorial Autonomy Wrong for Indigenous Rights? Examining the ‘Territorialisation’ of Sami Power in Norway, *International Journal on Minority and Group Rights*, vol. 28, № 3, p. 1–24, <https://doi.org/10.1163/15718115-bja10009>
26. Lundström, C., Teitelbaum, B. R. 2017, Nordic Whiteness: An Introduction, *Scandinavian Studies*, vol. 89, № 2, p. 151–158, <https://doi.org/10.5406/scanstud.89.2.0151>
27. Josefsen, E. 2022, ‘Sámi Political Shifts. From Assimilation via Invisibility to Indigenization?’, in: McNeish, J. A., Postero, N., Ruckstuhl, K., Nimatuj, I. V. (eds.), *The Routledge Handbook of Indigenous Development*, Routledge, p. 1–15, <https://doi.org/10.4324/9781003153085>
28. Olsén, L. 2018, ‘Sámi People at Different Levels of Decision-Making Processes in the Global Arctic’, in: Finger, M., Heininen, L. (eds.), *The Global Arctic Handbook*, Springer International Publishing, p. 289–306, https://doi.org/10.1007/978-3-319-91995-9_17
29. Ravna, Ø. 2017, A Cold Rain on the Parade When the Sámi Celebrate 100th Anniversary, *Arctic Review on Law and Politics*, vol. 8, <https://doi.org/10.23865/arctic.v8.684>
30. Buhre, F., Bjork, C. 2021, Braiding Time: Sami Temporalities for Indigenous Justice, *Rhetoric Society Quarterly*, vol. 51, № 3, p. 227–236, <https://doi.org/10.1080/02773945.2021.1918515>
31. Josefsen, E. 2010, *The Saami and the national parliaments: Channels for political influence*, Mexico, IPU and UNDP, 27 p.
32. Josefsen, E., Mörkenstam, U., Saglie, J. 2017, Sametingene — institusjoner for selvbestemmelse, in: Josefsen, E., Mörkenstam, U., Nilsson, R., Saglie, J. (eds.), *Ett folk, ulike valg: Sametingsvalg i Norge og Sverige*, Oslo, Gyldendal Norsk Forlag, s. 24–55.
33. Andresen, A., Evjen, B., Ryymin, T. 2021, Samenes historie fra 1751 til 2020, *Tidsskrift for kjønnsforskning*, vol. 45, № 4, s. 232–235, <https://doi.org/10.18261/issn.1891-1781-2021-04-06>
34. Yasar, R., Bergmann, F., Lloyd-Smith, A., Schmid, S.-P., Holzinger, K., Kupisch, T. 2023, Experience of discrimination in egalitarian societies: the Sámi and majority populations in Sweden and Norway, *Ethnic and Racial Studies*, p. 1203–1230, <https://doi.org/10.1080/01419870.2023.243313>
35. Mörkenstam, U., Josefsen, E., Nilsson, R. 2016, The Nordic Sámediggi and the Limits of Indigenous Self-Determination, *Gáldu čála*, № 1, p. 4–46.
36. Hwang, K. 2023, The relevance of neo-institutionalism for organizational change, *Cogent Social Sciences*, vol. 9, № 2, <https://doi.org/10.1080/23311886.2023.2284239>
37. Traversa, F. 2021, Power and institutional change: From path dependence to theories of gradual change, *Revista de Economía Institucional*, vol. 23, № 45, p. 83–108, <https://doi.org/10.18601/01245996.v23n45>
38. Sjölin, R. 1996, *Samer och samefrågor i svensk politik. En studie i ickemakt*, Umeå, Umeå University, s. 202.
39. Berg-Nordlie, M. 2015, Representativitet i Sápmi. Fire stater, fire tilnærminger til inklusjon av urfolk, in: Bjerkli, B., Selle, P. (eds.), *Samepolitikkenes utvikling*, Oslo, Gyldendal Norsk Forlag, s. 388–418.
40. Lawrence, R., Mörkenstam, U. 2016, Indigenous self-determination through a government agency? The impossible task of the Swedish Sámediggi, *International Journal on Minority and Group Rights*, vol. 23, № 1, p. 105–127, <https://doi.org/10.1163/15718115-02301004>
41. Bergh, J., Dahlberg, S., Mörkenstam, U., Saglie, J. 2018, Participation in Indigenous Democracy: Voter Turnout in Sámi Parliamentary Elections in Norway and Sweden, *Scandinavian Political Studies*, vol. 41, № 4, p. 263–287, <http://dx.doi.org/10.1111/1467-9477.12129>

The authors

Margarita Bukovska, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Russia.

E-mail: likova.m@edu.narfu.ru

<https://orcid.org/0009-0003-9143-2975>

Prof Alexander E. Shaparov, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Russia.

E-mail: a.shaparov@narfu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0915-4730>

Prof Maria A. Pitukhina, Ammosov North-Eastern Federal University, Russia.

E-mail: pitukhina@petsu.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7012-2079>

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution – Noncommercial – No Derivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CC BY-NC-ND 4.0)

ВЫХОДЦЫ ИЗ СТРАН АФРИКИ В ДАНИИ: ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ РАССЕЛЕНИЯ В 2010-х — НАЧАЛЕ 2020-х ГОДОВ

М. М. Агафошин

С. А. Горохов

Р. В. Дмитриев

Институт Африки РАН,
123001, Россия, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1

Поступила в редакцию 30.04.2024 г.
Принята к публикации 21.10.2024 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2025-1-4
© Агафошин М. М., Горохов С. А.,
Дмитриев Р. В., 2025

Дания является одной из наиболее привлекательных стран Европы для переселенцев из-за высоких показателей социально-экономического и политического развития датского общества. Увеличение миграционной нагрузки приводит к ужесточению миграционного законодательства страны, направленного в первую очередь на ограничение потока переселенцев из западных стран, а также на предотвращение их сегрегации и содействие успешной интеграции в принимающее общество. Цель исследования состоит в установлении особенностей размещения иммигрантов и их потомков в Дании на примере переселенцев из африканских государств (Сомали, Марокко, Египта, Ганы, Демократической Республики Конго и Эритреи) в период 2010—2023 гг. Авторами проведен анализ датского законодательства в области миграции. Материалами исследования послужили данные Статистического управления Дании о структуре и направленности миграции в страну, а также материалы о размещении коренного населения и лиц иностранного происхождения по административно-территориальным единицам второго уровня (коммунам). Методика исследования базируется на индексе Херфиндала — Хиршмана, позволяющем оценить степень территориальной концентрации лиц африканского происхождения, а также индексе Рябцева, демонстрирующем уровень близости структур расселения мигрантов из Африки и их потомков с коренным населением Дании. Полученные данные свидетельствуют о снижении территориальной концентрации африканского населения страны, а также сближении структуры их расселения с таковой у лиц датского происхождения. Интенсивность этих процессов значительно различается в зависимости от статуса переселенцев, длительности их пребывания в Дании, общей численности конкретной африканской диаспоры. Несмотря на децентрацию африканского населения и сближение структуры его расселения с датчанами, значения индекса Рябцева остаются высокими — особенно для выходцев из Сомали и Марокко, в отношении которых сохраняется проблема территориальной эксклюзии и сегрегации в «уязвимых жилых районах».

Ключевые слова:

Дания, иммигранты и их потомки, африканцы, беженцы, расселение, уязвимые жилые районы

Для цитирования: Агафошин М. М., Горохов С. А., Дмитриев Р. В. Выходцы из стран Африки в Дании: территориально-организационные аспекты расселения в 2010-х — начале 2020-х годов // Балтийский регион. 2025. Т. 17, № 1. С. 65–81. doi: 10.5922/2079-8555-2025-1-4

Введение

В последние десятилетия в Европе наблюдается стремительный рост численности иммигрантов. Они размещаются в принимающих странах неравномерно, сосредотачиваясь преимущественно в крупнейших городских агломерациях. При этом для территорий с повышенной концентрацией мигрантов все более актуальным становится формирование сегрегированных районов [1—6], которые зачастую характеризуются низким социально-экономическим статусом, высоким уровнем криминальной активности и проблемами обеспечения безопасного функционирования государственных служб.

Процесс анклавизации мигрантского населения в пригородах крупнейших городов ЕС интенсифицировался после Европейского миграционного кризиса, следствием которого стал рост численности лиц, ищущих международной защиты, и нелегальных переселенцев из развивающихся стран. В последние годы особенно возрос поток мигрантов в ЕС из Африки — региона, характеризующегося высоким демографическим потенциалом в сочетании с острыми экономическими проблемами и политической нестабильностью. В результате перед руководством государств ЕС встала задача более равномерного размещения и интеграции лиц, для которых общественные нормы и культура принимаемого общества оказались чуждыми [7—9].

Дания — одна из стран ЕС, которая относится к числу наиболее привлекательных для иммигрантов, что обусловлено высокими показателями социально-экономического и политического развития датского общества: так, за период 2010—2023 гг. численность мигрантов выросла здесь с 428,9 до 724,7 тыс. чел.¹ (12,1 % населения страны). Однако, несмотря на увеличение численности мигрантов, Дания оказалась затронута Европейским миграционным кризисом в значительно меньшей степени по сравнению с ее соседями, о чем свидетельствуют показатели числа поданных ходатайств о предоставлении статуса беженца. В разгар миграционного кризиса (2015 и 2016 гг.), когда общее число таких заявлений в странах ЕС составило 1228 тыс. и 1221 тыс. соответственно, власти Дании получили лишь 20,9 и 6,2 тыс. заявлений (1,6 и 0,5 % от общего по ЕС)². Низкие на общеевропейском фоне показатели приема беженцев Данией во многом связаны с тем, что на протяжении последних десятилетий миграционная и интеграционная политика страны была одной из самых жестких в Европе по отношению к потенциальным искателям убежища.

Многие черты миграционной политики Дании — особенно в области предоставления убежища и контроля за внешними границами — нашли свое место в Пакте о миграции и убежище ЕС (вступил в силу в июне 2024 г.³), а также вошли в практику других европейских стран [10—12]. В этой связи в рамках настоящего исследования авторы сосредотачивают свое внимание на предпринимаемых властями

¹ FOLK1C: Folketal den 1. i kvartalet efter område, køn, alder (5-års intervaller), herkomst og oprindelsesland, *Danmarks Statistik*, URL: <https://www.statbank.dk/FOLK1C> (дата обращения: 25.03.2024).

² Asylum applicants by type, citizenship, age and sex — annual aggregated data, *Eurostat*, URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/bookmark/633be081-5709-475f-80f4-3210837e981c?lang=en> (дата обращения: 25.03.2024).

³ What is the New Pact on Migration and Asylum of the EU? *European Commission*. URL: https://home-affairs.ec.europa.eu/policies/migration-and-asylum/new-pact-migration-and-asylum_en (дата обращения: 25.03.2024).

Дании мерах по предотвращению сегрегации мигрантов из незападных стран¹ и их потомков², а также успешной интеграции переселенцев в принимающее общество (в рамках в том числе программ управляемого расселения беженцев и ликвидации мигрантских гетто в крупных городских агломерациях) [13—15].

Цель исследования состоит в установлении особенностей размещения иммигрантов и их потомков в Дании в период 2010—2023 гг. на примере переселенцев из африканских государств. В рамках достижения поставленной цели в работе решаются задачи по: 1) выявлению изменений в миграционной политике датских властей, обусловленных стремлением последних к сокращению миграционной нагрузки и более равномерному расселению лиц иностранного происхождения по территории страны; 2) определению тенденций в расселении иммигрантов из стран Африки и их потомков — в том числе по отношению к датскому населению.

Материалы и методы исследования

Авторы опираются на широкий пласт научных и аналитических работ, посвященных особенностям миграционной политики Дании. Прежде всего это работы, посвященные анализу формирования и эволюции миграционного законодательства Дании, направленного на ограничение притока мигрантов и их успешную интеграцию [16—18]. Во-вторых, это исследования, ориентированные на определение особенностей пространственного расселения беженцев в стране [19—21], а также выявляющие характерные трудности и проблемы реализации датской политики обязательного расселения беженцев, в том числе обусловленные их слабой приживаемостью в сельской местности [22; 23] и распространением процессов социально-пространственной и этнической сегрегации на малые и средние города [24; 25]. Наконец, особенности датского подхода к решению кризисных ситуаций в области миграции рассматриваются в значительном числе работ в контексте применения датского опыта по управлению миграционными потоками в странах Скандинавии [26—30].

Информационной базой исследования послужили официальные данные Статистического управления Дании, содержащие сведения о структуре и направленности миграции в Данию, размещении коренного населения и лиц иностранного происхождения на территории страны по административно-территориальным единицам разного уровня¹.

Для определения трансформации структуры расселения иммигрантов из африканских стран⁴ и их потомков в Дании (на уровне административно-территориальных единиц второго порядка — коммун) нами использован индекс

¹ Статистическое управление Дании выделяет две категории стран: западные и незападные. В состав западных включены все государства ЕС, Андорра, Ватикан, Великобритания, Исландия, Лихтенштейн, Монако, Норвегия, Сан-Марино, Швейцария, Канада, США, Австралия и Новая Зеландия. К незападным относятся все остальные (Indhold, *Danmarks Statistik*. URL: <https://www.dst.dk/da/Statistik/dokumentation/statistikdokumentation/befolkningen/indhold> (дата обращения: 10.04.2024)).

² Согласно определению Статистического управления Дании к иностранному населению относится категория «иммигрантов и их потоков». Иммигрантом считается лицо, родившееся за границей, оба родителя которого рождены за пределами Дании и не имеют датского гражданства. Потомок — лицо, родившееся в Дании, ни один из родителей которого одновременно не является гражданином Дании и не родился в стране (Ibid.).

³ Borgere, *Danmarks Statistik*. URL: <https://www.statbank.dk/20021> (дата обращения: 20.03.2024).

⁴ На примере шести наиболее крупных по численности групп африканского происхождения, представленных выходцами из Сомали, Марокко, Египта, Ганы, Демократической Республики Конго (ДРК) и Эритреи.

Херфиндаля — Хиршмана, позволяющий оценить степень концентрации лиц иностранного происхождения и ее изменения в период 2010—2023 гг. Этот индекс принимает значения в интервале от $10000/N$ до 10000, при уменьшении значений наблюдается снижение территориальной концентрации рассматриваемой группы населения, и наоборот:

$$HHI = \sum_{i=1}^N S_i^2,$$

где S_i — доля i -й коммуны в общей численности иммигрантов и их потомков на территории страны, %;

N — количество коммун, где доля иммигрантов и потомков больше 0.

Для выявления изменений, произошедших за 2010—2023 гг. в структуре расселения переселенцев из африканских стран в результате событий Европейского миграционного кризиса и проводимой политики властей Дании, нами используется индекс структурных сдвигов Рябцева (I_r):

$$I_r = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n (k_a - k_o)^2}{\sum_{i=1}^n (k_a + k_o)^2}},$$

где n — количество коммун;

k_a — доля каждой из n коммун в численности иммигрантов из стран Африки и их потомков;

k_o — доля каждой из n коммун в численности лиц датского происхождения.

Индекс структурных сдвигов принимает значения в интервале [0; 1] и имеет шкалу значений [31], позволяющую на уровне коммун Дании качественно интерпретировать связанные между собой изменения в расселении, с одной стороны, иммигрантов из Африки и их потомков и, с другой, лиц датского происхождения.

Эволюция миграционной политики Дании

В первые десятилетия после Второй мировой войны миграционная политика Дании характеризовалась благосклонным отношением к приему как трудовых мигрантов, так и беженцев. Дания была первым государством, ратифицировавшим Конвенцию о статусе беженцев 1951 г. В 1956 г. был создан Датский совет по делам беженцев, что было частично связано с увеличением числа беженцев из Венгрии в результате Венгерского восстания, а в 1983 г. в стране был принят Закон об иностранцах — один из наиболее либеральных в Европе [32; 33]. В результате мигранты, попадая в страну, могли рассчитывать не только на убежище, но и приобретали законное право на воссоединение семей, финансовую и жилищную поддержку со стороны государства, языковую подготовку, а также на трудоустройство [17; 34]. Прибывающие искатели убежища имели возможность самостоятельно выбирать место своего размещения, что приводило к их концентрации в крупных городах с лучшими возможностями трудоустройства. Принятие Закона об иностранцах, произошедшее в период событий Ирано-иракской войны, а затем Гражданской войны в Сомали привело к резкому увеличению числа искателей убежища: так, если до его принятия в 1982 г. было подано чуть менее 300 соответствующих заявлений, то уже

к 1986 г. их число возросло до 9,3 тыс.¹. Датский совет по делам беженцев был не в состоянии предоставить всем желающим жилье в столичном регионе или в одном из других крупных городов. С целью снижения риска маргинализации в городских этнических гетто страны в 1986 г. было принято решение по распределению беженцев по административно-территориальным единицам с учетом численности их населения, наличия доступного жилого фонда, свободных рабочих мест и др. [20; 21]. Тем не менее эта инициатива не предусматривала применения в отношении беженцев санкций в случае их вторичных переселений по территории страны.

Новый этап развития миграционной политики страны, характеризующийся ее ужесточением, начался с принятия Закона об интеграции² в 1998 г. и создания Министерства по делам беженцев, иммигрантов и интеграции в 2001 г. Законом об интеграции³ вводились финансовые санкции в отношении мигрантов в случае отказа последних от участия в программе интеграции, ответственность за интеграцию перекладывалась на коммуны страны, также ограничивалась возможность переселения беженцев во время действия программы интеграции [35].

В дальнейшем ограничительные тенденции усилились: так, в 2002 г. была инициирована программа Start-help, которая заменила социальную помощь беженцам новой схемой льгот, призванной способствовать их вхождению на рынок труда. Эта программа на 40 % сокращала выплаты социальной помощи вновь прибывающим беженцам; увеличивала срок, необходимый для получения вида на жительство в стране, с 3 до 7 лет, а также вводила требование о необходимости сдачи экзамена на знание датского языка на базовом уровне⁴ [36].

События Европейского миграционного кризиса вновь привели к росту числа искателей убежища, ответом на который стали новые шаги властей Дании по ужесточению миграционной политики. Так, поправки в Закон об иностранцах дали полномочия полиции конфисковывать ценности и деньги искателей убежища с целью покрытия расходов на их содержание в центрах временного размещения. Помимо этого поправки расширили практику предоставления статуса временной защиты⁵, увеличили срок, в течение которого беженец не может подать заявление о воссоединении семьи, с 1 до 3 лет. Законопроект также предполагал увеличение до 6 лет срока, необходимого для получения бессрочного вида на жительство, и снижение на 10 % выплачиваемых денежных пособий⁶. Дания, как заявляла премьер-министр М. Фредериксен⁷, стремится прийти к политике «нуля искателей убежища»⁸: так,

¹ Asylum Applications in Industrialized Countries: 1980—1999 (Nov 2001), *UNHCR*, URL: <https://www.unhcr.org/media/asylum-applications-industrialized-countries-1980-1999-nov-2001> (дата обращения: 02.04.2024).

² Lov om integration af udlændinge i Danmark (integrationslov), 1998, *Retsinformation*, URL: <https://www.retsinformation.dk/eli/lta/1998/474> (дата обращения: 02.04.2024).

³ Этот закон не распространяется на граждан стран — членов Северного совета (Исландии, Норвегии, Швеции, Финляндии) и Европейского союза.

⁴ LBK nr 608 af 17/07/2002, *Retsinformation*, URL: <https://www.retsinformation.dk/eli/lta/2002/608> (дата обращения: 02.04.2024).

⁵ Предоставляется на 1 год с возможностью продления на двухлетний период, если проситель убежища по-прежнему нуждается в защите.

⁶ LOV nr 102 af 03/02/2016, *Retsinformation*, URL: <https://www.retsinformation.dk/eli/lta/2016/102> (дата обращения: 02.04.2024).

⁷ Danish prime minister wants country to accept 'zero' asylum seekers, *The local*, URL: <https://www.thelocal.dk/20210122/danish-prime-minister-wants-country-to-accept-zero-asylum-seekers> (дата обращения: 01.04.2024).

⁸ Однако стремление датского правительства ограничить прием искателей убежища не распространяется на вынужденных переселенцев из Украины: Gill, J. 2023, Denmark's 'zero asylum' policy reversed for Ukraine, *Context*, URL: <https://www.context.news/socioeconomic-inclusion/denmarks-zero-asylum-policy-reversed-for-ukraine> (дата обращения: 01.04.2024).

в 2022 г. было объявлено о сокращении квоты ООН по приему беженцев с 500 до 200 чел. В 2019 г. были приняты поправки к Закону об иностранцах, Закону об интеграции и Закону о репатриации, которые сместили акцент с интеграции на репатриацию¹.

Датское правительство продолжает проводить политику расселения мигрантов по территории страны, которое осуществляется через систему муниципальных квот: каждый год властями устанавливается то количество беженцев, которое должно быть распределено между коммунами, исходя из численности их населения и способности муниципалитетов обеспечивать интеграцию мигрантов². Эти меры направлены на предотвращение процесса анклавизации мигрантского населения и формирования этнических гетто [15], которые с 2021 г. стали официально именоваться в стране «уязвимыми жилыми районами»³.

Проблему последних датские власти решают в рамках реализации программы «Дания без параллельных обществ — без гетто в 2030 году»⁴, которая накладывает запрет на размещение в «уязвимых жилых районах» мигрантов и их потомков из незападных стран — вплоть до лишения их социальных пособий и возможности пользоваться программой воссоединения семей. В некоторых случаях предусмотрены и более радикальные меры для противодействия социальной эксклюзии в жилых районах городских агломераций Дании, которые предполагают сокращение объема социального жилья, где преимущественно проживают переселенцы, до 40 % от общего жилого фонда, осуществляемое за счет его реструктуризации в жилье для молодежи, дома престарелых, а также сноса зданий и благоустройства территории. В свою очередь, жители, проживающие в жилом фонде, на который распространяется «реновация», будут вынуждены искать себе новое жилье либо в данной коммуне, либо за ее пределами⁵.

Изменения в расселения африканского и местного населения Дании в 2010—2023 годах

Миграция африканцев в Данию до 1990-х гг. характеризовалась достаточно слабой интенсивностью — число иммигрантов из стран региона и их потомков составляло чуть менее 11 тыс. чел. Миграционный поток был представлен преимущественно трудовыми мигрантами и их семьями, а также студентами из стран Северной и Восточной Африки.

Интенсификация миграции африканцев произошла с начала 1990-х гг. — в первую очередь речь идет о мигрантах и членах их семей из охваченной гражданской войной Сомали. Так, в 2000 г. численность иммигрантов из Африки и их потомков выросла до 35,9 тыс. чел., более 40 % которых составляли сомалийцы (табл. 1). В дальнейшем, после введения программы Start-hjelp в 2002 г. поток беженцев из Сомали и в меньшей степени из Марокко, Демократической Республики Конго и Ганы почти полностью прекратился. До наступления Европейского миграционного

¹ LOV nr 174 af 27/02/2019, *Retsinformation*, URL: <https://www.retsinformation.dk/eli/lta/2019/174> (дата обращения: 02.04.2024).

² Visiteringskvoter, *Udlændingestyrelsen*, URL: <https://us.dk/tal-og-statistik/visiteringskvoter> (дата обращения: 03.04.2024).

³ 2021/1 LSV 23, *Retsinformation*, URL: <https://www.retsinformation.dk/eli/ft/202113L00023> (дата обращения: 02.04.2024).

⁴ Ét Danmark uden parallelsamfund, *Regeringen*, URL: <https://www.regeringen.dk/aktuelt/tidligere-publikationer/%c3%a9t-danmark-uden-parallelsamfund/> (дата обращения: 02.04.2024).

⁵ Hvad betyder det at være et omdannelsesområde? *Danmarks Almene Boliger*, URL: <https://bl.dk/politik-og-analyser/temaer/parallelsamfund/hvad-betyder-det-at-vaere-et-omdannelsesomraade/> (дата обращения: 02.04.2024).

кризиса рост численности африканского населения в Дании был связан с возросшей трудовой и образовательной миграцией и переселением по линии воссоединения семей, а также с высокими показателями рождаемости среди мигрантов.

Таблица 1

Численность мигрантов из стран Африки и их потомков в Дании, 1980—2023 гг.

Страна происхождения	1980	1990	2000	2010	2020	2023
Сомали	133	531	14856	16831	21072	21416
Марокко	2104	4267	7813	9831	11659	12243
Эритрея	0	0	122	343	7025	8222
Гана	158	394	1031	1908	2936	3521
Демократическая Республика Конго	15	43	172	729	2580	3267
Египет	852	1154	1641	2014	2595	2841
<i>Всего</i>	5617	10835	35895	49743	70212	77155

Составлено по данным: FOLK2: Folketal 1. januar efter køn, alder, herkomst, oprindelsesland og statsborgerskab, *Danmarks Statistik*, URL: <https://www.statbank.dk/FOLK2> (дата обращения: 10.04.2024).

Сложившаяся к 2010 г. структура расселения мигрантов из стран Африки и их потомков характеризовалась существенной неоднородностью. Большая доля трудовых мигрантов и студентов, а также то, что значительная часть беженцев обосновалась в стране до 1998 г., когда произошло ужесточение датской миграционной политики, обусловили высокий уровень их пространственной концентрации (табл. 2). Так, в 2010 г. в пределах четырех крупнейших коммун — Копенгагена, Орхуса, Оденсе и Ольборга — были сосредоточены 53,8% африканцев, в то время как в них проживали лишь 20,7% коренного населения. При этом наблюдались значительные различия степени территориальной концентрации мигрантов в зависимости от времени их переселения в Данию, общей численности диаспоры, а также причин миграции.

Таблица 2

Показатели территориальной концентрации мигрантов из стран Африки и их потомков, а также лиц датского происхождения по территории коммун, 2010—2023 гг.

Значение индекса Херфиндаля — Хиршмана по совокупности групп населения	2010	2013	2016	2019	2022	2023
Марокко	2693,9	2530,8	2365,7	2221,8	2082,4	2011,5
Сомали	1429,9	1401,9	1253,4	1347,3	1377,5	1392,7
Египет	1557,9	1595,7	1553,5	1512,9	1429,2	1298,1
Гана	1151,6	1208,2	1099,0	948,9	823,8	780,6
Демократическая Республика Конго	356,0	300,4	266,0	314,0	313,1	303,6
Эритрея	1533,3	1039,5	208,2	207,7	203,9	199,3
Вся Африка	1306,8	1242,6	1007,7	946,4	895,5	862,8
Датчане	207,5	215,9	222,5	229,1	232,4	233,4

Рассчитано и составлено по данным: FOLK1C: Folketal den 1. i kvartalet efter område, køn, alder (5-års intervaller), herkomst og oprindelsesland, *Danmarks Statistik*, URL: <https://www.statbank.dk/FOLK1C> (дата обращения: 10.04.2024).

В целом для марокканцев, сомалийцев и египтян, являвшихся крупнейшими и дольше всего проживавшими в стране группами африканского происхождения, были характерны наиболее высокие показатели территориальной концентрации. Миграционные потоки трудовой и образовательной миграции из Марокко и Египта обусловили высокую концентрацию переселенцев из этих стран в наиболее экономически развитых и густонаселенных районах Дании. Так, около 82 % всех марокканцев страны проживали в коммунах Столичного региона (Ховедстаден), при этом 50,6 % концентрировались в границах коммуны Копенгаген. На долю коммун Орхуса, Оденсе и Ольборга приходилось еще 7,2 % марокканцев. Для египтян эти значения были незначительно ниже: в Столичном регионе проживал 71 % египетской общины, в коммуне Копенгаген — 37,5 %. В свою очередь, размещение сомалийцев, представленных в большей степени беженцами и членами их семей, характеризовалось более низким уровнем концентрации в четырех крупнейших коммунах страны — 65,8 %. Однако, в отличие от марокканцев и египтян, в расселении выходцев из Сомали роль столичной коммуны не была столь гипертрофирована — 26,7 %; на долю коммуны Орхус приходилось 22,9 % всех сомалийцев, Оденсе — 10,5 %, Ольборг — 5,7 %.

Результатом проводимой властями Дании политики в отношении мигрантов и их потомков стала общая децентрация населения африканского происхождения по территории страны, произошедшая несмотря на увеличение его численности. В целом для африканского населения значение индекса Херфиндаля — Хиршмана уменьшилось за период 2010—2023 гг. с 1306,8 до 862,8 (табл. 2). Произошло это в первую очередь за счет снижения их концентрации в крупнейших коммунах: так, доля Копенгагена в структуре расселения африканцев сократилась с 32,5 до 25,3 %, Орхуса — с 12,7 до 11,3 %, Оденсе — с 5,5 до 5,1 %; при этом выросла доля Ольборга — с 3,2 до 3,9 %.

Наиболее значительное снижение показателя концентрации — с 1533,3 до 199,3 — характерно для эритрейцев. Таким образом, по состоянию на 2023 г. расселение выходцев из Эритреи в Дании характеризуется меньшим уровнем концентрации, чем у коренного населения страны. При этом численность эритрейцев росла наиболее высокими темпами — в первую очередь за счет потока искателей убежища¹, размещение которых по территории страны носило управляемый характер. В значительной степени процесс децентрации был обеспечен уменьшением доли эритрейцев в коммуне Копенгаген и двух ее соседей — Херлев и Гладсаксе, где совокупно она сократилась с 51,1 до 4,4 %!

Численность выходцев из Демократической Республики Конго в Дании в рассматриваемый период увеличилась почти в 4,5 раза в связи с увеличением потока вынужденных переселенцев. Изменения в расселении конголезцев характеризуются не столь значительным снижением их территориальной концентрации вследствие того, что большое число искателей убежища первоначально проживало в центрах временного размещения, расположенных в малых коммунах страны. Дальнейшая их децентрация связана не с уменьшением доли крупнейших коммун, а, наоборот, с перераспределением из малых. Так, доля конголезцев существенно сократилась в коммунах Вестиммерланд (с 9,2 до 2,1 %), Тённер (с 5,2 до 0,6 %), Скиве (с 3,8 до 1,6 %) и др.

В свою очередь, несмотря на снижение уровня территориальной концентрации марокканцев, египтян и сомалийцев в результате как управляемого властями расселения прибывающих искателей убежища из этих стран, так и их самоорганизованных переселений, его значения остаются крайне высокими. Постепенная

¹ Больше число ходатайств было подано лишь гражданами Сирии.

деконцентрация марокканцев и сомалийцев сопряжена с уменьшением доли в их размещении коммун Столичного региона (в первую очередь Копенгагена), а также коммун Фредериксберг, Альбертслунд, Исхой (все — Ховедстаден), Рингстед (Зеландия). В размещении египтян наиболее сильно сократилась доля коммун Фредериксберг, Гентофте (обе — Ховедстаден), а также Роскилле и Хольбек (обе — Зеландия).

Изменения в размещении африканцев по территории Дании характеризуются не только снижением их пространственной концентрации, но и сближением структур расселения «пришлого» и коренного населения (табл. 3). Так, за 2010—2023 гг. соответствующий уровень различий (для всего африканского населения) уменьшился с весьма значительного до значительного [31]. Однако для иммигрантов из стран Африки и их потомков структурные различия остаются более высокими в сравнении с таковыми для всего иностранного населения Дании: значение индекса для последнего в 2023 г. составило 0,295, что характеризует уровень различий как существенный.

Таблица 3

**Степень различия между структурами расселения датчан
и мигрантов из стран Африки и их потомков по коммуна́м Дании, 2010—2023 гг.**

Год	Значения индекса Рябцева, рассчитанные по совокупностям мигрантов и их потомков и датчан, расселенных по коммуна́м страны						
	Гана	Демократическая Республика Конго	Египет	Марокко	Сомали	Эритрея	Вся Африка
2010	0,549	0,488	0,597	0,699	0,543	0,605	0,535
2011	0,542	0,499	0,597	0,693	0,543	0,573	0,531
2012	0,554	0,496	0,592	0,684	0,539	0,544	0,522
2013	0,543	0,444	0,587	0,678	0,528	0,509	0,510
2014	0,549	0,414	0,575	0,672	0,512	0,422	0,499
2015	0,541	0,394	0,580	0,664	0,501	0,299	0,469
2016	0,521	0,385	0,575	0,659	0,495	0,325	0,453
2017	0,499	0,365	0,572	0,653	0,496	0,340	0,440
2018	0,498	0,344	0,568	0,646	0,499	0,336	0,435
2019	0,488	0,345	0,559	0,640	0,502	0,342	0,427
2020	0,480	0,324	0,552	0,634	0,502	0,343	0,422
2021	0,477	0,320	0,551	0,630	0,503	0,332	0,418
2022	0,467	0,317	0,545	0,627	0,503	0,329	0,411
2023	0,459	0,302	0,525	0,621	0,504	0,318	0,402

Рассчитано и составлено по данным: FOLK1C: Folketal den 1. i kvartalet efter område, køn, alder (5-års intervaller), herkomst og oprindelsesland, *Danmarks Statistik*, URL: <https://www.statbank.dk/FOLK1C> (дата обращения: 10.04.2024).

Сближение структур расселения выходцев из африканских стран и коренного населения Дании происходит в результате как деятельности Министерства иммиграции и интеграции, направленной на более равномерное расселение беженцев и членов их семей, так и самоорганизованной смены места жительства переселенцами. Тем не менее интенсивность этого процесса была различна: так, наибольшее сближение структур расселения с датчанами было характерно для выходцев из Эритреи и Демократической Республики Конго, прирост численности которых за счет потока вынужденных мигрантов был наиболее высоким. В свою очередь, характерной чертой сближения расселения по территории страны выходцев из Эритреи и Сомали с датчанами стало то, что своего максимума оно достигло в раз-

гар Европейского миграционного кризиса в 2015—2016 гг., когда мощность потока из этих стран была максимальной. В дальнейшем значения показателя структурных различий увеличились, что связано с усилением процессов самоорганизации в размещении мигрантов по территории Дании. Для выходцев из других стран (Марокко, Египет, Гана) снижение показателей носило более устойчивый и равномерный характер.

Тем не менее, несмотря на снижение территориальной концентрации и сближение структур размещения мигрантов из африканских стран и их потомков с датчанами, эти показатели остаются все еще значительными, что свидетельствует о высоком уровне сегрегации африканцев в Дании, особенно характерной для марокканцев и сомалийцев. Концентрация в уязвимых жилых районах городских агломераций страны — один из факторов, препятствующих успешной интеграции марокканцев и сомалийцев в датское общество, — приводит к негативным последствиям для этих групп. Для них характерен высокий уровень криминализации [37], и эта проблема наиболее остра именно для представителей второго поколения диаспор. Согласно рейтингу преступности, используемому Статистическим управлением Дании¹, в 2022 г. мигранты из Сомали занимали в нем 2-е место, а марокканские мигранты расположились на 8-м месте, для уже рожденных в Дании сомалийцев и марокканцев показатели индекса были еще выше, а в рейтинге наиболее криминализованных групп населения они занимают 3-е и 4-е места. Выходцы из этих двух стран, помимо прочего, характеризуются одним из наиболее низких уровней занятости трудоспособного населения — в том числе для рожденных в Дании мужчин в возрасте 20—40 лет². Низкие значения показателей социально-экономического развития районов с высокой долей мигрантов из Сомали и Марокко и их потомков стали причиной отнесения властями большинства из них к группе «уязвимых жилых районов».

Заключение

Происходящее на протяжении десятилетий увеличение численности мигрантов из западных стран приводит к кардинальным изменениям миграционной политики Дании. В числе причин смены миграционной модели, считавшейся в 1980-е гг. одной из наиболее либеральных в Европе, стал резкий рост просителей убежища из охваченного конфликтами Сомали в начале 1990-х гг. Ужесточение миграционного законодательства Дании происходило за счет снижения размеров социальных пособий, усиления контроля за программами по интеграции и реадмиссии, а также усложнения процедуры получения вида на жительство. Важным шагом, направленным на более равномерное расселение беженцев по территории страны, стало введение квот на прием беженцев между коммунами и внедрение экономических санкций по отношению к мигрантам в случае их самостоятельного переезда. Таким образом, миграционная политика страны прошла путь от одной из наиболее либеральных в Европе до самой рестриктивной, целью которой стало стремление к отказу от приема искателей убежища.

На примере наиболее крупных по численности групп беженцев из стран Африки и их потомков выявлены особенности расселения мигрантов в Дании. В рамках рассматриваемого периода 2010—2023 гг. имело место снижение территориальной концентрации по коммунам страны как всей совокупности африканцев в Дании, так и каждой отдельно рассматриваемой этнической группы. Различия в расселе-

¹ Indvandre i Danmark 2023, *Danmarks Statistik*, P. 119, URL: <https://www.dst.dk/pubfile/47883/Indv%202023> (дата обращения: 10.04.2024).

² Ibid. P. 47.

нии между выходцами из стран Африки связаны с разным статусом переселенцев в стране, длительностью их пребывания в Дании, общей численностью конкретной африканской диаспоры и другими факторами. Наиболее равномерно расселены по территории Дании выходцы из Эритреи и Демократической Республики Конго вследствие управляемого властями расселения беженцев из этих стран, рост численности которых пришелся на период ужесточения в стране миграционного законодательства. В свою очередь, для населения марокканского, сомалийского и египетского происхождения, более многочисленного и появившегося в Дании раньше других африканских диаспор, показатели концентрации, несмотря на снижение, остаются крайне высокими.

В период 2010—2023 гг. имело место сближение структур расселения лиц датского происхождения и всей совокупности выходцев из Африки по коммунальным структурам; максимально близка к структуре расселения датчан таковая у эритрейцев и конголезцев, наиболее отличается от нее — у сомалийцев, марокканцев и египтян.

Таким образом, в результате эволюции датской миграционной политики произошли изменения в размещении африканского населения страны, выразившиеся в его более равномерном расселении по ее территории. При этом для марокканского и сомалийского населения Дании продолжает достаточно остро стоять проблема его территориальной эксклюзии и сегрегации в «уязвимых жилых районах», с которыми власти страны ведут борьбу в рамках программы «Дания без параллельных обществ — без гетто в 2030 году».

Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития № 075-15-2024-551 «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве».

Список литературы

1. Benassi, F., Iglesias-Pascual, R., Salvati, L. 2020, Residential segregation and social diversification: Exploring spatial settlement patterns of foreign population in Southern European cities, *Habitat International*, vol. 101, 102200, <https://doi.org/10.1016/j.habitatint.2020.102200>
2. Imeraj, L., Willaert, D., de Valk, H.A.G. 2018, A comparative approach towards ethnic segregation patterns in Belgian cities using multiscalar individualized neighborhoods, *Urban Geography*, vol. 39, № 8, p. 1221—1246, <https://doi.org/10.1080/02723638.2018.1446584>
3. Горохов, С. А., Агафшин, М. М., Дмитриев, Р. В. 2020, Сомалийцы в Швеции: региональное измерение, *Современная Европа*, № 7, с. 132—143, <https://doi.org/10.15211/soveurope72020150161>
4. Rogne, A. F., Andersson, E. K., Malmberg, B., Lyngstad, T. H. 2020, Neighbourhood Concentration and Representation of Non-European Migrants: New Results from Norway, *European Journal of Population*, vol. 36, p. 71—83, <https://doi.org/10.1007/s10680-019-09522-3>
5. Tanis, K. 2020, Regional distribution and location choices of immigrants in Germany, *Regional Studies*, vol. 54, № 4, p. 483—494, <https://doi.org/10.1080/00343404.2018.1490015>
6. Vogiazides, L., Mondani, H. 2021, Geographical Trajectories of Refugees in Sweden: Uncovering Patterns and Drivers of Inter-Regional (Im)mobility, *Journal of Refugee Studies*, vol. 34, № 3, p. 3065—3090, <https://doi.org/10.1093/jrs/feaa074>
7. Агафшин, М. М., Горохов, С. А., Дмитриев, Р. В. 2023, Пространственная трансформация миграционной системы в период кризиса, *Вестник Санкт-Петербургского университета, Науки о Земле*, т. 68, № 1, с. 29—43, <https://doi.org/10.21638/spbu07.2023.102>
8. Алексеев, Д. В. 2017, Нелегальная миграция из стран Африки: угрозы и вызовы для Европы, *Азия и Африка сегодня*, № 7 (720), с. 38—42. EDN: ZAONAH
9. Громько, А. А. 2017, Миграция из стран Ближнего Востока и Африки в Европу: вызовы и угрозы, *Ученые записки Института Африки РАН*, № 3 (40), с. 116—124. EDN: ZWUNIB

10. Охошин, О. В. 2020, Миграционная политика Великобритании до и после брекзита, *Вестник Российского университета дружбы народов, Серия: Политология*, т. 22, № 3, с. 506—516, <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2020-22-3-506-516>
11. Сидорова, Г. М., Жерлицына, Н. А. 2023, Динамика миграционных и интеграционных процессов в Южной Европе (Испания, Португалия, Италия, Сан-Марино, Мальта), *Мировая экономика и международные отношения*, т. 67, № 9, с. 109—118, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-9-109-118>
12. Agafoshin, M. M., Gorokhov, S. A., Dmitriev, R. V. 2022, Refugees from Syria and Iraq in Sweden: Resettlement during the Migration Crisis, *Baltic Region*, vol. 14, № 4, p. 98—112, <https://doi.org/10.5922/20798555-2022-4-6>
13. Andersen, J., Elm Larsen, J., Hornemann Møller, I. 2009, The exclusion and marginalisation of immigrants in the Danish welfare society: Dilemmas and challenges, *International Journal of Sociology and Social Policy*, vol. 29, № 5/6, p. 274—286, <https://doi.org/10.1108/01443330910965804>
14. Stonawski, M., Rogne, A. F., Christiansen, H., Bang, H., Lyngstad, T. H. 2022, Ethnic segregation and native out-migration in Copenhagen, *European Urban and Regional Studies*, vol. 29, № 2, p. 168—188, <https://doi.org/10.1177/09697764211039183>
15. Talalaeva, E. Yu., Pronina, T. S. 2020, Ethno-confessional immigrant ghettos as a national security problem in Denmark's social and political discourse, *Baltic Region*, vol. 12, № 3, p. 55—71, <https://doi.org/10.5922/2078-8555-2020-3-4>
16. Jønsson, H. V., Petersen, K. 2012, 'Denmark: A National Welfare State Meets the World' in *Immigration Policy and the Scandinavian Welfare State 1945—2010*. Migration, Diasporas and Citizenship Series, Palgrave Macmillan, London, p. 97—148, https://doi.org/10.1057/9781137015167_3
17. Kapitsyn, V. M., Magomedov, A. K., Shaparov, A. E. 2022, Immigration policy and integration of migrants in the Kingdom of Denmark at the beginning of the XXI century, *Baltic Region*, vol. 14, № 2, p. 98—114, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-2-7>
18. Kreichauf, R. 2020, 'Legal Paradigm Shifts and Their Impacts on the Socio-Spatial Exclusion of Asylum Seekers in Denmark', in: Glorius, B., Doomernik, J. (eds.), *Geographies of Asylum in Europe and the Role of European Localities*, IMISCOE Research Series. Springer, Cham., p. 45—67, https://doi.org/10.1007/978-3-030-25666-1_3
19. Andersen, H. S. 2010, Contextualising ethnic residential segregation in Denmark: welfare, housing and immigration: Country Report for Denmark, *Danish Building Research Institute, Aalborg University*, 59 p., URL: <https://blogs.helsinki.fi/nodesproject/files/2010/12/Denmark.pdf> (дата обращения: 20.03.2024).
20. Arendt, J. N., Dustmann, C., Ku, H. 2022, Refugee migration and the labour market: lessons from 40 years of post-arrival policies in Denmark, *Oxford Review of Economic Policy*, vol. 38, № 3, p. 531—556, <https://doi.org/10.1093/oxrep/grac021>
21. Damm, A. P. 2004, The Danish Dispersal Policy on Refugee Immigrants 1986—1998: A Natural Experiment?, *Department of Economics Aarhus School of Business*, 48 p., URL: https://www.researchgate.net/publication/5093615_The_Danish_Dispersal_Policy_on_Refugee_Immigrants_1986-1998_A_Natural_Experiment (дата обращения: 01.04.2024).
22. Herslund, L., Paulgaard, G. 2021, Refugees' Encounters with Nordic Rural Areas—Darkness, Wind and "Hygge"!, *Frontiers in Sociology*, vol. 6, 623686, <https://doi.org/10.3389/fsoc.2021.623686>
23. Larsen, B. R. 2011, Becoming Part of Welfare Scandinavia: Integration through the Spatial Dispersal of Newly Arrived Refugees in Denmark, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 37, № 2, p. 333—350, <https://doi.org/10.1080/1369183x.2011.521337>
24. Andersson, E. K., Malmberg, B., Costa, R., Sleutjes, B., Stonawski, M. J., de Valk, H. A. G. 2018, A Comparative Study of Segregation Patterns in Belgium, Denmark, the Netherlands and Sweden: Neighbourhood Concentration and Representation of Non-European Migrants, *European Journal of Population*, vol. 34, p. 251—275, <https://doi.org/10.1007/s10680-018-9481-5>
25. Wren, K. 2003, Refugee dispersal in Denmark: from macro- to micro-scale analysis, *International Journal of Population Geography*, vol. 9, № 1, p. 57—75, <https://doi.org/10.1002/ijpg.273>
26. Hagelund, A. 2020, After the refugee crisis: public discourse and policy change in Denmark, Norway and Sweden, *Comparative Migration Studies*, № 8, 13, <https://doi.org/10.1186/s40878-019-0169-8>

27. Myrberg, G. 2017, Local challenges and national concerns: municipal level responses to national refugee settlement policies in Denmark and Sweden, *International Review of Administrative Sciences*, vol. 83, №2, p. 322—339, <https://doi.org/10.1177/0020852315586309>
28. Морозова, Н. М., Алымова, А. Г., Яковлева, Е. С. 2021, Иммиграция и миграционная политика в странах Северной Европы, *ДЕМИС. Демографические исследования*, т. 1, № 1, с. 87—96, <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.1.10>
29. Пронякина, Е. Д. 2023, «Неправильная» миграция: проблема управления миграционными потоками в политике скандинавских стран, *Международная аналитика*, т. 14, № 3, с. 58—73, <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-3-58-73>
30. Черкасов, А. И. 2023, Миграция как вызов скандинавскому государству всеобщего благоденствия, *Сравнительное конституционное обозрение*, № 2 (153), с. 69—92. EDN: XMUXRN
31. Рябцев, В. М., Чудилин, Г. И. 2001, *Региональная статистика*, Москва, ООО «Московский издательский дом», 380 с.
32. Волков, А. М. 2020, Миграционные потоки в страны Северной Европы, *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*, № 1 (23), с. 126—142. EDN: JJKIAZ
33. Hammer, O. 2019, *Bidrag til Danmarks indvandringshistorie: halvtreds år i frontlinjen*, Århus, Turbine, 302 p.
34. Bjerre, L., Pace, M., Sen, S. 2021, Accessing the Danish Labour Market: On the Coexistence of Legal Barriers and Enabling Factors, in: Federico, V., Baglioni, S. (eds.), *Migrants, Refugees and Asylum Seekers' Integration in European Labour Markets*, IMISCOE Research Series. Springer, Cham., p. 135—148, https://doi.org/10.1007/978-3-030-67284-3_7
35. Бадаева, А. С. 2022, Датская народная партия и трансформации иммиграционной политики Дании, *Мировая экономика и международные отношения*, т. 66, № 3, с. 119—129, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-3-119-129>
36. Rosholm, M., Vejlin, R. 2010, Reducing income transfers to refugee immigrants: Does start-help help you start?, *Labour Economics*, vol. 17, № 1, p. 258—275, <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2009.09.004>
37. Kirkegaard, E. O. W., Fuerst, J. 2014, Educational attainment, income, use of social benefits, crime rate and the general socioeconomic factor among 70 immigrant groups in Denmark, *Open Differential Psychology*, <https://doi.org/10.26775/odp.2014.05.12>

Об авторах

Максим Михайлович Агафшин, кандидат географических наук, старший научный сотрудник Центра глобальных и стратегических исследований, Институт Африки РАН, Россия.

E-mail: agafoshinmm@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-0245-0481>

Станислав Анатольевич Горохов, доктор географических наук, профессор, заведующий Центром глобальных и стратегических исследований, Институт Африки РАН, Россия.

E-mail: stgorohov@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9984-6054>

Руслан Васильевич Дмитриев, доктор географических наук, заместитель директора по научной работе, Институт Африки РАН, Россия.

E-mail: dmitrievrv@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4018-9832>

DESCENDANTS FROM AFRICAN COUNTRIES IN DENMARK: TERRITORIAL AND ORGANIZATIONAL ASPECTS OF SETTLEMENT IN THE 2010s TO EARLY 2020s

M. M. Agafoshin

S. A. Gorokhov

R. V. Dmitriev

Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences,
30/1 Spiridonovka St., Moscow, 123001, Russia

Received 30 April 2024

Accepted 21 October 2024

doi: 10.5922/2079-8555-2025-1-4

© Agafoshin, M. M., Gorokhov, S. A.,
Dmitriev, R. V., 2025

Denmark is one of the most attractive European countries for immigrants due to its high level of socio-economic and political development. However, an increase in the migration burden has led to a tightening of the country's migration legislation, aimed primarily at limiting the flow of migrants from non-Western countries, preventing segregation, and ensuring the successful integration of migrants into the host society. This study aims to analyse the distribution of immigrants and their descendants in Denmark, focusing on migrants from African countries (Somalia, Morocco, Egypt, Ghana, the Democratic Republic of the Congo, and Eritrea) between 2010 and 2023. The authors examine legislative changes in Danish migration policy and analyse data from the Danish Statistical Office regarding migration trends and the geographic distribution of both the native population and individuals of foreign origin across second-level administrative units (communes). The research methodology employs the Herfindahl–Hirschman index to assess the degree of territorial concentration of people of African descent, alongside the Ryabtsev index to measure the similarity between the settlement patterns of migrants and their descendants from Africa and those of Denmark's indigenous population. The results indicate a decrease in the territorial concentration of the African population in Denmark, as well as a convergence between the settlement patterns of African migrants and Danish-origin residents. However, the intensity of these processes varies significantly based on immigrants' status, duration of residence in Denmark, and the size of specific African diasporas. Despite the observed deconcentration and increased settlement integration, the African population, particularly individuals of Somali and Moroccan descent, continues to exhibit high levels of territorial exclusion and segregation. Their settlement patterns are often concentrated in 'vulnerable residential areas', which still reflect significant socio-spatial disparities.

Keywords:

Denmark, immigrants and their descendants, Africans, refugees, settlement, vulnerable residential areas

References

1. Benassi, F., Iglesias-Pascual, R., Salvati, L. 2020, Residential segregation and social diversification: Exploring spatial settlement patterns of foreign population in Southern European cities, *Habitat International*, vol. 101, 102200, <https://doi.org/10.1016/j.habitatint.2020.102200>

2. Imeraj, L., Willaert, D., de Valk, H.A.G. 2018, A comparative approach towards ethnic segregation patterns in Belgian cities using multiscalar individualized neighborhoods, *Urban Geography*, vol. 39, № 8, p. 1221—1246, <https://doi.org/10.1080/02723638.2018.1446584>
3. Gorokhov, S.A., Agafoshin, M.M., Dmitriev, R.V. 2020, Somalis in Sweden: Regional Dimension, *Contemporary Europe*, № 7, p. 132—143, <https://doi.org/10.15211/soveurope72020150161> (in Russ.).
4. Rogne, A.F., Andersson, E.K., Malmberg, B., Lyngstad, T.H. 2020, Neighbourhood Concentration and Representation of Non-European Migrants: New Results from Norway, *European Journal of Population*, vol. 36, p. 71—83, <https://doi.org/10.1007/s10680-019-09522-3>
5. Tanis, K. 2020, Regional distribution and location choices of immigrants in Germany, *Regional Studies*, vol. 54, № 4, p. 483—494, <https://doi.org/10.1080/00343404.2018.1490015>
6. Vogiazides, L., Mondani, H. 2021, Geographical Trajectories of Refugees in Sweden: Uncovering Patterns and Drivers of Inter-Regional (Im)mobility, *Journal of Refugee Studies*, vol. 34, № 3, p. 3065—3090, <https://doi.org/10.1093/jrs/feaa074>
7. Agafoshin, M.M., Gorokhov, S.A., Dmitriev, R.V. 2023, Spatial transformation of the migration system during the crisis, *Vestnik of Saint Petersburg University. Earth Sciences*, vol. 68, № 1, p. 29—43, <https://doi.org/10.21638/spbu07.2023.102> (in Russ.).
8. Alekseev, D.V. 2017, Illegal Migration from Africa: Threats and Challenges for Europe, *Asia and Africa Today*, № 7 (720), p. 38—42. EDN: ZAONAH (in Russ.).
9. Gromyko, A.A. 2017, Migration from the Middle East and Africa to Europe: Challenges and Threats, *Journal of the Institute for African Studies*, № 3 (40), p. 116—124. EDN: ZWUNIB (in Russ.).
10. Okhoshin, O.V. 2020, UK Migration Policy before and after Brexit, *RUDN Journal of Political Science*, vol. 22, № 3, p. 506—516, <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2020-22-3-506-516> (in Russ.).
11. Sidorova, G.M., Zherlitsina, N.A. 2023, Dynamics of Migration and Integration Processes in Southern Europe, *World Economy and International Relations*, vol. 67, № 9, p. 109—118, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-9-109-118> (in Russ.).
12. Agafoshin, M.M., Gorokhov, S.A., Dmitriev, R.V. 2022, Refugees from Syria and Iraq in Sweden: Resettlement during the Migration Crisis, *Baltic Region*, vol. 14, № 4, p. 98—112, <https://doi.org/10.5922/20798555-2022-4-6>
13. Andersen, J., Elm Larsen, J., Hornemann Møller, I. 2009, The exclusion and marginalisation of immigrants in the Danish welfare society: Dilemmas and challenges, *International Journal of Sociology and Social Policy*, vol. 29, № 5/6, p. 274—286, <https://doi.org/10.1108/01443330910965804>
14. Stonawski, M., Rogne, A.F., Christiansen, H., Bang, H., Lyngstad, T.H. 2022, Ethnic segregation and native out-migration in Copenhagen, *European Urban and Regional Studies*, vol. 29, № 2, p. 168—188, <https://doi.org/10.1177/09697764211039183>
15. Talalaeva, E. Yu., Pronina, T.S. 2020, Ethno-confessional immigrant ghettos as a national security problem in Denmark's social and political discourse, *Baltic Region*, vol. 12, № 3, p. 55—71, <https://doi.org/10.5922/2078-8555-2020-3-4>
16. Jønsson, H.V., Petersen, K. 2012, 'Denmark: A National Welfare State Meets the World' in *Immigration Policy and the Scandinavian Welfare State 1945—2010*. Migration, Diasporas and Citizenship Series, Palgrave Macmillan, London, p. 97—148, https://doi.org/10.1057/9781137015167_3
17. Kapitsyn, V.M., Magomedov, A.K., Shaparov, A.E. 2022, Immigration policy and integration of migrants in the Kingdom of Denmark at the beginning of the XXI century, *Baltic Region*, vol. 14, № 2, p. 98—114, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-2-7>
18. Kreichauf, R. 2020, 'Legal Paradigm Shifts and Their Impacts on the Socio-Spatial Exclusion of Asylum Seekers in Denmark', in Glorius, B., Doomernik, J. (eds.), *Geographies of Asylum in Europe and the Role of European Localities*, IMISCOE Research Series. Springer, Cham., p. 45—67, https://doi.org/10.1007/978-3-030-25666-1_3
19. Andersen, H.S. 2010, Contextualising ethnic residential segregation in Denmark: welfare, housing and immigration: Country Report for Denmark, *Danish Building Research Institute, Aalborg University*, 59 p. URL: <https://blogs.helsinki.fi/nodesproject/files/2010/12/Denmark.pdf> (accessed 20.03.2024).

20. Arendt, J. N., Dustmann, C., Ku, H. 2022, Refugee migration and the labour market: lessons from 40 years of post-arrival policies in Denmark, *Oxford Review of Economic Policy*, vol. 38, № 3, p. 531—556, <https://doi.org/10.1093/oxrep/grac021>
21. Damm, A. P. 2004, The Danish Dispersal Policy on Refugee Immigrants 1986—1998: A Natural Experiment? *Department of Economics Aarhus School of Business*, 48 p., URL: https://www.researchgate.net/publication/5093615_The_Danish_Dispersal_Policy_on_Refugee_Immigrants_1986-1998_A_Natural_Experiment (accessed 01.04.2024).
22. Herslund, L., Paulgaard, G. 2021, Refugees' Encounters with Nordic Rural Areas—Darkness, Wind and “Hygge”!, *Frontiers in Sociology*, vol. 6, 623686, <https://doi.org/10.3389/fsoc.2021.623686>
23. Larsen, B. R. 2011, Becoming Part of Welfare Scandinavia: Integration through the Spatial Dispersal of Newly Arrived Refugees in Denmark, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 37, № 2, p. 333—350, <https://doi.org/10.1080/1369183x.2011.521337>
24. Andersson, E. K., Malmberg, B., Costa, R., Sleutjes, B., Stonawski, M. J., de Valk, H. A. G. 2018, A Comparative Study of Segregation Patterns in Belgium, Denmark, the Netherlands and Sweden: Neighbourhood Concentration and Representation of Non-European Migrants, *European Journal of Population*, vol. 34, p. 251—275, <https://doi.org/10.1007/s10680-018-9481-5>
25. Wren, K. 2003, Refugee dispersal in Denmark: from macro- to micro-scale analysis, *International Journal of Population Geography*, vol. 9, № 1, p. 57—75, <https://doi.org/10.1002/ijpg.273>
26. Hagelund, A. 2020, After the refugee crisis: public discourse and policy change in Denmark, Norway and Sweden, *Comparative Migration Studies*, № 8, 13, <https://doi.org/10.1186/s40878-019-0169-8>
27. Myrberg, G. 2017, Local challenges and national concerns: municipal level responses to national refugee settlement policies in Denmark and Sweden, *International Review of Administrative Sciences*, vol. 83, № 2, p. 322—339, <https://doi.org/10.1177/0020852315586309>
28. Morozova, N. M., Alymova, A. G., Yakovleva, E. S. 2021, Immigration and Migration Policy in the Nordic Countries, *DEMIS. Demographic Research*, vol. 1, № 1, p. 87—96, <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.1.10> (in Russ.).
29. Pronyakina, E. D. 2023, “The Wrong Migration:” The Problem of Managing Migration Flows in the Nordic Countries Politics, *Journal of International Analytics*, vol. 14, № 3, p. 58—73, <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-3-58-73> (in Russ.).
30. Cherkasov, A. 2023, Migration as a challenge to the Scandinavian welfare state, *Comparative Constitutional Review*, № 2 (153), p. 69—92. EDN: XMUXRN (in Russ.).
31. Ryabtsev, V. M., Chudilin, G. I. 2001, *Regional Statistics*, Moscow, ООО «Московскйй издател'sкйй дом» (in Russ.).
32. Volkov, A. M. 2020, Migration Flows to Nordic Countries, *The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World*, № 1 (23), p. 126—142. EDN: JJKIAZ (in Russ.).
33. Hammer, O. 2019, *Bidrag til Danmarks indvandringshistorie: halvtreds år i frontlinjen*, Århus, Turbine, 302 p.
34. Bjerre, L., Pace, M., Sen, S. 2021, Accessing the Danish Labour Market: On the Coexistence of Legal Barriers and Enabling Factors, in: Federico, V., Baglioni, S. (eds.), *Migrants, Refugees and Asylum Seekers' Integration in European Labour Markets*, IMISCOE Research Series, Springer, Cham., p. 135—148, https://doi.org/10.1007/978-3-030-67284-3_7
35. Badaeva, A. S. 2022, Danish People's Party and Danish Immigration Policy Transformation, *World Economy and International Relations*, vol. 66, № 3, p. 119—129, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-3-119-129> (in Russ.).
36. Rosholm, M., Vejlin, R. 2010, Reducing income transfers to refugee immigrants: Does start-help help you start?, *Labour Economics*, vol. 17, № 1, p. 258—275, <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2009.09.004>
37. Kirkegaard, E. O. W., Fuerst, J. 2014, Educational attainment, income, use of social benefits, crime rate and the general socioeconomic factor among 70 immigrant groups in Denmark, *Open Differential Psychology*, <https://doi.org/10.26775/odp.2014.05.12>

The authors

Dr Maksim M. Agafoshin, Senior Research Fellow, Centre for Global and Strategic Studies, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: agafoshinmm@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-0245-0481>

Prof Stanislav A. Gorokhov, Head of the Centre for Global and Strategic Studies, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: stgorohov@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9984-6054>

Prof Ruslan V. Dmitriev, Deputy Director, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: dmitrievrv@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4018-9832>

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution – Noncommercial – No Derivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CC BY-NC-ND 4.0)

ЭТНИЧЕСКИЙ И РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТЫ ИММИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ФИНЛЯНДИИ

Е. Ю. Талалаева^{1, 2}

Т. С. Пронина¹

¹ Ленинградский государственный университет
им. А. С. Пушкина, 196605, Россия, Санкт-Петербург, Пушкин,
Петербургское шоссе, 10

² Тамбовский государственный университет
имени Г. Р. Державина,
392036, Россия, Тамбов, ул. Интернациональная, 33

Поступила в редакцию 22.04.2024 г.

Принята к публикации 18.09.2024 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2025-1-5

© Талалаева Е. Ю., Пронина Т. С., 2025

Анализируется роль религии в контексте современной миграционной ситуации в Финляндии. Миграционные европейские кризисы стали вызовом национального масштаба для финского общества и способствовали появлению целого спектра проблем, связанных с интеграцией (им)мигрантов, этническая и/или религиозная принадлежность которых зачастую противопоставляется ценностно-идеологическим основам финской гражданской идентичности. Данное обстоятельство во многом способствует эскалации проявлений расизма и дискриминации в отношении мигрантов со стороны финских граждан и социальных структур. Миграционная служба Финляндии столкнулась с проблемой беспрецедентно высокого числа религиозных обращений из ислама в христианство мигрантами-мусульманами, использующими религиозную конверсию для получения убежища или отмены депортации на родину на основании риска религиозных преследований. Неоднозначность методов оценивания подлинности религиозных убеждений новообращенных христиан вызвала критику со стороны Экуменического совета Финляндии, а возрастание числа решений о депортации иностранных граждан в небезопасные районы разделило финскую общественность на сторонников принятия просителей убежища из мусульманских стран и участников антииммиграционных движений. Основываясь на анализе статистических данных и эмпирического материала, представленного в работах финских исследователей, авторы приходят к выводу, что, несмотря на проявление исламофобии в финском обществе по отношению к мигрантам с «мусульманским происхождением» и возможным негативным последствиям перехода из ислама в христианство, религиозное обращение является популярной, но далеко не всегда эффективной миграционной стратегией. В рамках проведенного исследования выявлено, что религия представляет собой важный аспект социальной консолидации и интеграции инокультурных мигрантов, однако существующая система формирования религиозной идентичности в школьном образовании во многом способствует закреплению в финском обществе противопоставления «своих» и «других» на основе этнорелигиозной принадлежности.

Ключевые слова:

Финляндия, миграционный кризис, просители убежища, депортация, религиозное обращение, этническая и религиозная идентичность, мигранты «мусульманского происхождения», дискриминация

Для цитирования: Талалаева Е. Ю., Пронина Т. С. Этнический и религиозный аспекты иммиграционных процессов в Финляндии // Балтийский регион. 2025. Т. 17, № 1. С. 82–98. doi: 10.5922/2079-8555-2025-1-5

Введение

Сравнительно с другими западноевропейскими странами в Финляндии невысокая численность иммигрантов — 461,2 тыс. чел., однако это составляет 8,3% от общей численности населения¹. На фоне демографического старения населения и снижения уровня рождаемости (в 2016 г. смертность в стране впервые превысила рождаемость) иммиграция стала проблемой национального масштаба [1, р. 75]. Вследствие европейских миграционных кризисов последних лет произошло резкое увеличение числа просителей убежища, имеющих нефинскую этническую и/или нехристианскую религиозную принадлежность, что стало вызовом для финского общества. «Христианский национализм» [2, s. 117], обнаруживающий себя и в ценностно-политической идеологии государства, и в гражданской идентичности большинства, стал одной из причин ужесточения иммиграционной политики Финляндии и пересмотра подходов к интеграции (им)мигрантов в финское общество. Обострились проявления расизма и дискриминации в отношении мигрантов, беженцев и просителей убежищ со стороны финских граждан, государственных структур и политических деятелей. Показательным в этом плане является общественно-политический резонанс, вызванный в июле 2023 г. ранее опубликованными в Интернете расистскими и антииммигрантскими высказываниями Риикки Пурра² — заместителем премьер-министра и министром финансов Финляндии, а также председателем партии «Истинные финны» (*Perussuomalaiset*). Ее отказ уйти в отставку, согласно опросу, проведенному среди финского населения, поддержали 40% респондентов³.

Увеличение числа решений Миграционной службы Финляндии о депортации иностранных граждан разделило финнов на сочувствующих мигрантам и противников предоставления убежища. Это стало одной из причин возникновения специфического феномена — беспрецедентно высокого числа обращений мигрантов-мусульман в христианство. Поскольку зачастую просители убежища используют религию в качестве основания для отмены их высылки из страны, возникла проблема методов оценивания подлинности их религиозных убеждений. Важность религиозной идентификации отчетливо проявилась на фоне вооруженного конфликта на территории Украины, продемонстрировавшего очевидные различия между разными категориями мигрантов в Финляндии.

Согласно данным Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев с марта 2022 г. в Европе зарегистрировано 5 982 900 украинских беженцев⁴, среди которых 66 749 запросили убежище в Финляндии⁵. Однако в отличие от миграционной ситуации 2015 г., когда Миграционной службой было зафиксировано 32 477 запросов на предоставление убежища (из них 20 484 подали граждане Ирака,

¹ Migration and migrant population statistics, 2024, *Eurostat*, URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Migration_and_migrant_population_statistics (дата обращения: 02.04.2024).

² Finnish far-right finance minister accused of racist online comments, 2023, *The Guardian*, URL: <https://www.theguardian.com/world/2023/jul/11/finnish-far-right-finance-minister-riikka-purra-accused-of-racist-online-comments> (дата обращения: 02.04.2024).

³ MTV:n kysely: Riikka Purra pitäisi erota, sanoo 47 prosenttia vastaajista, 2023, *MTV Uutiset*, URL: <https://www.mtvuutiset.fi/artikkeli/mtv-n-kysely-riikka-purra-pitaisi-erota-sanoo-47-prosenttia-vastaajista/8741180#gs.3bl5oh> (дата обращения: 02.04.2024).

⁴ Ukraine Refugee Situation, 2024, *The United Nations High Commissioner for Refugees*, URL: <https://data.unhcr.org/en/situations/ukraine> (дата обращения: 02.04.2024).

⁵ International protection, Applications 3/2033—2/2024, 2024, *Finnish immigration service*, URL: <https://tilastot.migri.fi/index.html#applications/23330?l=en&start=626> (дата обращения: 02.04.2024).

5214 — Афганистана, 1981 — Сомали и 877 — Сири)¹, данное событие не рассматривалось как «кризис беженцев» и не вызвало всплеск негативных настроений². Напротив, в странах Северной Европы представители правых партий приветствовали прибывших украинцев. В частности, Риikka Пурра провела различие между беженцами с Ближнего Востока и Украины, пояснив, почему последние заслуживают финского гостеприимства и оказания помощи³. Так, по мнению Пурра, украинских беженцев выгодно отличает европейское происхождение и принадлежность к христианству, в их число в основном входят женщины и дети и, что самое главное, их пребывание на территории Финляндии носит временный характер⁴. Это объяснение, во многом расцененное рядом исследователей как расистское и исламофобское [3, р. 256], ярко иллюстрирует современную североευропейскую миграционную политику.

Однако политические процессы вносят коррективы в готовность финского общества «быть гостеприимным» по отношению ко всем христианам. Так, вследствие осложнения межгосударственных отношений подверглись дискриминации граждане Российской Федерации. С октября 2022 г. финские власти ввели ограничения и последующий запрет на въезд российских граждан, несмотря на то, как отмечает В. Войников, что «факт участия РФ в вооруженном конфликте не является достаточным основанием для введения дискриминации в отношении всех россиян и квалификации их в качестве носителей потенциальной угрозы безопасности» [4, с. 29]. В ноябре 2023 г. Финляндия фактически закрыла сухопутную границу с Россией, объяснив свое решение серьезной угрозой национальной безопасности из-за «наплыва» на восточные пограничные пункты нескольких сотен просителей убежища из стран Африки, использующих Россию как транзитную территорию.

Теоретико-методологическая база исследования

В фокусе проведенного исследования находятся просители убежища в Финляндии, иммигрировавшие вследствие неблагоприятной социально-политической обстановки из стран, где большинство жителей исповедуют ислам. Данная категория мигрантов наиболее уязвима перед проявлениями расизма и дискриминации в финском обществе, а лица, религиозная и этническая идентичность которых определяется как мусульмане, встречают на пути интеграции значительные препятствия. В данном контексте расизм рассматривается в соответствии с теорией финского социолога Веса Пууронена, согласно которой доминирующая в современном мире форма расизма основывается прежде всего на культурных различиях [5, с. 56—57]. Согласно мнению Пууронена, «старый» расизм, основанный на идее биологического превосходства одних этнических рас над другими, постепенно вытесняется идеями «нового» культурного расизма, в рамках которого западные культуры рассматриваются как отсталые, консервативные и вступающие в противоречие с западными ценностями.

Кроме того, в теоретическую основу исследования легли работы, изучающие особенности адаптации мигрантов в финской социальной среде [6—9], и контекст

¹ International protection, Applications 1/2015—12/2015, 2024, *Finnish immigration service*, URL: <https://tilastot.migri.fi/index.html#applications/23330?l=en&start=626> (дата обращения: 02.04.2024).

² Для сравнения: в 2014 г. число просителей убежища составило чуть более 3000.

³ Muhonen, T. 2022, Ukrainasta pakenevat ovat aivan eri asia kuin Lähi-idästä tulevat “elintasosiirtolaiset”, sanoo perussuomalaisen Riikka Purra, *Helsingin Sanomat*, URL: <https://www.hs.fi/politiikka/art-2000008700536.html> (дата обращения: 02.04.2024).

⁴ Temporary protection for those fleeing Ukraine, 2023, *Finnish immigration service*, URL: <https://migri.fi/en/temporary-protection> (дата обращения: 02.04.2024).

формирования стереотипов об этнорелигиозной идентичности мигрантов-мусульман [10—12]. В данной связи особый интерес представляет специфика формирования религиозной идентичности в финской школьной программе образования [13; 14]. Особое внимание уделяется процедурам, связанным с депортацией иностранных граждан [15—17], деятельности сторонников предоставления убежища и антииммиграционных движений [18; 19], а также проблеме предоставления убежища новообращенным христианам из числа мигрантов мусульман [20; 21]. Значительный интерес представляет блок исследований, посвященных изучению религиозного обращения мигрантов из ислама в христианство в мировом [22—24] и финском [25] контекстах.

Источниковая база исследования представлена материалами собеседований с просителями убежища, беженцами и финскими гражданами по изучаемым проблемам, опубликованными в работах финских исследователей, а также документами, регулирующими правовые аспекты иммиграционных и интеграционных процессов в стране. Основным законодательным актом, помимо Конституции Финляндии 1999 г., регулирующим все вопросы, связанные с миграцией, является закон «Об иностранцах» 2004 г. (в ред. 389/2023), цель которого — «управление миграцией и обеспечение международной защиты с соблюдением основных прав человека и учетом международных соглашений, имеющих обязательную силу для Финляндии»¹.

Методология исследования основывается на анализе статистических данных, в том числе о конфессиональном составе населения Финляндии, и информации о численности просителей убежища и депортируемых граждан, опубликованной Миграционной службой.

На основе проведенного исследования предполагается обосновать значение этнического и религиозного факторов для миграционных и интеграционных процессов в финском обществе: этническая и религиозная принадлежности имеют существенное значение для самоидентификации как мигрантов, стремящихся интегрироваться в принципиально новую социальную и правовую среду, так и финских граждан, отстаивающих свои национальные интересы; однако рост числа религиозных обращений, которые иммигранты используют как стратегию легализации своего статуса в новой стране, выявил противоречивую роль религиозного фактора.

Дискриминация и расизм в финском обществе

Для стран Европейского союза основным документом, определяющим общий вектор интеграционной политики, является «План действий по интеграции и инклюзивности на 2021—2027 годы»². Данный документ представляет собой руководство по интеграции и включению мигрантов и беженцев в принимающее общество, где особое внимание уделено противодействию дискриминации лиц с иммигрантским происхождением. Дискриминация является актуальной проблемой для современного европейского общества и может как основываться исключительно на статусе мигранта, так и усугубляться его этнической принадлежностью или религиозными убеждениями³. Министерство внутренних дел Финляндии при разработке

¹ Aliens Act (301/2004; amendments up to 389/2023 included), Section 1. Objectives of the Act, *Ministry of the Interior*, URL: https://www.finlex.fi/en/laki/kaannokset/2004/en20040301_20230389.pdf (дата обращения: 02.04.2024).

² Action plan on Integration and Inclusion 2021-2027, 2020, *European Commission*, URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52020DC0758&qid=1632299185798> (дата обращения: 02.04.2024).

³ Ibid. P. 7.

и пересмотре национальной миграционной стратегии руководствовалось основными принципами данного плана, что позволяет в целом рассматривать финскую интеграционную политику как инклюзивную и антидискриминационную.

Согласно данным Индекса политики по интеграции мигрантов (MIPEX) Финляндия входит в десятку мировых лидеров. Эффективность финской иммиграционной политики оценивается в 85 баллов, а один из ключевых показателей — «антидискриминация» — достигает максимальной отметки¹. Однако в «Докладе правительства о необходимости реформирования содействия интеграции» 2021 г. подчеркивается необходимость усиления интеграционных мер и признается, что расизм и дискриминация не только существуют в финском обществе по отношению к мигрантам, но значительно препятствуют их успешной интеграции². При этом первые проявления расизма обнаруживаются уже на уровне школьного образования и в дальнейшем фиксируются во всех сферах жизни, включая образование, рынок труда и сферу психического здоровья³. Как показывают исследования данного вопроса (напр., [6, р. 4]), независимо от степени инклюзивности интеграционной политики осуществляемые в ее рамках практики акцентируют внимание на отличиях беженцев и мигрантов от местного населения, позиционируют их как «других» по этническим, культурным или религиозным критериям.

В исследовании закрепившихся в общественном сознании стереотипов, связанных с темой миграции, дискриминации и расизма в финском обществе, группой финских ученых были выявлены три основные категории мифов⁴ в отношении мигрантов [7, р. 8—14]. Прежде всего это мифы о том, что мигранты отличаются от большинства финнов в худшую сторону — менее образованы, не хотят ассимилироваться, склонны к иждивенческому образу жизни, к криминализации и т.п. Такой подход способствует не только расколу общества на группы «мы» и «другие» — последние с коннотацией «чужие», но и экстраполирует негативные стереотипы, бытующие в массовом сознании в связи с определенным этническим и/или религиозным меньшинством, на всех его членов. Такие мифологизированные предубеждения используются в публичных дискурсах для оправдания различных ограничений в отношении мигрантов. Согласно второму мифу дискриминация и расизм не представляют собой значимой социальной проблемы — дискриминация мигрантов является неотъемлемой частью обычной жизни. Такая на первый взгляд нейтральная оценка снимает ответственность с принимающего общества за ее возникновение и необходимость бороться с ее проявлениями.

Третий миф имеет противоположную аргументацию и представляет мигрантов в качестве обособленной группы, занимающей привилегированное положение в обществе по сравнению с большинством финнов. В частности, этот миф питается информацией о различных льготах, пособиях, предоставляемых государством беженцам не за какие-то заслуги, работы, а просто за их статус. Подобные аргументы активно используются для оправдания расистских настроений в обществе идеоло-

¹ The Migrant Integration Policy Index. Finland, 2020, *Migrant Integration Policy Index*, URL: <https://www.mipex.eu/finland> (дата обращения: 03.04.2024).

² Valtioneuvoston selonteko kotoutumisen edistämisen uudistamistarpeista, p. 36, 2021, *Valtioneuvosto*, URL: https://julkaisut.valtioneuvosto.fi/bitstream/handle/10024/163237/VN_2021_62.pdf (дата обращения: 02.04.2024).

³ Ibid. P. 36—37.

⁴ Под мифами здесь подразумеваются многочисленные ложные представления, подающиеся как общеизвестные факты и выступающие в противовес критически обоснованному пониманию реальных социальных проблем, сопутствующих процессам (им)миграции и интеграции мигрантов в финском обществе.

гами финского антииммиграционного политического движения, основанного на представлении беженцев как «экономических мигрантов», «серферов, стремящихся к более высокому уровню жизни» [26].

Несмотря на то что правовое определение понятия и статуса беженца зафиксировано в ст. 1 Конвенции о статусе беженцев 1951 г.¹ и подтверждено финским Законом «Об иностранцах»², его интерпретация осуществляется на национальном уровне, отражая постоянно трансформирующиеся государственные и политические интересы [27, р. 51]. Так, понятие «мигрант» ассоциируется с «добровольной» или «экономической» миграцией в отличие от понятия «беженец», с которым связан «принудительный» или «политический» характер перемещения³. Данные понятия активно эксплуатируются в политической повестке и зачастую интерпретируются в соответствии с приоритетами различных государственных и политических структур. Если среди стран Северной Европы иммиграционная политика Дании традиционно являлась самой жесткой, а Швеция придерживалась в этом плане наиболее либерального подхода [28, с. 82], то Финляндия всегда занимала промежуточное положение [17, с. 2]. Однако в последние годы националистически ориентированным партиям удалось актуализировать антииммиграционную и националистическую идеологию в финском обществе [29], а отдельные аспекты антииммиграционного дискурса были включены в политические программы либеральных и левоцентристских партий. Все это способствовало ужесточению государственной миграционной политики, в частности, резкое возрастание числа просителей убежища ожидаемо повлекло за собой увеличение числа решений о депортации иностранных граждан, которым было отказано в получении статуса беженца. Данное обстоятельство вызвало серьезные разногласия в финском общественно-политическом дискурсе, мнения граждан разделились на противоположные: от противников предоставления убежища до сострадания к депортируемым.

Протесты против депортации просителей убежища: обоснование «Права на жизнь»

С 2015 г. в Финляндии было зарегистрировано 10 481 решение о депортации и 3469 решений об отмене депортации⁴. Для примера, за данный промежуток времени было депортировано 1166 граждан из Ирака, 397 — из Сомали и 202 — из Афганистана (и соответственно 432, 104, 154 решения об отмене депортации). Однако депортация представляет собой дорогостоящую, долговременную и нередко спорную процедуру, которую в значительной мере осложняют юридические

¹ Согласно Конвенции о статусе беженцев 1951 г. под термином «беженец» подразумевается лицо, которое «в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны или не желает пользоваться такой защитой вследствие таких опасений» (Конвенция о статусе беженцев 1951, *Организация Объединенных Наций*, URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml (дата обращения: 02.04.2024)).

² Согласно п. 11 ст. 3 Закона «Об иностранцах» «беженец — иностранец, отвечающий критериям, установленным ст. 1 Конвенции о статусе беженцев» (*Aliens Act (301/2004; amendments up to 389/2023 included)*, 2023, *Ministry of the Interior*).

³ Apostolova, R. 2015, Of Refugees and Migrants: Stigma, Politics, and Boundary Work at the Borders of Europe, *American sociological association culture section*, URL: <https://asaculturesection.org/2015/09/14/of-refugees-and-migrants-stigma-politics-and-boundary-work-at-the-borders-of-europe/> (дата обращения: 02.04.2024).

⁴ Deportation Decisions 1/2015—2/2024, 2024, *Finnish immigration service*, URL: <https://tilastot.migri.fi/index.html#decisions/23332/52?l=en&start=540> (дата обращения: 02.04.2024).

препятствия для возвращения беженцев в потенциально небезопасные районы. Это приводит к значительному разрыву между количеством решений о депортации и фактической высылкой людей из страны [17, с. 2]. Несмотря на признание Афганистана, Сомали и Ирака полностью безопасными территориями с мая 2016 г., многие беженцы из этих стран после отказа в предоставлении убежища продолжают нелегально¹ находиться в Финляндии [18, с. 152].

Кроме того, активизировались протесты просителей убежища против ужесточения условий предоставления убежища и депортаций, по мнению протестующих, противоречащих принципу невыдворения². Первым широкомасштабным политическим протестом стала акция «Право на жизнь» [19, р. 981], начатая осенью 2015 г. иракскими и афганскими просителями убежища, прибывшими в Финляндию на пике миграционного кризиса. Несмотря на невысокую численность участников протеста — около 100 чел., данное событие получило широкую огласку и привело как к демонстрациям поддержки, так и к контрдемонстрациям и преследованию протестующих просителей убежища. В частности, в противовес движению «Добро пожаловать беженцам», состоящему из финских волонтеров, помогающих принимать просителей убежища [16, с. 135], мобилизовались антииммигрантские движения. Большинство из них, такие как «Солдаты Одина», движение «Закрытые границы» и др., прочно ассоциируют миграционные процессы с национальной угрозой и стремятся защитить свою родину от «исламизации», «культурного вторжения» и «угроз терроризма» путем закрытия государственных границ [12, с. 135].

Среди основных требований участников протеста «Право на жизнь» числилась приостановка депортаций, законность решений по которым вызывала сомнения из-за вероятной некомпетентности переводчиков и персонала Миграционной службы Финляндии, значительно расширенного осенью 2015 г. Данное подразделение Министерства внутренних дел является основной государственной структурой, регулирующей все вопросы и принимающей окончательные решения в сфере предоставления убежища, вида на жительство и депортации. При этом решения о депортации иностранного гражданина, согласно Закону «Об иностранцах», возможно принять при «достаточном основании подозревать, что он или она может совершить преступление»³. Кроме того, для просителей убежища было сильно ограничено предоставление бесплатной юридической помощи на собеседованиях по предоставлению убежища и сокращено время подачи апелляции в административный суд с 21 до 14 дней, тогда как обычные сроки апелляции в Финляндии составляют 30 дней [18, р. 987]. Таким образом, сторонники протестов просителей убежища стремились обратить внимание государственных властей на очевидные проявления дискриминации и нарушение прав человека в отношении просителей убежищ.

Другим неоднозначным аспектом предоставления убежища является оценка обоснованности опасений иностранного гражданина подвергнуться преследованиям на родине. С одной стороны, в Законе «Об иностранцах» подчеркивается,

¹ В 2017 г. в Финляндии было выявлено 2300 нелегальных мигрантов, преимущественно граждан Эстонии (331 чел.), России (291 чел.) и Ирака (171 чел.). International Migration 2017–2018 — Report for Finland, 2018, *Ministry of the Interior*, URL: https://julkaisut.valtioneuvosto.fi/bitstream/handle/10024/161174/25_2018_International_Migration_2017-2018.pdf?sequence=4 (дата обращения: 02.04.2024).

² Статья 33 — Запрещение высылки беженцев или их принудительного возвращения (в страны, из которых они прибыли), Конвенция о статусе беженцев 1951, *Организация Объединенных Наций*, URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml (дата обращения: 02.04.2024).

³ Aliens Act (301/2004; amendments up to 389/2023 included), Section 148. Grounds for denial of admittance or stay, 2023, *Ministry of the Interior*.

что не имеет значения, действительно ли проситель убежища обладает расовой, религиозной, социальной или политической характеристикой, которая влечет за собой преследование, если сторона преследования полагает, что заявитель обладает такой характеристикой¹. С другой стороны, проситель убежища должен представить «обоснованные опасения стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений»² в стране своей гражданской принадлежности. Формально процесс оценивания достоверности можно разделить на три уровня [15, р. 7]. Первый — внутренняя достоверность, которая подразумевает целостность, подробность и логичность рассказа лица, ищущего убежище. Второй — внешняя достоверность, основывающаяся на сравнении с внешними фактами — ситуацией в стране происхождения, предоставленными документами. И третий уровень — социальная достоверность, которая применяется для выявления социальной и культурной перспектив интеграции просителя убежища при рассмотрении его рассказа. Такая необходимость «обоснования достоверности» стала одной из причин того, что мигранты-мусульмане (преимущественно из Ирака и Афганистана) выбрали формальный отказ от своей религии в пользу доминирующих в финском обществе религиозных убеждений для расширения собственной перспективы получения убежища и последующей успешной интеграции в новый социум.

Религиозное обращение как современная миграционная стратегия

Специфическая ситуация с религиозной конверсией как стратегией легализации в новой стране требует отдельного рассмотрения. В 2017 г. обращение в христианство стало наиболее распространенным основанием для подачи апелляции в административные суды Финляндии после принятия решения о депортации³, так как смена религиозных убеждений могла грозить по возвращении мигрантов на родину преследованиями вплоть до смертной казни. Несмотря на отсутствие официальной статистики по запросам предоставления убежища на основании перехода в другую веру, по оценкам Миграционной службы, они составили около 70 % из 7500 поданных апелляций [21, р. 2]. Собеседники, проходящие интервью при исследовании процесса депортации иракских беженцев в Ирак, утверждали, что в пунктах приема беженцев, социальных сетях и на улицах активно распространялись слухи, согласно которым Финляндия предоставляет убежище только лицам, принявшим христианство или оправдывающим заявление своей сексуальной ориентацией [20, s. 257—258]. Однако смена одним из участников исследования своих религиозных убеждений и обращение в христианство, чтобы остаться в Финляндии, не помогли ему получить положительное решение о предоставлении убежища. Данный пример показывает, что проситель убежища далеко не всегда может подтвердить подлинность своих религиозных убеждений при доказательстве достоверности оснований для подачи апелляции на решение о его высылки из страны. Тем не менее все боль-

¹ Aliens Act (301/2004; amendments up to 389/2023 included), Section 87b (422/2014). Reasons for persecution, 2023, *Ministry of the Interior*.

² Конвенция о статусе беженцев 1951, *Организация Объединенных Наций*, URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml (дата обращения: 02.04.2024).

³ Statistics for 2017: Clearly less asylum seekers than the year before — over 2,100 asylum seekers submitted their first application, 2018, *Finnish Immigration Service*, URL: https://migri.fi/-/vuo-den-2017-tilastot-turvapaikanhakijoita-selvasti-edellisvuosia-vahemman-ensimmais-hakemuk-sen-jatti-reilut-2-100-hakijaa?languageId=en_US (дата обращения: 02.04.2024).

ше просителей убежища, прибывших из стран с преобладающей мусульманской культурой, выразили желание присоединиться к финской Евангелической лютеранской церкви (ЕЛЦ).

В Финляндии большинство населения — 65,2% — принадлежит к ЕЛЦ¹. Несмотря на то что за последние двадцать лет численность ее последователей снизилась на 20% (согласно статистическим данным на такой же процент увеличилось число неверующих в стране)², ЕЛЦ по-прежнему является самой влиятельной религиозной организацией в стране, статус которой определен конституционным законом «О церкви»³. Действующая Конституция Финляндии устанавливает свободу вероисповедания и совести⁴, сохраняя при этом традиционно прочные отношения между государством и ЕЛЦ. Данный факт указывает на значимость религиозного аспекта при формировании гражданской идентичности финнов, несмотря на высокий уровень секуляризации в стране. Кроме того, этим обуславливается привлекательность ЕЛЦ среди других христианских организаций для мигрантов-мусульман, решившихся обратиться к процедуре религиозной конверсии в надежде на повышение собственных шансов официально получить статус беженца и впоследствии успешно интегрироваться в финское общество. Однако все проблемы, связанные с практикой предоставления убежища иностранным гражданам и их депортацией, зарегистрированные в стране христианские церкви решают на платформе Экуменического совета Финляндии. Совет представляет собой форум, на котором вопросы, связанные с мигрантами и беженцами, обсуждаются на национальном и европейском уровнях при участии представителей Комиссии церквей по делам мигрантов в Европе.

Впервые Экуменический совет поднял вопрос об обращении в христианство лиц, ищущих убежище, в октябре 2016 г. в одной из четырех рекомендаций для «Национального плана действий в области основных прав человека на 2017—2019 гг.»: «Иммиграционные власти с подозрением относятся к обращению в другую веру, что вынуждает новообращенных проходить тест на религию, дающий недостоверные результаты. Процесс проверки убеждений, на основании которой решается, действительно ли человек христианин, является дискриминационным и противоречит свободе вероисповедания, а нынешняя форма экзамена не служит первоначальной цели — исследованию оснований для предоставления убежища» (цит. по: [21, р. 6]). Таким образом, полномочия государственных властей принимать решения об искренности религиозных убеждений находятся в противоречии с основными правами и свободами человека. Но сложность ситуации состоит в том, что религиозные убеждения становятся достаточным основанием для решения финских властей о предоставлении убежища или об отмене депортации только тогда, когда их подлинность может быть доказана.

Попытка миграционных властей «оценить подлинность религиозных убеждений» встретила сопротивление со стороны финских христианских общин. Глава ЕЛЦ архиепископ Финляндии Тапио Луома в своем интервью для Всемирной лютеранской федерации выразил озабоченность безопасностью и свободой веро-

¹ Population and society, Population structure on 31 December 2022, Religion, 2023, *Statistics Finland*, URL: https://www.tilastokeskus.fi/tup/suoluk/suoluk_vaesto_en.html#Applicants%20for%20asylum (дата обращения: 02.04.2024).

² Ibid.

³ The Constitution of Finland 11 June 1999 (731/1999, amendments up to 817/2018 included), Section 76. The Church Act, *Ministry of Justice, UNHCR*, URL: <https://www.refworld.org/legal/legislation/natlegbod/1999/en/86918> (дата обращения: 02.04.2024).

⁴ The Constitution of Finland 11 June 1999 (731/1999, amendments up to 817/2018 included), Section 11. Freedom of religion and conscience, *UNHCR*, URL: <https://www.refworld.org/legal/legislation/natlegbod/1999/en/86918> (дата обращения: 02.04.2024).

исповедания депортированных беженцев и просителей убежища¹. Также он кратко резюмировал открытое письмо, подписанное в августе 2019 г. лидерами всех церквей, входящих в Экуменический совет Финляндии, и обращающее внимание финских государственных властей на две основные проблемы. Во-первых, помимо того что лицам, получившим отрицательное решение в предоставлении убежища, предстоит возвращаться в небезопасные районы, многие из них попадают под риск преследования вследствие обращения в христианство. Во-вторых, само оценивание того, является ли обращение в религию подлинным, или оно мотивировано желанием получить убежище, представляет собой проблему. Церковь обеспокоена отсутствием у светских властей соответствующего опыта в религиозной и культурной сферах для вынесения объективного решения. В то же время не уделяется должного внимания мнению экспертов и представителей приходов, в которых просители убежища приняли крещение. Кроме того, ЕЛЦ заинтересована в привлечении в свои ряды новых членов на фоне секуляризации финского общества и сокращающейся численности ее прихожан.

Религиозная идентичность в финском обществе

За последние десятилетия во всем мире наблюдается беспрецедентный рост числа обращенных из ислама в христианство, однако оценить их точное число не представляется возможным. В частности, такая ситуация сложилась из-за неоднозначности самоидентификации новообращенных христиан. Например, на Ближнем Востоке мусульмане, обращенные в христианство, зачастую избегают термина «христианин», предпочитая идентифицировать себя как «верующий мусульманского происхождения» (Muslim-background Believer) или «мусульманин — последователь Христа» (Muslim Follower of Christ) [22, р. 3]. В Финляндии, как и в большинстве стран Северной Европы, напротив, новообращенные мигранты должны четко продемонстрировать смену своих религиозных убеждений, если они хотят получить убежище из-за опасения религиозных преследований на родине. Следовательно, для того чтобы их новая религиозная идентичность была признана светскими властями, она должна исключать любую двусмысленность в разрыве с прежней религией.

В связи с этим особую важность приобрела разноплановая работа христианских церквей с просителями убежища, которые намерены прибегнуть к религиозному обращению как к миграционной стратегии, позволяющей им остаться на территории принимающей страны. В частности, христианские церкви не только взяли на себя обязательства противостоять расизму и дискриминации², но и закрепили в церковных уставах рекомендации по разъяснению мусульманам возможных последствий крещения как в стране происхождения, так и в принимающем обществе [24]. При этом желающих перейти из ислама в христианство предупреждают, что открытое заявление об их новой религиозной принадлежности также может угрожать их родственникам, оставшимся на родине [25, р. 166].

С другой стороны, несмотря на главенство демократических ценностей в западных странах, новообращенные иммигранты «мусульманского происхождения» могут быть подвержены исламофобии из-за прочной ассоциации ислама с их этнической принадлежностью [23]. Хотя мусульманские религиозные организации и мечети в Финляндии играют значимую роль в процессах интеграции, создании по-

¹ Finnish church: an integral part of society, 2019, *The Lutheran World Federation*, URL: <https://lutheranworld.org/news/finnish-church-integral-part-society> (дата обращения: 02.04.2024).

² Migration, 2024, *Evangelical Lutheran Church of Finland*, URL: <https://evl.fi/en/our-work/our-policies/migration/> (дата обращения: 02.04.2024).

ложительного образа мигрантов и формировании их идентичности [8, р. 94], в финском обществе широко распространены опасения роста экстремизма и радикализации среди мусульман. Данные опроса общественного мнения «Исследовательским центром Пью» на тему «Быть христианином в Западной Европе» показывают, что большинство финнов — 62 % — полагают «ислам в корне несовместимым с культурой и ценностями их страны»¹. Это является самым высоким показателем среди западноевропейских стран. Такая ситуация сложилась во многом благодаря тому, что религия в современном мире стала основным элементом идентичности иммигрантов. При этом именно принадлежность к религиозной общине, а не государственные институты, играет для них решающую роль в интеграционных процессах [11, с. 8]. Данное обстоятельство привело к формированию трех широко распространенных заблуждений [10, р. 20]:

1) если мигранты прибыли из стран, где ислам — доминирующая религия, они должны быть мусульманами несмотря на то, что в действительности могут оказаться последователями любой другой религии или атеистами;

2) все мигранты не только мусульмане, но и все они «одинаковы», вне зависимости от многочисленных социальных различий, приверженности разным течениям в исламе и личных убеждений верующих;

3) одновременное перемещение значительного числа мигрантов и эскалация международного экстремизма (стереотипно связанного с исламом) привели к ситуации, когда «мигрант» означает «мусульманин», а «мусульманин» приравнивается в общественном сознании к «террористу».

В рамках содействия интеграции мигрантов «мусульманского происхождения» и для преодоления их отчуждения от общества вследствие сложившихся заблуждений Министерство образования и культуры Финляндии включило в образовательную школьную программу уроки по изучению ислама наравне с другими религиозными традициями [9, с. 221].

Финская иммиграционная политика рассматривает образование как важный шаг к интеграции [14, р. 82]. В частности, школьное образование в Финляндии является национальным проектом, важной составляющей которого выступает христианство. Несмотря на то что религия не играет значительной роли в повседневной жизни большинства финнов, лютеранские традиции стали неотъемлемой частью финской культуры и системы образования. Они активно пропагандируются школами, где уроки религии для всех обязательны [13, р. 4].

Большинство учеников посещают уроки религии, на которых преподается учение ЕЦК как доминирующей религиозной организации в стране с наибольшим числом последователей. Дети, семьи которых не принадлежат к лютеранской церкви, на выбор могут присоединиться к этим занятиям, посещать уроки светской этики или уроки религии, которую исповедует их семья, если об этом просят не менее трех учеников из класса (в основном третью группу составляют мусульмане).

Однако наиболее заметными религиозные различия среди школьников становятся не при распределении детей в классе на разные уроки религии, а при проведении христианских мероприятий в школе. В частности, в финских школах отмечаются различные христианские праздники, во время которых детям-нехристианам предоставляется альтернативная программа [13, р. 8]. Именно такой подход акцентирует внимание на религиозном происхождении каждого ученика, противопоставляя тем самым «лютеран» и «других». Учитывая, что большинство христиан других

¹ Being Christian in Western Europe, Western Europeans divided over whether Islam is compatible with national values, 2018, *Pew Research Center*, URL: <https://www.pewresearch.org/religion/2018/05/29/nationalism-immigration-and-minorities/> (дата обращения: 02.04.2024).

конфессий предпочитают посещать мероприятия, организованные лютеранской церковью [13, р. 9], то все дети оказываются условно разделены на «христиан» и «других».

Таким образом, религия является важным инструментом идентификации в школьной среде, где образовательная программа подчеркивает религиозные различия и поощряет учеников определять свою религиозную идентичность, даже если они происходят из светской семьи. Кроме того, в финском контексте именно иностранец-нелютеранин становится «другим», что во многом способствует отождествлению этнической и религиозной идентичностей в финской обществу.

Заключение

Европейские миграционные кризисы оказали существенное влияние на интеграционную и иммиграционную политику европейских государств. Однако для финского общества, преимущественно однородного в плане этнической, культурной и религиозной принадлежности его граждан, необходимость принять и интегрировать значительный поток просителей убежища с другой этнорелигиозной идентичностью стала проблемой национального уровня. Несмотря на следование финских властей общеевропейским политическим принципам инклюзивности и антидискриминации в отношении мигрантов, общество условно разделилось на сторонников «гостеприимства» в отношении беженцев и поддерживающих националистические антииммиграционные движения. Показательно, что большинство проявлений расизма со стороны как государственных структур и политических партий, так и финских граждан осуществляется в отношении ближневосточных и африканских мигрантов. В отличие от украинских беженцев они в общественном сознании стереотипно ассоциируются с исламским радикализмом и воспринимаются как потенциальная угроза общественной безопасности.

Несмотря на проявления исламофобии и значительное повышение процента решений об отказе в предоставлении убежища и депортаций на родину, большинство мигрантов из мусульманских стран проявили стремление остаться в Финляндии. В качестве основания ходатайства о предоставлении убежища или апелляции в финские административные суды в случае уже полученных решений о депортации многие выбрали переход из ислама в христианство даже в случае возможных негативных последствий религиозного обращения. Данная миграционная стратегия повлекла за собой целый спектр социальных проблем: от неоднозначности оценивания миграционной службой искренности религиозных убеждений новообращенных христиан с «мусульманским происхождением» до препятствий к их успешной интеграции или ассимиляции из-за этнической принадлежности. Важно отметить, что далеко не всегда Экуменическому совету удалось отстоять право новых членов христианских церквей получить убежище на основании риска преследования по религиозному признаку.

Религия является одним из основных аспектов интеграционных процессов в финском обществе, а религиозная идентичность активно формируется и закрепляется уже в школьной образовательной среде. Идентификация по религиозному признаку играет значительную роль как для финских граждан-христиан (лютеран), так и для беженцев-мусульман или новообращенных христиан с «мусульманским происхождением». Государство, исламские и христианские религиозные организации предпринимают много усилий по интеграции в финское общество лиц с другой религиозной и/или этнической идентичностью. Тем не менее в общественном сознании по-прежнему отчетливо прослеживается противопоставление «мы» и

«другие», в отношении последних — с негативной коннотацией. Оно связано как со стереотипным мышлением большинства финских граждан в отношении мигрантов из определенных стран, так и с оборотной стороной интеграционной политики финских властей, закрепляющей восприятие «своих» и «чужих» в разных сферах жизнедеятельности социума.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00374 «Религия как фактор адаптации и интеграции (им)мигрантов: на примере стран Балтийского региона».

Список литературы

1. Heino, H., Jauhiainen, J. S. 2020, Immigration in the Strategies of Municipalities in Finland, *Nordic Journal of Migration Research*, vol. 10, № 3, p. 73—89, <https://doi.org/10.33134/njmr.345>
2. Koiranen, I., Äystö, T., Kyyrö, J., Ahonen, T., Hjelm, T. 2023, Kristillisestä valtiosta kulttuuriseen kristillisyyteen: Kristillinen nationalismi 2020-luvun Suomessa, in: Kuivala, P., Sevillano, A. (eds.), *Kristinusk ja nationalismi: Kristendom och nationalism*, № 113, Helsinki, Suomen kirkkohistoriallinen seura, p. 96—129.
3. Näre, L., Abdelhady, D., Irastorza, N. 2022, What Can We Learn from the Reception of Ukrainian Refugees?, *Nordic Journal of Migration Research*, vol. 12, № 3, p. 255—258, <https://doi.org/10.33134/njmr.620>
4. Войников, В. 2023, Ограничения на въезд российских граждан в страны ЕС: политические и правовые аспекты, *Современная Европа*, № 3, с. 20—32, <https://doi.org/10.31857/S0201708323030026>
5. Puuronen, V. 2011, *Rasistinen Suomi [Racist Finland]*, Helsinki, Gaudeamus.
6. Masoud, A., Kurki, T., Brunila, K., Holm, G. 2023, Racialised Integration: Arabic-Speaking Refugees and Immigrants' Experiences on the Paradoxes of Integration, *Nordic Journal of Migration Research*, vol. 13, № 1, <https://doi.org/10.33134/njmr.543>
7. Ryyänänen, S., Nortio, E., Varjonen, S. 2024, 'They Actually do Get More Money': Using Myths in Justifying Hierarchies in Ethnic Relations, *Nordic Journal of Migration Research*, vol. 14, № 3, <https://doi.org/10.33134/njmr.600>
8. Martikainen, T. 2014, Muslim immigrants, public religion and developments towards a post secular Finnish welfare state, *Scandinavian Journal of Islamic Studies*, vol. 8, № 1, p. 98—105, <https://doi.org/10.7146/tifo.v8i1.25324>
9. Сливкина, В. А. 2023, Проблема интеграции мигрантов-мусульман в Италии и Финляндии, *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*, № 3, с. 214—227, https://doi.org/10.35231/18186653_2023_3_214
10. Wilson, E. K., Mavelli, L. 2019, The refugee crisis and religion: an overview, in: Petersen, M. J., Jensen, S. B. (eds.), *Faith in the system? Religion in the (Danish) asylum system*, Aalborg Universitetsforlag, p. 19—25.
11. Пронина, Т., Талалаева, Е. 2023, Миграция и религия: основные направления исследований, *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*, т. 41, № 2, с. 7—29, <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2023-41-2-7-29>
12. Виркунен, Й., Гаджимурадова, Г. И. 2018, Миграция, экстремизм и террористическая угроза в Финляндии, *Современная Европа*, № 5 (84), с. 131—141, <https://doi.org/10.15211/soveurope52018131141>
13. Korpela, M. 2024, 'Where Should the Orthodox Christian Go?' Distinctions Based on Religion and Language in a Finnish International School, *Nordic Journal of Migration Research*, vol. 14, № 4, <https://doi.org/10.33134/njmr.607>
14. Zacheus, T., Kalalahti, M., Varjo, J., Saarinen, M., Jahnukainen, M., Mäkelä, M.-L., Kivirauma, J. 2019, Discrimination, Harassment and Racism in Finnish Lower Secondary Schools, *Nordic Journal of Migration Research*, vol. 9, № 1, p. 81—98, <https://doi.org/10.2478/njmr-2019-0004>

15. Bodström, E. 2020, 'Because Migri Says So': Legitimation in Negative Asylum Decisions in Finland, *Nordic Journal of Migration Research*, vol. 10, № 2, p. 5—19, <https://doi.org/10.33134/njmr.134>
16. Pirkkalainen, P., Näre, L., Lyytinen, E. 2022, 'I do not trust any of them anymore': Institutional distrust and corrective practices in pro-asylum activism in Finland, *Current Sociology*, vol. 72, № 3, <https://doi.org/10.1177/00113921221129313>
17. Horsti, K., Pirkkalainen, P. 2023, Emotions and Affect in Deportation: The Transformative Power of Social Relationships, *Nordic Journal of Migration Research*, vol. 13, № 3, <https://doi.org/10.33134/njmr.714>
18. Шлапеко, Е. А., Кондратьева, С. В. 2021, Миграция как вызов национальной безопасности: проблемы адаптации просителей убежища (опыт г. Торнио, Финляндия), *Вестник Томского государственного университета*, № 466, с. 150—157, <https://doi.org/10.17223/15617793/466/18>
19. Näre, L. 2020, 'Finland kills with a pen' — asylum seekers' protest against bureaucratic violence as politics of human rights, *Citizenship Studies*, vol. 24, № 8, p. 979—993, <https://doi.org/10.1080/13621025.2020.1769559>
20. Gadd, K., Al-Jouranj, H., Pirjatanniemi, E. 2022, Maasta poistamisen oikeudelliset edellytykset ja irakilaisten kokemukset paluusta Irakiin, in: Pirkkalainen, P., Lyytinen, E. (eds.), *Suomesta poistetut: Näkökulmia karkotuksiin ja käännytyksiin*, Vastapaino, p. 247—270, <https://doi.org/10.58181/VP9789517689960>
21. Horsti, K., Pirkkalainen, P. 2023, Deportability of Christian Converts and the Controversy Over Faith in Finland, *Nordic Journal of Migration Research*, vol. 13, № 4, <https://doi.org/10.33134/njmr.586>
22. Miller, D., Johnstone, P. 2015, Believers in Christ from a Muslim Background: A Global Census, *Interdisciplinary Journal of Research on Religion*, vol. 11, 10.
23. Marti, G. 2016. 'I Was a Muslim, But Now I Am a Christian': Preaching, Legitimation, and Identity Management in a Southern Evangelical Church, *Journal for the Scientific Study of Religion*, vol. 55, № 2, p. 250—270, <https://doi.org/10.1111/jssr.12261>
24. Stene, N., 2020, Leaving Islam for Christianity: Asylum Seeker Converts, *Handbook of Leaving Religion*, in: Enstedt, D., Larsson, G., Mantsinen, T. (eds.), *Handbook of Leaving Religion*, Brill, p. 210—219, https://doi.org/10.1163/9789004331471_018
25. Ahonen, T. 2020, Bound to hospitality: An asymmetry of power in the Finnish church asylum movement, *Approaching Religion*, vol. 10, № 2, p. 158—170, <https://doi.org/10.30664/ar.92097>
26. Sakki, I., Pettersson, K. 2018, Managing stake and accountability in Prime Ministers' accounts of the "refugee crisis": A longitudinal analysis, *Journal of Community and Applied Social Psychology*, vol. 28, № 6, p. 406—429, <https://doi.org/10.1002/casp.2358>
27. Crawley, H., Skleparis, D. 2018, Refugees, migrants, neither, both: categorical fetishism and the politics of bounding in Europe's 'migration crisis', *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 44, № 1, p. 48—64, <https://doi.org/10.1080/1369183X.2017.1348224>
28. Талалаева, Е. Ю., Пронина, Т. С. 2024, Модели противодействия сегрегации этноконфессиональных иммигрантских районов в Дании и Швеции, *Балтийский регион*, т. 16, № 1, с. 81—99, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-1-5>
29. Horsti, K., Saresma, T. 2021, The role of social media in the rise of right-wing populism in Finland, in: Tumber, H., Waisbord, S. (eds.), *The Routledge Companion to Media Disinformation and Populism*, Routledge.

Об авторах

Екатерина Юрьевна Талалаева, кандидат философских наук, младший научный сотрудник, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Россия; доцент кафедры политологии, социологии и международных процессов, Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, Россия.

E-mail: aikatarin@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6007-5202>

Татьяна Сергеевна Пронина, доктор философских наук, доцент, главный научный сотрудник Центра религиоведческих и этнополитических исследований, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Россия.

E-mail: tania_pronina@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8902-9154>

Представлено для возможной публикации в открытом доступе в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution – Noncommercial – NoDerivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CCBY-NC-ND 4.0)

ETHNIC AND RELIGIOUS ASPECTS OF IMMIGRATION PROCESSES IN FINLAND

E. Yu. Talalaeva^{1, 2}

T. S. Pronina¹

¹ Pushkin Leningrad State University,
10 Peterburgskoye Shosse, Pushkin, St. Petersburg, 196605, Russia

² Derzhavin Tambov State University,
33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392036, Russia

Received 22 April 2024

Accepted 18 September 2024

doi: 10.5922/2079-8555-2025-1-5

© Talalaeva, E. Yu., Pronina, T. S., 2025

The article analyzes the role of religion in the context of the contemporary Finnish migration system. The European migration crises have become a national challenge for Finnish society. The integration of (im)migrants, whose ethnic and/or religious affiliation is often opposed to the value-based and ideological foundations of Finnish civic identity, is accompanied by a number of problems. The most significant of them is the escalation of racism and discrimination against migrants by Finns and social structures. The Finnish Migration Service (MIGRI) has been confronted with an unprecedented number of religious conversions from Islam to Christianity by Muslim migrants who use religious conversion as a way to gain asylum or avoid deportation to their home countries on the grounds of a risk of religious persecution. The Ecumenical Council of Finland has criticized the ambiguity of the methods for assessing the credibility of religious beliefs of newly converted Christians. At the same time, the increasing number of decisions to deport aliens to unsafe areas has divided the Finnish public into those who support accepting asylum seekers from Muslim countries and those who support anti-immigration movements. An analysis of statistical data and empirical material in the works of Finnish researchers shows that religious conversion is a popular migration strategy despite its low efficiency, the manifestation of Islamophobia in Finnish society towards migrants with Muslim background and the possible negative consequences of religious conversion from Islam to Christianity. The authors conclude that religion is an important aspect of social consolidation and integration of foreign cultural migrants, but the formation of religious identity in school education largely contributes to the opposition of 'us' and ethno-religious 'others' in Finnish society.

Keywords:

Finland; migrant crisis; asylum seekers; deportation; religious conversion; ethnic and religious identity; migrants with Muslim background; discrimination

References

1. Heino, H., Jauhiainen, J. S. 2020, Immigration in the Strategies of Municipalities in Finland, *Nordic Journal of Migration Research*, vol. 10, № 3, p. 73—89, <https://doi.org/10.33134/njmr.345>
2. Koiranen, I., Äystö, T., Kyyrö, J., Ahonen, T., Hjelm, T. 2023, Kristillisestä valtiosta kulttuuriseen kristillisyyteen: Kristillinen nationalismi 2020-luvun Suomessa, in: Kuivala, P., Sevillano, A. (eds.), *Kristinusko ja nationalismi: Kristendom och nationalism*, № 113, Helsinki, Suomen kirkko-historiallinen seura, p. 96—129.
3. Näre, L., Abdelhady, D., Irastorza, N. 2022, What Can We Learn from the Reception of Ukrainian Refugees?, *Nordic Journal of Migration Research*, vol. 12, № 3, p. 255—258, <https://doi.org/10.33134/njmr.620>
4. Voynikov, V. V. 2023, EU travel restrictions for Russian citizens: political and legal issues, *Sovremennaya Evropa*, № 3, p. 20—32, <https://doi.org/10.31857/S0201708323030026>
5. Puuronen, V. 2011, *Rasistinen Suomi [Racist Finland]*, Helsinki, Gaudeamus.
6. Masoud, A., Kurki, T., Brunila, K., Holm, G. 2023, Racialised Integration: Arabic-Speaking Refugees and Immigrants' Experiences on the Paradoxes of Integration, *Nordic Journal of Migration Research*, vol. 13, № 1, <https://doi.org/10.33134/njmr.543>
7. Rynänen, S., Nortio, E., Varjonen, S. 2024, 'They Actually do Get More Money': Using Myths in Justifying Hierarchies in Ethnic Relations, *Nordic Journal of Migration Research*, vol. 14, № 3, <https://doi.org/10.33134/njmr.600>
8. Martikainen, T. 2014, Muslim immigrants, public religion and developments towards a post secular Finnish welfare state, *Scandinavian Journal of Islamic Studies*, vol. 8, № 1, p. 98—105, <https://doi.org/10.7146/tifo.v8i1.25324>
9. Slivkina, V. A. 2023, The problem of muslim immigrants' integration in Italy and Finland, *Pushkin Leningrad State University Journal*, № 3, p. 214—227, https://doi.org/10.35231/1818665_3_2023_3_214
10. Wilson, E. K., Mavelli, L. 2019, The refugee crisis and religion: an overview, in: Petersen, M. J., Jensen, S. B. (eds.), *Faith in the system? Religion in the (Danish) asylum system*, Aalborg Universitetsforlag, p. 19—25.
11. Pronina, T., Talalaeva, E. 2023, Migration and Religion: Main Areas of Research, *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*, vol. 41, № 2, p. 7—29, <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2023-41-2-7-29>
12. Virkkunen, J., Gadzhimuradova, G. 2018, Migration, extremism and terrorist threat in Finland, *Sovremennaya Evropa*, № 5, p. 131—141, <https://doi.org/10.15211/soveurope52018131141>
13. Korpela, M. 2024, 'Where Should the Orthodox Christian Go?' Distinctions Based on Religion and Language in a Finnish International School, *Nordic Journal of Migration Research*, vol. 14, № 4, <https://doi.org/10.33134/njmr.607>
14. Zacheus, T., Kalalahti, M., Varjo, J., Saarinen, M., Jahnukainen, M., Mäkelä, M.-L., Kivirauma, J. 2019, Discrimination, Harassment and Racism in Finnish Lower Secondary Schools, *Nordic Journal of Migration Research*, vol. 9, № 1, p. 81—98, <https://doi.org/10.2478/njmr-2019-0004>
15. Bodström, E. 2020, 'Because Migri Says So': Legitimation in Negative Asylum Decisions in Finland, *Nordic Journal of Migration Research*, vol. 10, № 2, p. 5—19, <https://doi.org/10.33134/njmr.134>
16. Pirkkalainen, P., Näre, L., Lyytinen, E. 2022, 'I do not trust any of them anymore': Institutional distrust and corrective practices in pro-asylum activism in Finland, *Current Sociology*, vol. 72, № 3, <https://doi.org/10.1177/00113921221129313>
17. Horsti, K., Pirkkalainen, P. 2023, Emotions and Affect in Deportation: The Transformative Power of Social Relationships, *Nordic Journal of Migration Research*, vol. 13, № 3, <https://doi.org/10.33134/njmr.714>
18. Shlapeko, E. A., Kondrateva, S. V. 2021, Migration as a National Security Challenge: Problems of Asylum Seekers' Adaptation (A Case of Tornio, Finland), *Tomsk State University Journal*, № 466, p. 150—157, <https://doi.org/10.17223/15617793/466/18>
19. Näre, L. 2020, 'Finland kills with a pen' — asylum seekers' protest against bureaucratic violence as politics of human rights, *Citizenship Studies*, vol. 24, № 8, p. 979—993, <https://doi.org/10.1080/13621025.2020.1769559>

20. Gadd, K., Al-Jouranj, H., Pirjatanniemi, E. 2022, Maasta poistamisen oikeudelliset edellytykset ja irakilaisten kokemukset paluusta Irakiin, in: Pirkkalainen, P., Lyytinen, E. (eds.), *Suomesta poistetut: Näkökulmia karkotuksiin ja kääntymyksiin*, Vastapaino, p. 247–270, <https://doi.org/10.58181/VP9789517689960>
21. Horsti, K., Pirkkalainen, P. 2023, Deportability of Christian Converts and the Controversy Over Faith in Finland, *Nordic Journal of Migration Research*, vol. 13, №4, <https://doi.org/10.33134/njmr.586>
22. Miller, D., Johnstone, P. 2015, Believers in Christ from a Muslim Background: A Global Census, *Interdisciplinary Journal of Research on Religion*, vol. 11, 10.
23. Marti, G. 2016. 'I Was a Muslim, But Now I Am a Christian': Preaching, Legitimation, and Identity Management in a Southern Evangelical Church, *Journal for the Scientific Study of Religion*, vol. 55, №2, p. 250–270, <https://doi.org/10.1111/jssr.12261>
24. Stene, N., 2020, Leaving Islam for Christianity: Asylum Seeker Converts, *Handbook of Leaving Religion*, in: Enstedt, D., Larsson, G., Mantsinen, T. (eds.), *Handbook of Leaving Religion*, Brill, p. 210–219, https://doi.org/10.1163/9789004331471_018
25. Ahonen, T. 2020, Bound to hospitality: An asymmetry of power in the Finnish church asylum movement, *Approaching Religion*, vol. 10, №2, p. 158–170, <https://doi.org/10.30664/ar.92097>
26. Sakki, I., Pettersson, K. 2018, Managing stake and accountability in Prime Ministers' accounts of the "refugee crisis": A longitudinal analysis, *Journal of Community and Applied Social Psychology*, vol. 28, №6, p. 406–429, <https://doi.org/10.1002/casp.2358>
27. Crawley, H., Skleparis, D. 2018, Refugees, migrants, neither, both: categorical fetishism and the politics of bounding in Europe's 'migration crisis', *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 44, №1, p. 48–64, <https://doi.org/10.1080/1369183X.2017.1348224>
28. Talalaeva, E. Yu., Pronina, T. S. 2024. Models for countering the segregation of ethnoreligious immigrant areas in Denmark and Sweden, *Baltic Region*, vol. 16, №1, p. 81–99, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-1-5>
29. Horsti, K., Saresma, T. 2021, The role of social media in the rise of right-wing populism in Finland, in: Tumber, H., Waisbord, S. (eds.), *The Routledge Companion to Media Disinformation and Populism*, Routledge.

The authors

Dr Ekaterina Yu. Talalaeva, Research Fellow, Centre for Religious and Ethnopolitical Studies, Pushkin Leningrad State University, Russia; Associate Professor, Department of Political Science, Sociology and International Relations, Derzhavin Tambov State University, Russia.

E-mail: aikatarin@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6007-5202>

Prof Tatiana S. Pronina, Senior Researcher, Centre for Religious and Ethnopolitical Studies, Pushkin Leningrad State University, Russia.

E-mail: tania_pronina@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8902-9154>

«ПОЧЕМУ ВОСТОЧНЫЕ НЕМЦЫ ЛЮБЯТ РУССКИХ»: ПРИЧИНЫ БОЛЬШЕЙ СИМПАТИИ К РОССИИ В НОВЫХ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ЗЕМЛЯХ ФРГ

М. В. Хорольская

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН, 117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, 23

Поступила в редакцию 09.07.2024 г.
Принята к публикации 21.10.2024 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2025-1-6
© Хорольская М. В., 2025

Несмотря на то что объединение Германии состоялось более 30 лет назад, взгляд населения восточных и западных земель на внешнюю политику все еще различается. В данной статье рассматриваются причины и предпосылки большей симпатии к России в восточной части ФРГ. В работе рассматривается вопрос влияния политической культуры восточных немцев и торговых связей РФ и новых федеральных земель на отношение к Москве. На основе архивных материалов, периодических изданий ГДР, социальных опросов и интервью автор проверяет гипотезу, что причины большей симпатии восточных немцев к России были заложены в совместном прошлом СССР и Восточной Германии. Распространение в ГДР русского языка и культуры, а также ограниченные контакты граждан двух стран сделали Советский Союз, а позднее и Россию менее чуждой и более понятной страной. При этом Москва и Восточный Берлин предпочитали избегать болезненных вопросов, которые могли подорвать двусторонние отношения стран. Автор также сравнивает особенности формирования политики памяти объединенной Германии и ряда других стран Варшавского договора. В связи с тем что ГДР, став частью единой страны, автоматически вступила и в западные структуры, объединенная Германия не обращалась к критике СССР и России для утверждения своей европейской идентичности.

Ключевые слова:

Россия, СССР, Германия, ГДР, восточные немцы, российско-германские отношения, политика памяти, примирение

Введение

Объединение Германии состоялось более 30 лет назад, однако новые федеральные земли (НФЗ), территория бывшей ГДР, все еще отличаются от старых. На востоке страны по-прежнему ниже средние зарплаты и пенсии, а также производительность труда. Ряд немецких исследователей и политиков были обеспокоены вопросом о сохранении различий в политической культуре и недостаточной укорененности демократических ценностей на этой территории [1, р. 258]. Подобные беспокойства вспыхнули с новой силой с ростом популярности в НФЗ правопопулистской «Альтернативы для Германии» [2].

Для цитирования: Хорольская М. В. «Почему восточные немцы любят русских»: причины большей симпатии к России в новых федеральных землях ФРГ // Балтийский регион. 2025. Т. 17, № 1. С. 99–116. doi: 10.5922/2079-8555-2025-1-6

Общественные деятели с некоторыми опасениями отмечают еще одну отличительную черту восточных немцев. Граждане бывшей ГДР иначе оценивают внешнюю политику Германии, в том числе ее отношения с другими странами. Причем различия в оценках отсылают нас к расколу времен холодной войны. Осси (немецкое неформальное обозначение граждан бывшей ГДР, в то время как весси — обозначение западных немцев) критичнее относятся к политике США и блока НАТО. Например, в 1999 г. только 36 % респондентов на востоке Германии и 94 % на западе одобрили действия Североатлантического альянса в Косовской войне 1999 г. [3, с. 95—96]. Согласно опросам 2021 г., 60 % восточных немцев и только 32 % западных считали, что Германия должна стать более независимой от Вашингтона¹.

Одновременно восточные немцы высказывали большие симпатии к России. Согласно опросам Körber-Stiftung 2019 г., 43 % населения в старых федеральных землях полагали, что для страны важнее тесные отношения с США, и только 21 % поддерживали сотрудничество с Россией. В новых землях, напротив, лишь 23 % опрошенных соглашались со значимостью трансатлантических связей, а для 38 % приоритетом было германо-российское взаимодействие².

Даже после начала в 2022 г. конфликта на Украине, резкого ухудшения отношений Москвы и Берлина и снижения доверия немцев к РФ, население восточных земель по-прежнему проявляло больше понимания по отношению к России, а также в меньшей степени поддерживало политику санкций и военную помощь Украине, чем жители запада страны³. В частности, 47 % западных немцев и 70 % восточных выступили против поставок Киеву ракет «Таврус»⁴. В 2024 г. в старых федеральных землях 33 % респондентов называли военную помощь Украине чрезмерной, а 22 % полагали, что она недостаточна. В новых федеральных землях 47 % опрошенных сочли военные поставки чрезмерными, а 15 % недостаточными. Охарактеризовали антироссийские санкции как недостаточные 45 % западных немцев и 34 % восточных, в то время как 17 % респондентов из старых земель и 27 % из новых сочли их чрезмерными⁵.

¹ Forsa-Umfrage: Ostdeutsche fühlen sich Russland deutlich näher, Westdeutsche den USA, RND, 16.07.2021, URL: <https://www.rnd.de/politik/forsa-umfrage-ostdeutsche-fuehlen-sich-russland-deutlich-naeher-westdeutsche-den-usa-HMUGK6VO6BADTCBKZM6ZY4GANU.html> (дата обращения: 07.07.2024).

² Germany and the United States: Reliable Allies, Pew Research Centre, 07.05.2015, URL: <https://www.pewresearch.org/global/2015/05/07/germany-and-the-united-states-reliable-allies/> (дата обращения: 07.07.2024).

³ Russland-Bild der Deutschen, *Infratest dimap*, 2022, URL: <https://www.infratest-dimap.de/umfragen-analysen/bundesweit/umfragen/aktuell/russland-bild-der-deutschen/> (дата обращения: 07.07.2024); Keine Mehrheit für mehr Waffenlieferungen, *Tagesschau*, 05.01.2023, URL: <https://www.tagesschau.de/inland/deutschlandtrend/deutschlandtrend-3255.html> (дата обращения: 07.07.2024).

⁴ Zurückhaltung bei möglicher Lieferung von Taurus-Marschflugkörpern an die Ukraine, *Infratest dimap*, 2023, URL: <https://www.infratest-dimap.de/umfragen-analysen/bundesweit/umfragen/aktuell/zurueckhaltung-bei-moeglicher-lieferung-von-taurus-marschflugkoerpern-an-die-ukraine/> (дата обращения: 07.07.2024).

⁵ Umfrage zeigt, wie Ost- und Westdeutsche ticken — drei Ergebnisse alarmieren, *Focus online*, 22.08.2024, URL: https://www.focus.de/politik/deutschland/krieg-und-inflation-bereiten-sorgen-umfrage-zeigt-wie-ost-und-westdeutsche-ticken-drei-aussagen-alarmieren_id_260245479.html (дата обращения: 05.09.2024).

Различия методик опросов не позволяют проанализировать то, как начиная с 1990 г. менялось восприятие восточными немцами Москвы. Однако мы можем заключить, что для всех них характерна одна закономерность — восточные немцы проявляли большее понимание и меньший страх перед Россией¹.

Особенностям политической культуры восточных немцев посвящено большое количество глубоких научных исследований [5, р. 383; 6, р. 281; 7]. При этом тексты (в основном публицистические), анализирующие особое отношение осси к внешней политике и особенно к России, представляются менее беспристрастными. Во-первых, симпатия восточных немцев к Москве рассматривается как аномалия, черта, требующая тщательного изучения. Даже до конфликта на Украине было трудно представить статьи с названиями «Почему западные немцы относятся к России хуже, чем восточные» или «Почему западные немцы так любят американцев»². Восприятие населения старых земель воспринимается как норма, все, что от нее отклоняется, — как аномалия. Во-вторых, статьи и исследования не рассматривают симпатии восточных немцев к России как положительное явление или как особенность, которую можно использовать для улучшения российско-немецких отношений. Подобное восприятие началось до резкого осуждения взаимоотношений с Россией и боевых действий на Украине. В-третьих, восточные немцы в текстах выступают объектом — исследования и политического образования³. В-четвертых, даже в научных работах происходит смешение симпатий восточных немцев к России, российской политической системе, российской политической элите [4].

В данной статье сделана попытка без каких-либо моральных оценок выявить предпосылки большей симпатии восточных немцев к России, для чего предлагается проверить несколько гипотез. Во-первых, можно ли объяснить более положительное отношение к Москве особой политической культурой осси или тесными экономическими связями РФ и НФЗ. Во-вторых, высказывается предположение, что существенные предпосылки для восприятия России могли быть сформированы в период взаимодействия ГДР и СССР, в связи с чем мы обращаемся к истории советско-германского примирения. В-третьих, чтобы понять, почему отношение восточных немцев к Москве отличается от восприятия РФ в ряде других стран Восточного блока, также рассматриваем особенности политики памяти в объединенной Германии. При этом опираемся на концепцию А. Ассманн и ее понимание коллективной памяти [8], а также на подход М. Хальбвакса, согласно которому личная память формируется в контексте коллективной [9]. Источниковой базой исследования служат взятые нами интервью, периодическая печать (восточногерманская газета «Neues Deutschland»), архивные документы, статистические данные и мате-

¹ Автор опирается на данные пяти восточных земель в связи с тем, что опросы часто не включают данные Берлина. За последние годы только Центр восточноевропейских и международных исследований (Zois) опубликовал исследование, согласно которому население Берлина меньше, чем жители восточных и западных земель, поддерживает связи с Москвой [4, р. 15]. Можно предположить, что на эти результаты повлияли данные Западного Берлина и миграция в столицу из других регионов.

² Reference to the article «Why are many East Germans mild towards Russia» Warum viele Ostdeutsche russlandmilde sind, *Spiegel*, 03.10.2022, URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/nach-putins-angriffskrieg-warum-viele-ostdeutsche-russlandmilde-sind-a-961d45a1-b648-4d8f-8292-04873df157cb?dicbo=v2-c29b19b7f695b7420efefb8a48f2243d> (дата обращения: 10.06.2024).

³ Russland ist Teil der ostdeutschen Identität, *Tagesschau*, 26.02.2023, URL: <https://www.tagesschau.de/inland/gesellschaft/ostdeutschland-ukraine-101.html> (дата обращения: 10.06.2024).

риалы опросов. Понимая ограниченность качественных подходов, полагаем, что в следующих исследованиях выводы данной статьи должны быть проверены социологическими методами.

«С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке»

Согласно первой гипотезе большая симпатия к России на востоке ФРГ связана с тесными экономическими связями между РФ и НФЗ. Для ее проверки используются данные двусторонней торговли до 2022 г., когда произошел резкий спад экономического взаимодействия.

Объем торговли частично подтверждает данное предположение. В период 2020—2021 гг. Россия была главным экспортером для двух восточных земель — Бранденбурга (на первом месте в 2021 и 2020 гг.) и Саксонии-Анхальт (на первом месте в 2021 г. и на втором в 2020 г.)¹.

В 2021 г. российские поставки в Саксонию-Анхальт (2,9 млрд евро) составляли 15 % от всего импорта в федеральную землю и значительно превосходили поставки других торговых партнеров², одновременно экспорт из Саксонии-Анхальт в Россию не был высок — 314 млн евро³. Основным продуктом российского импорта были углеводороды — нефть и газ. Через Саксонию-Анхальт проходит нефтепровод «Дружба», там же находится НПЗ в Лойне, обеспечивающий заправочные станции, домашние хозяйства и химическую индустрию в самой земле, а также в Тюрингии и Саксонии⁴.

В Бранденбурге в 2021 г. российские поставки (3,93 млрд евро) составили 19,2 %⁵. В землю также поступала российская нефть по нефтепроводу «Дружба», часть которой перерабатывалась на НФЗ в Шведте. Завод напрямую обеспечивал 1200 рабочих мест, а всего нефтеперерабатывающая промышленность на востоке страны создавала работу для 54 500 чел. и 160 предпринимателей в сфере химико-фармацевтической промышленности⁶.

Для остальных восточных земель Россия была важным, хотя и не основным торговым партнером. По данным 2020 г., РФ занимает 13-е место в списке импортеров и 12-е — экспортеров товаров из Мекленбурга-Передней Померании⁷. Именно в

¹ Расчеты автора по: Brandenburg, *OEC, World*, URL: https://oec.world/en/profile/subnational_deu/brandenburg (дата обращения: 30.04.2024); Saxony-Anhalt, *OEC, World*, URL: https://oec.world/en/profile/subnational_deu/saxony-anhalt (дата обращения: 30.04.2024).

² Расчеты автора по: Saxony-Anhalt, *OEC, World*, URL: https://oec.world/en/profile/subnational_deu/saxony-anhalt (дата обращения: 30.04.2024).

³ Wirtschaft und Verbraucher: So abhängig ist Sachsen-Anhalt von Russland, *MRD*, URL: <https://www.mdr.de/nachrichten/sachsen-anhalt/krieg-russland-sanktionen-folgen-wirtschaft100.html#sprung> (дата обращения: 30.04.2024).

⁴ Fortschrittsbericht Energiesicherheit, *Bundesministerium fuer Wirtschaft und Klimaschutz*, 25.03.2022, URL: https://www.bmwi.de/Redaktion/DE/Downloads/Energie/0325_fortschrittsbericht_energiesicherheit.pdf?__blob=publicationFile&v=14 (дата обращения: 30.04.2022).

⁵ Расчеты автора по Brandenburg: *OEC*, URL: https://oec.world/en/profile/subnational_deu/brandenburg (дата обращения: 30.04.2024).

⁶ Ukraine-Krieg: Ohne russisches Öl aus der «Druschba»-Pipeline — geht das?, *Merkur.de*, 25.03.2022, URL: <https://www.merkur.de/wirtschaft/ukraine-krieg-news-russisches-oel-druschba-pipeline-ende-zr-91434319.html> (дата обращения: 30.04.2024).

⁷ Statistische Berichte zum Thema Außenhandel, *Landesamt für innere Verwaltung Statistisches Amt*, URL: <https://www.laiv-mv.de/Statistik/Zahlen-und-Fakten/Gesamtwirtschaft-&-Umwelt/Aussenhandel/Statistische-Berichte> (дата обращения: 23.01.2025).

этой земле находится г. Грайфсвальд, который является конечной точкой газопроводов «Северный поток-1» и «Северный поток-2». В этой же земле располагается начальная точка магистральных газопроводов EUGAL и NEL, по которым газ доставлялся до границы с Чехией и на северо-запад ФРГ. В Тюрингии Россия в 2021 г. находилась на 15-м месте стран-экспортеров и на 30-м месте стран-импортеров¹. В Саксонии в 2020 г. Россия находилась на 20-м месте в списке экспортеров и на 29-м в списке импортеров².

Таким образом, экономическое сотрудничество может оказать влияние на восприятие России, но это не определяющий фактор. Мы не видим связи между восприятием РФ в Саксонии и Тюрингии и относительно невысоком месте страны в торговом балансе земель. В то же время США в 2021 г. занимали в Саксонии 4-е место в списке импортеров и 2-е в списке экспортеров³. Однако, несмотря на это, как было отмечено выше, отношения с Россией для восточных немцев кажутся более важными, чем трансатлантические связи.

Стена в головах: особенности политической культуры

В немецком общественном пространстве также высказывается предположение о том, что большие симпатии к России в новых федеральных землях связаны с особой политической культурой, общим опытом кризисов 1990-х гг., разочарованием в прозападными иллюзиями и ощущением себя гражданами второго сорта. Так, представитель парламентской группы Социал-демократической партии Германии (СДПГ) по культурной политике и бывший восточногерманский оппозиционер Ф. Рихтер писал: «Фатальная уверенность многих заключалась в том, что они принадлежат к жертвам, для которых вопросом чести является дать отпор»⁴. В таком случае поддержка Москвы видится проявлением борьбы за особую восточногерманскую идентичность. В данной статье представляется необходимым разделить предположения о том, что симпатии к РФ объясняются политической культурой, чему посвящен этот раздел, и представление о том, что корни этого явления нужно искать в прошлом ГДР.

Важным отличием восточногерманской политической культуры считается меньшая поддержка демократии. В связи с этим возникает предположение, что косвенно эта черта восточных немцев влияет на симпатию к России (которая в немецком дискурсе считается страной недемократической) и российским политическим элитам⁵.

¹ Russland und die Ukraine im Fokus — Außenhandel und Bevölkerung in Thüringen. Pressemitteilung 035/2022 vom 25. Februar 2022, Thüringer Landesamt für Statistik, URL: https://statistik.thueringen.de/presse/2022/pr_035_22.pdf (дата обращения: 30.04.2024).

² Расчеты автора по: Außenhandel, Statistisches Landesamt des Freistaates Sachsen, URL: https://www.statistik.sachsen.de/html/aussenhandel.html?_cp=%7B%22accordion-content-8029%22%3A%7B%22%22%3Atrue%2C%223%22%3Atrue%7D%2C%22previousOpen%22%3A%7B%22group%22%3A%22accordion-content-8029%22%2C%22idx%22%3A2%7D%7D (дата обращения: 30.04.2024).

³ Sachsens Außenhandel, *Wirtschaftsförderung Sachsen*, URL: <https://standort-sachsen.de/de/exeporteure/sachsens-aussenhandel> (дата обращения: 30.04.2024).

⁴ Warum viele Ostdeutsche russlandmilde sind, Spiegel, 03.10.2022, URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/nach-putins-angriffskrieg-warum-viele-ostdeutsche-russlandmilde-sind-a-961d45a1-b648-4d8f-8292-04873df157cb?dicbo=v2-c29b19b7f695b7420efefb8a48f2243d> (дата обращения: 04.10.2024).

⁵ Так, по опросам, в 2019 г. 33,8% восточных немцев и только 20,3% западных назвали В. В. Путина эффективным президентом [4, р. 11].

Представляется, что особенности политической культуры восточных немцев не могут быть основной причиной. Во-первых, данные опросов действительно свидетельствуют о том, что для жителей новых федеральных земель характерна меньшая поддержка демократии, но гораздо сильнее выражено недовольство осси тем, как демократия реализуется в ФРГ (по данным 2020 г., 59 % респондентов на западе и только 39 % на востоке удовлетворены немецкой политической системой)¹. Во-вторых, отношение к стране представляется более важным, чем восприятие ее политического режима. Так, после выборов в США 2016 г., когда немецкая пресса активно критиковала Д. Трампа за антидемократизм, консерватизм и т.п., американский союзник все равно пользовался большей поддержкой на западе, а не на востоке Германии².

При этом было бы неверным полностью отрицать влияние политической культуры. Для новых федеральных земель характерен также меньший уровень доверия СМИ. Соответственно, меньшая поддержка демократии, а также меньшее доверие к собственным средствам массовой информации могут привести к тому, что восточные немцы менее чувствительны к критике российской власти и российской политической системы, характерной для немецких медиа. Однако, как показывает пример с Д. Трампом, нечувствительности к критике со стороны СМИ недостаточно для симпатии к стране или ее лидеру.

«Учиться у Советского Союза — значит учиться побеждать»

Важной частью идеологии новообразованной Германской Демократической Республики стала советско-германская дружба. Социалистическая единая партия Германии (СЕПГ) 5 мая 1949 г. приняла резолюцию, обязывающую членов партии активно поддерживать дружбу с СССР [10, S. 77]. Дружба с Советским Союзом, а также с другими социалистическими странами была закреплена в конституциях ГДР 1968 и 1974 гг.³

Руководство СЕПГ всячески подчеркивало нерушимость советско-германских связей. Это было обусловлено тем, что поддержка СССР была гарантией существования молодой ГДР и ее социалистической системы. Но еще одним важным фактором было происхождение элиты нового государства, значительная часть которой имела сильные эмоциональные связи с Советским Союзом. Наиболее значимые фигуры страны в годы войны участвовали в организации антифашистского «Национального комитета “Свободная Германия”» на территории СССР (Вильгельм Пик, Вальтер Ульбрихт) или находились в заключении в Третьем Рейхе (Эрих Хонеккер, Хорст Зиндерман). Другие после бегства из нацистской Германии

¹ *Ostdeutschland. Ein neuer Blick. Bericht 2022*, 2022, Berlin, Der Beauftragte der Bundesregierung für Ostdeutschland, 92 S.

² В 2019 г. «Körber-Stiftung» сравнил значение союзнических отношений с США и Россией для жителей ФРГ: 43 % населения старых земель полагали, что для страны важнее близкие отношения с США, а 21 % — с Россией; в новых землях только 23 % высказались за США и 38 % за Россию (Poushter J., Mordecai M. Americans and Germans. Differ in Their Views of Each Other and the World. Differences especially stark on defense spending and security issues, Per Research Center, URL: <https://www.pewresearch.org/global/2020/03/09/americans-and-germans-differ-in-their-views-of-each-other-and-the-world/> (дата обращения: 20.11.2024).

³ *Verfassung der Deutschen Demokratischen Republik vom 9. April 1968*. Kap. 1. Art. 6. (2.), *Verfassungen der Welt*, URL: <https://www.verfassungen.de/ddr/verf68.htm> (дата обращения: 30.04.2022); *Verfassung der Deutschen Demokratischen Republik vom 9. April 1968 in der Fassung vom 7. Oktober 1974*. Kap. 1. Art. 6. (2.), *Verfassungen der Welt*, URL: <https://www.verfassungen.de/ddr/verf74.htm> (дата обращения: 30.04.2022).

учились в СССР (Эрих Мильке). Глава восточногерманской разведки Маркус Вольф провел в Советском Союзе детство и юность и среди старых друзей называл себя Мишей [11]. Интересен пример Вилли Штофа и Ханса Модрова, попавших в советский плен, но после обучения в антифашистской школе ставших искренними коммунистами¹ [12, S. 36—45]. Количественные данные о членах в ЦК СЕПГ дают схожую картину. В 1954 г. большую часть состава Центрального комитета составляли «старые коммунисты», 20 % членов ЦК и 6 % кандидатов в 1939—1945 гг. были в эмиграции в СССР, в том числе работали в комитете «Свободная Германия» [13, S. 175]. Связи с СССР подкреплялись образованием — 24 % членов и 9 % кандидатов проходили обучение в Советском Союзе до 1945 г. и 6,6 % членов и 11 % кандидатов — после [13, S. 176].

Проводниками советской культуры и советско-германской дружбы должны были стать общественные объединения. В 1946 г. по решению Совета министров СССР в Берлине был открыт Дом культуры Советского Союза, в котором действовала библиотека, проводились выставки, лекции, был открыт собственный театр². Для того чтобы снизить антисоветские настроения немецкого населения, в 1947 г. появились региональные и центральное общества по изучению советской культуры. Через два года было решено переименовать малочисленные объединения в «Общество германо-советской дружбы» (ОГСД) и превратить его в массовую организацию. ОГСД организовывало публичные лекции и дискуссии на политико-идеологические темы, литературные вечера, концерты, кинопоказы, выступления ансамблей, в его ведение перешли дома культуры, ранее принадлежащие Советской военной администрации в Германии³. Численность новой организации постоянно росла. К середине 1980-х гг. количество членов превышало 6 млн, но обратной стороной увеличения числа вступивших становился формальный характер членства. Большая доля участников не была задействована в мероприятиях ОГСД и не платила членские взносы.

Близость с Советским Союзом подкреплялась распространением русского языка, который с 1951 г. стал первым иностранным языком для изучения в школах. Также активно распространялась советская культура: организацией «Дней дружбы и культуры СССР в ГДР», гастролями танцевальных и певческих ансамблей, кинопоказами⁴.

За 40 лет отношение граждан ГДР к СССР менялось. В первые годы после войны у восточных немцев были сильны антисоветские настроения. Люди критиковали советских солдат и политическую систему, культ Сталина, «Общество германо-советской дружбы». Так, одним из упреков в адрес пропагандистской деятельности Общества был следующий: «Почему так много плакатов и брошюр, когда у детей нет школьных тетрадей?» [10, S. 83—84]. Однако, по воспоминаниям, уже в начале 1970-х гг. восточные немцы не видели в советских гражданах врагов. ОГСД все еще вызывало раздражение части опрошенных, но в основном из-за своего «принудительного характера» и взносов [10, S. 25]. У некоторых граждан ГДР уже появились советские друзья.

Таким образом, лозунги «советско-германской дружбы», распространение советской культуры [14, с. 9—10] и языка заложили фундамент для контактов и сделали Советский Союз «знакомым» и «понятным» восточным немцам.

¹ Интервью автора с Хансом Модровым (10.03.2020).

² ГАРФ. Ф. Р-9493. Оп. 1. Д. 3. Л. 24; 17. ГАРФ. Ф. Р-9493. Оп. 1. Д. 2. Л. 10.

³ ГАРФ. Ф. Р-9576. Оп. 4. Д. 13 (1). Л. 1, 7, 34.

⁴ Neues Deutschland, 9 Mai, 1980.

Переосмысление прошлого

Интересно, что в риторике СССР и ГДР использовался лозунг советско-германской дружбы, однако оба народа никогда не говорили о примирении. При этом осмысление преступлений нацистского режима было одной из важнейших частей советско-восточногерманских и российско-германских отношений.

В официальной восточногерманской риторике одним из основных итогов Второй мировой войны было «освобождение страны Советским Союзом». В свою очередь, в первые послевоенные годы Москва последовательно вычеркивала этот тезис из официальных выступлений, говоря о победе над Германией. Все поменялось после образования ГДР как независимого государства, когда 7 мая 1950 г. в газете «Нойес Дойчланд» была опубликована телеграмма И. В. Сталина с поздравлением новой страны с Днем освобождения [15, р. 32]. Представители советских делегаций в своих официальных выступлениях также стали говорить об освобождении немцев как о важной цели Красной армии, даже если это не в полной мере соответствовало действительности 1945 г. Так, Михаил Егоров, водрузивший знамя победы на Рейхстаге, сказал в интервью «Нойес Дойчланд»: «Мы не только с нетерпением ждали скорейшего окончания войны, но и хотели, насколько это возможно быстро, освободить немецкий народ от ее ужасов»¹.

ГДР подчеркивала ведущую роль Советского Союза в победе и лидерство в социалистическом блоке. Однако постепенно в речах и публикациях все чаще стал появляться образ двух сил, сражающихся плечом к плечу практически на равных². Политическая элита ГДР все меньше хотела ограничивать себя ролью «благодарного ученика». При Э. Хонеккере Восточный Берлин праздновал День освобождения с той же символикой, что и День победы в Москве. Лидеры партии и государства принимали поздравления и пожелания представителей стран Организации Варшавского договора (ОВД)³, награждали советских ветеранов орденами Шарнхорста и «За заслуги перед Отечеством»⁴.

Элиты ГДР безоговорочно осудили преступления гитлеровского режима и, что важно, с самого начала признали зверства на территории СССР⁵, в то время как западногерманское руководство воздерживалось от последнего [14, с. 17]. С другой стороны, из официальной риторики восточногерманских элит постепенно исчезала проблема вины немецкого народа. Если в первое десятилетие после окончания войны еще обсуждалась ответственность восточных немцев за отсутствие сопротивления немецкому режиму, то позднее при Э. Хонеккере акцент в воспитании стал делаться не на чувстве ответственности или благодарности, а на гордости за принадлежность к антифашистскому государству⁶.

Важно не только то, о чем говорили в ГДР на официальном уровне, но и какие темы замалчивались. Во-первых, в Восточной Германии не допускалось публичное недовольство советскими действиями. В то время как в ФРГ активно обсуждались насилие советских солдат или страдания немецких военнопленных в СССР, в ГДР о светском плене и антифашистских школах говорили как о форме перевоспитания. Восточным немцам, высланным по итогам Второй мировой войны с территорий, переданных Польше, СССР и Чехословакии, запрещалось создавать объединения

¹ Er hisste die rote Fahne auf dem Reichstag, Neues Deutschland, 8 Mai, 1955.

² Neues Deutschland, 8 Mai, 1975 ; Neues Deutschland, 8 Mai, 1980.

³ Neues Deutschland, 8 Mai, 1975.

⁴ Neues Deutschland, 7 Mai, 1985.

⁵ Neues Deutschland, 7 Mai, 1950.

⁶ Интервью автора с Й. и Э. Райхами (13.12.2017).

«изгнанных» («Vertriebene») и культивировать память об изгнании [16, S. 151]. Конфликты между немецкими и советскими гражданами (включая военнослужащих Группы советских войск в Германии) замалчивались [10, S. 94]. Отказ от обсуждения сложных вопросов был спорным и жестоким решением для жертв, однако в данном случае это привело к тому, что болезненные и трагические моменты в отношениях стран не стали частью официальной коллективной памяти.

Таким образом, восточногерманские элиты, значительная часть которых состояла в антифашистском сопротивлении, сразу после окончания Великой Отечественной войны признали преступления гитлеровского режима против СССР. Советское руководство поддержало тезис ГДР о том, что итогом войны стало освобождение Восточной Германии. В данном случае руководство СССР проявило политический прагматизм, поддержав риторику СЕПГ. Восточногерманские элиты всегда дополняли тезис об освобождении немецкого народа утверждением о важности союза Восточного Берлина и Москвы. Сложные вопросы, связанные с военной и послевоенной историей, обеими сторонами не обсуждались.

«Люди между народами»

Кажется, что «советско-германская дружба» не может существовать без взаимодействия между обычными людьми. При этом в совместной истории ГДР и СССР парадоксально соединялись заверения в товариществе и ограниченные частные контакты. Взаимодействие граждан двух стран можно условно разделить на два типа: формализованное и свободное. К первому типу относятся контакты в группах по заранее утвержденной программе — официальные визиты и встречи, ко второму — общение обычных граждан, которое не могло быть подвергнуто контролю или цензуре.

В первый послевоенный период посещения Советского Союза были доступны лишь ограниченным группам элит — политикам, деятелям искусств. Представители партийного актива отправлялись в СССР для получения образования и повышения квалификации. С середины 1950-х гг. начинают организовываться визиты рабочих коллективов, тогда же появляется еще одна возможность посещения «братской страны» — туризм. При этом доля граждан, воспользовавшихся этой возможностью, была невысока. В 1956 г. СССР посетили только 3516 восточных немцев, в 1975 г. их число уже возросло до 143 тыс. чел., а в 1988 г. достигло 380 тыс. [17, с. 156]. Число советских граждан, посещавших ГДР, было примерно в 2—3 раза ниже [17, с. 156].

Туристические визиты были организованы согласно утвержденным программам. В зависимости от состава группы в обеих странах подбирались соответствующие маршруты: представителям сельскохозяйственной отрасли показывали колхозы¹, рабочим — близкие предприятия. Кроме этого советские группы посещали мемориальные места Великой Отечественной войны и истории коммунистического движения. Немецких туристов знакомили с объектами, связанными с историей партии, личностью Ленина, достижениями социалистического строя и в меньшей мере с культурой страны [18].

Программы визитов предполагали торжественные встречи и межкультурный диалог. В ГДР такие встречи организовывало ОГСД. Как и случае с рабочими делегациями, мероприятия происходили в официальной и очень дружеской об-

¹ ГАРФ Ф. Р-9612. Оп. 3. Д. 54. Л. 2.

становке, сопровождалась речами, тостами, художественными выступлениями. Организованность и управляемость данных встреч, с одной стороны, могла приводить к искусственности, а с другой — исключала какие-то серьезные конфликты.

Гораздо более свободными были контакты, сформированные в процессе совместной деятельности — учебы или работы. Именно они зачастую переходили в дружеские отношения. В частности, немецкие ученые, владевшие русским языком, с симпатией относились к советским коллегам и сохраняли с ними личные отношения и после исчезновения ГДР и СССР [10, S. 92]¹. Получение образования не может проходить исключительно под контролем или ограничиваться пропагандистскими лозунгами. Несмотря на то что и современники, и исследователи подтверждают тот факт, что среди советских и немецких учащихся были наблюдатели, на повседневную жизнь студентов это не оказывало существенного влияния [19, с. 76]².

Конечно, мы не можем распространять опыт студентов на всю ГДР. Во-первых, число восточных немцев, получивших образование в советских учебных заведениях, было невелико — с 1951 г. более 22 тыс. [20, с. 535]. Во-вторых, для отправки за границу отбирали мотивированных, успешных в учебе и благонадежных учащихся.

Советско-германские образовательные обмены внесли вклад в укрепление дружественных отношений между странами. Согласно опросам, граждане объединенной Германии, учившиеся ранее в СССР, по-прежнему сохраняют интерес к российской культуре и людям [21, S. 17]. Респонденты положительно оценивали свое обучение в СССР, причем важнейшим фактором стали именно человеческие контакты. Один из интервьюируемых среди прочего отметил, что за пять лет учебы никто из преподавателей или окружающих не напоминал им о войне и не обвинял в случившемся [21, S. 15]. Интересный факт, что положительным впечатлениям не помешало столкновение с социальной неблагоустроенностью общежитий, дефицитом, ограничением на поездки. Более того, в ряде интервью респонденты высоко ценили то, что не соответствовало официальному образу СССР, — политические дискуссии, возможность критически обсуждать некоторые лозунги и читать западную литературу [21, S. 12–13]. Советская молодежь, учившаяся в ГДР, делилась похожим опытом. В Восточной Германии их впечатлили студенческие дебаты, преподаватели, выражающие различные точки зрения, книги (в том числе Генриха Белля), доступ к западному телевидению и относительно высокий уровень потребления³.

Сложнее проанализировать влияние контактов между рядовыми немцами и располагавшимися в ГДР советскими войсками и медиками. Несмотря на то что взаимодействие жестко ограничивалось, неофициальные контакты все равно имели место. Часть подобных контактов оставляла хорошие впечатления [6, S. 26], но одновременно сохранились жалобы гражданского населения на нарушение закона советскими солдатами, что подрывало идею дружбы между народами⁴ [10, S. 94]. Воспоминания немецких солдат и офицеров о взаимодействии с советскими коллегами также разнились, хотя нельзя не упомянуть преимущественно теплые впечатления от контактов с советским гражданским населением [22; 23, S. 19–22].

¹ Интервью автора с Й. и Э. Райхами (13.12.2017).

² Интервью автора с д-ром полит. наук В. И. Васильевым (14.11.2022).

³ Интервью автора с д-ром полит. наук В. И. Васильевым (14.11.2022).

⁴ Bundesarchiv, DC 20/8970. S. 31–32.

Еще одним любопытным способом взаимодействия были письма как взрослых, так и школьников двух стран. Рабочие¹ и студенческие коллективы² с помощью ОСГД или посольств находили друзей по переписке в «братских странах». Школьники, особенно пионеры, отправляли в Клуб интернациональной дружбы или газету «Пионерская правда» просьбы поделиться адресом возможных друзей. Представляется, что для большинства школьников подобная переписка была вызвана искренним интересом или желанием «подтянуть иностранный язык». Согласимся с выводами А. Беловой, что друзья по переписке из СССР и ГДР становились друг для друга «своими другими», с одной стороны, находя параллели в пионерской жизни, с другой — рассказывая об «экзотической реальности». Обмен письмами также способствовал формированию у учащихся чувства симпатии друг к другу и опосредованно к странам [24, с. 230, 244].

Таким образом, хотя контакты между гражданами СССР и ГДР не были многочисленными, их значение не стоит недооценивать. Во-первых, даже организованные визиты и встречи создавали чувство знакомства, а контроль снижал риск конфликтов. Во-вторых, сформированные у обеих стран представления друг о друге как о развитых государствах, как о «своих», но одновременно экзотических «других» вызывали интерес и желание завязывать контакты. В-третьих, столкновение с реальностью, отличающейся от официальной картины, не привело к ухудшению отношений, напротив, именно те, кто имел возможность свободного взаимодействия с советскими гражданами, сохранили хорошее впечатление о стране.

Политика памяти в объединенной Германии: исключение, подтверждающее правило

Однако утверждение, что на положительное отношение восточных немцев к России повлияли контакты между ГДР и СССР, вызывает вопрос — почему мы не видим подобных симпатий к РФ во всех государствах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ). Ведь и в других странах Организации Варшавского договора (ОВД) существовали контакты с советскими гражданами, в школах изучался русский язык, распространялась русская культура [25, р. 20].

Предположим, что на разное отношение к России восточных немцев и, например, граждан Польши (оговоримся, что воспоминания населения стран Центральной и Восточной Европы, а также их отношение к РФ неоднородны) повлияло не только совместное прошлое, но и то, как оно вспоминается и оценивается. Как писал М. Хальбвакс, «чтобы воскресить в памяти собственное прошлое, человеку часто приходится обращаться к чужим воспоминаниям. Он полагается на опорные точки, существующие вне его и установленные обществом» [9, с. 8]. А поколения, родившиеся после 1980 г., в своем восприятии опираются на рассказы старших и образы, сформированные политикой памяти.

Политика памяти в Германии не уделяет большого внимания критическому переосмыслению взаимодействия СССР и ГДР, а также советскому влиянию на восточногерманские элиты, что, как представляется, связано с особенностями немецкой истории после 1990 г., отличающейся от опыта остальных стран ОВД.

Во-первых, после распада Восточного блока в постсоциалистических странах к власти пришли новые элиты. В преобладающем числе государств это были представители старой оппозиции, бывшие противниками собственных коммунистических правительств. Соответственно, данные элиты активно критиковали ком-

¹ ГАРФ Ф. Р-9576. Оп. 4 Д. 12 (1). Л. 65.

² ГАРФ Ф. Р-9576. Оп. 4 Д. 13 (1). Л. 29—30.

мунистическое прошлое и частично СССР. Например, президент Чехословакии и впоследствии Чехии В. Гавел, придя к власти, напрямую выстраивал идентичность новых элит как наследников реформаторов 1968 г. и даже поставил архитектора «Пражской весны» А. Дубчека на пост председателя федерального собрания [26, р. 25]. Россия присутствовала в его выступлениях как потенциальная угроза [27, р. 62]. В объединенной ФРГ во власти остались бывшие западногерманские элиты, далекие от борьбы с коммунистическими правительствами и СССР. Более того, Берлин не хотел антисоветской риторикой портить новые отношения с Москвой.

Во-вторых, некоторые драматичные события, связанные с отношениями стран ЦВЕ и СССР, стали важной частью политики памяти этих государств (например, «Пражская весна» в Чехии [28, р. 194] и «Варшавское восстание» в Польше). Семнадцатое июня, день выступления рабочих в 1953 г., подавленного с привлечением советских войск, был праздничным днем в Западной Германии (День германского единства), но после объединения страны был заменен на 3 октября. ФРГ не может кардинально пересматривать сформированную в социалистический период память о Второй мировой войне, а также обвинять СССР в оккупации ГДР¹. В частности, если в Чехии был возможен снос памятника маршалу Коневу, то в Германии подобное решение стало бы нарушением «Договора о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве» и «Соглашения об уходе за военными могилами», а кроме того, вызвало бы серьезное возмущение общественности и обвинения в реабилитации нацизма. Обвинения Советского Союза в оккупации Германии также расценивались бы как попытка нивелировать преступления национал-социализма.

В-третьих, сами события 1989—1990 гг. по-разному оцениваются в Восточной Германии и других странах Восточного блока. В исторической памяти стран ЦВЕ события мирных революций 1989 г. отображались как собственная победа над коммунистическими режимами, а впоследствии частично и над СССР [29, р. 162]. В ФРГ, напротив, преобладал взгляд, что мирная революция и объединение Германии стали возможными благодаря политике Горбачева. Канцлер Г. Коль в речи, посвященной десятилетию объединения страны, поблагодарил за восстановление единства страны советского лидера, а также американского президента и оппозиционеров в странах бывшего ОВД². Г. Шредер в 1999 г. сказал: «Мы воздаем должное тогдашнему советскому руководству Михаила Горбачева за то, что оно не стояло на пути стремления людей к свободе. Совсем напротив: политика реформ Горбачева способствовала этому развитию»³. А. Меркель 9 ноября 2014 г. назвала М. С. Горбачева в ряду лиц, внесших вклад в падение Берлинской стены⁴.

В-четвертых, войдя в состав единой Германии, ГДР автоматически вступила и в западные структуры — НАТО и ЕС. Соответственно, перед восточными нем-

¹ В Чехии 21 августа отмечается день ввода войск ОВД, который называется «Днем памяти жертв вторжения и последующей оккупации Чехословакии войсками государств Варшавского договора».

² Rede von Dr Helmut Kohl, Bundeskanzler a. D., *Deutscher Bundestag*, URL: <https://www.bundestag.de/parlament/geschichte/gastredner/gorbatschow/kohl-247410> (дата обращения: 04.10.2024).

³ Rede von Bundeskanzler Gerhard Schröder zum Tag der deutschen Einheit am 3. Oktober 1999 in Wiesbaden, *German Political Speeches Corpus and Visualization*, URL: <https://politische-reden.eu/BR/t/49.html> (дата обращения: 04.10.2024).

⁴ Rede von Bundeskanzlerin Merkel anlässlich der Eröffnung der neuen Dauerausstellung der Gedenkstätte Berliner Mauer am 9. November 2014, *Bunderegierung*, URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/rede-von-bundeskanzlerin-merkel-anlaesslich-der-eroeffnung-der-neuen-dauerausstellung-der-gedenkstaette-berliner-mauer-am-9-november-2014-415742> (дата обращения: 04.10.2024).

цами не стояла задача доказывать свою «европейскость». Для стран ЦВЕ присоединение к этим структурам стало задачей на ближайшее десятилетие. Европа была для них целью [30, р. 2], мифическим потерянным домом¹ [31]. Порой для доказательства своей «европейскости» они использовали образ России — антагонистичного Другого, оторвавшего центральные европейские страны от своих корней. Россия как угрожающий Другой присутствует уже в дискуссии интеллектуалов в 1980-х гг. [32, р. 200—207]. М. Кундера писал в своем эссе: «Что могло бы быть более чуждым Центральной Европе с ее страстью к разнообразию, нежели Россия: монолитная, централизованная, нацеленная на превращение всех наций, входящих в империю... в единый русский народ»². После «бархатных революций» 1989—1990 гг. уже политические силы могли выступать с просьбами о включении в западное сообщество, отмежевываясь от Востока, в первую очередь от России [32, р. 211—212] [33].

Таким образом, интеграция бывшей ГДР в единую Германию и западные сообщества определила отличия восточногерманской политики памяти. Соответственно, в НФЗ не было серьезной критики СССР и советско-германского прошлого, которая могла бы повлиять на восприятие России и русских.

* * *

Более положительное восприятие России в Восточной Германии — комплексный феномен, на который повлияли различные факторы. Экономические связи и особенности политической культуры внесли свой вклад в отношение к РФ, однако они не могут быть единственными определяющими обстоятельствами. Другой важнейшей причиной является совместная история.

Исторические связи — язык, распространение культуры, контакты, переписка — сделали СССР для восточных немцев «знакомым», а все знакомое становится менее страшным, чем неизведанное и далекое. Знакомого можно недолюбливать, но легче понимать и не бояться. Здесь уместно вспомнить слова восточногерманского политика М. Плацека: «Когда ты узнаешь русских поближе, это не значит, что ты начинаешь их любить, но у тебя складывается о них более реалистичное представление, у тебя исчезает иррациональный страх»³. Важно, что примирение стало возможным не столько благодаря, сколько вопреки пропагандистским лозунгам. Немцы, непосредственно общавшиеся с советскими гражданами, увидели, что СССР не похож на картинку из учебника русского языка, но сохранили симпатии к России и русским.

Другим фактором стало отсутствие в ГДР и у единой Германии серьезной критики СССР. У объединенной страны не было необходимости уделять большое внимание переосмыслению политики Москвы, а в Восточной Германии обвинения в адрес Советского Союза вообще были под запретом. СССР и ГДР не хотели поднимать сложных вопросов истории Второй мировой войны. «Замалчивание» бо-

¹ Havel, V., The Hope for Europe, an address in Aachen on May 15, 1996, The New York Review, June 20, 1996, URL: <https://www.nybooks.com/articles/1996/06/20/the-hope-for-europe> (дата обращения: 10.06.2024).

² Kundera, M., *The Tragedy of Central Europe*, The New York Review, 1984, URL: https://www.nybooks.com/articles/1984/04/26/the-tragedy-of-central-europe/?srsltid=AfmBOoqG6qlfzrd-FRq1_EQIysWa526pTHIvPkf10ReWgMLsXtVd-0uJR (дата обращения: 10.06.2024).

³ Die späte Liebe zum großen Bruder, *Spiegel*, URL: <https://www.spiegel.de/politik/die-ost-deutschen-und-russland-liebesgruesse-nach-moskau-a-00000000-0002-0001-0000-000166007141> (дата обращения: 04.10.2024); интервью автора с М. Платцеком (12.11.2019).

лезненных моментов, без сомнения, является спорным и жестоким решением, но оно привело к тому, что эти исторические сюжеты не стали частью коллективной памяти следующих поколений.

Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования Российской Федерации на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития № 075-15-2024-551 «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве».

Список литературы

1. Вайденфельд, В. 1998, Куда идут немцы? О морально-политическом будущем объединенной Германии, *Россия и Германия в Европе*, М., Памятники исторической мысли, с. 250—273.
2. Белинский, А. В., Хорольская, М. В. 2021, «Еще один кирпич в стене». К вопросу о причинах национализма в «новых» федеральных землях ФРГ, *Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика*, № 2, с. 87—125, <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2021-13-2-87-125>
3. Погорельская, С. В. 2001, Внутриполитические аспекты новой германской внешней политики, *Мировая экономика и международные отношения*, № 7, с. 91—100, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2001-7-91-100>
4. Sasse, S. 2020, Russland²: Russlandbilder in Ost- und Westdeutschland, *ZOiS Report*, № 5, 29 s.
5. Niedermeier, O. 2009, Bevölkerungseinstellungen zur Demokratie: Kein Grundkonsens zwischen Ost- und Westdeutschen, *Zeitschrift für Parlamentsfragen*, Heft 2, p. 383—397.
6. Campbell, R. 2015, Political Culture and the Legacy of Socialism in Unified Germany, *German Politics*, vol. 24, № 3, p. 271—291, <https://doi.org/10.1080/09644008.2015.1021793>
7. Pickel, G. 2015, Neue Entwicklungen der politischen Kultur. Politische Einstellungen im wiedervereinten Deutschland: Neue Krisenerscheinungen oder doch alles beim Alten?, in: Kneuer, M. (ed.), *Standortbestimmung Deutschlands: Innere Verfasstheit und internationale Verantwortung*, Baden-Baden, Nomos Verlagsgesellschaft, s. 155—194, doi.org/10.5771/9783845252841
8. Assmann, A. 2006, *Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik*, Munich, C. H. Beck, 2006, 320 s.
9. Хальбвакс, М. 2005, Коллективная и историческая память, *Неприкосновенный запас*, № 2, с. 8—27.
10. Behrends, Jan. C. 2003, *Sowjetische «Freunde» und fremde «Russen». Deutsche-Sowjetische Freundschaft zwischen Ideologie und Alltag (1949—1990)*, Potsdam, Dokserver des Zentrums für Zeithistorische Forschung, 98 s., <http://dx.doi.org/10.14765/zzf.dok.1.895>
11. Миша. *Жизнь Маркуса Вольфа, рассказанная им самим — в письмах и записках семье, друзьям, соратникам*, 2014, М., Международные Отношения, 288 с.
12. Modrow, H. 1998, *Ich wollte ein neues Deutschland*, Berlin, Dietz Verlag, 480 p.
13. Ludz, P. 1968, *Parteielite im Wandel. Funktionsaufbau, Sozialstruktur und Ideologie der SED-Führung Eine empirisch-systematische Untersuchung*, Wiesbaden, Springer Fachmedien, 438 p., <https://doi.org/10.1007/978-3-663-16268-1>
14. Филитов, А. М. 2015, Русские и немцы — трудный путь к примирению, *Электронный научно-образовательный журнал «История»*, т. 6, № 11.
15. Ульм, М. 2020, 8 мая в немецкой культуре памяти, *Не забудем, но простим? Образ войны в культуре и исторической памяти*, М., Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», с. 30—44.
16. Schwartz, M. 2008, Vertriebene im doppelten Deutschland. Integrations- und Erinnerungspolitik in der DDR und in der Bundesrepublik, *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*, Heft 1, s. 101—151, <https://doi.org/10.1524/vfzg.2008.0004>
17. Попов, А. Д. 2013, Экспорт советской модели выездного туризма: случай разделенной Германии, *Вестник Пермского университета. История*, № 3, с. 155—165. EDN: RSBJLN

18. Багдасарян, В. Э., Орлов, И. Б., Мазин, К. А., Федупин, А. А., Шнайден, Й. Й. 2007, *Советское зазеркалье. Иностраный туризм в СССР в 1930—1980-е годы*, М., Форум.

19. Нагорная, О. С. 2016, МГБ ГДР, восточногерманские студенты и «дружественное ведомство»: искушение и границы транснациональной «истории спецслужб» социалистического лагеря, *Исторический журнал: научные исследования*, № 1, с. 72—82, <https://doi.org/10.7256/2222-1972.2016.1.16541>

20. Нагорная, О. С. 2013, Восточногерманские студенты в СССР 1950—1960-х гг.: транснациональные пространства и социалистические «сети», *Исторический журнал: научные исследования*, № 5, с. 531—540.

21. Schubert-Lehnhardt, V., Wagner, A., 2021, «In der Sowjetunion lernen — und was dabei lernen?» *Lebenswege von DDR-Absolvent*innen sowjetischer ziviler Hochschulen*, Berlin, Rosa-Luxemburg-Stiftung, 21 s.

22. Vasin, V. A., Kryuchkov, A. A. 2021, Kulturelle Beziehungen zwischen DDR und UdSSR am Beispiel der Zusammenwirkung der NVA und Sowjetarmee, *Индустрия туризма: возможности, приоритеты, проблемы и перспективы*, ч. 2, М., МГУСиТ, с. 253—260. EDN: WAHAUA

23. Collmer, S., Meyer, G.-M., Schaffer, H. I. 1992, «Begegnung» Deutsch-Sowjetische Beziehungen im Spiegel der Wahrnehmungen von Offizieren der ehemaligen NVA, *SOWI-Arbeitspapier*, № 68, s. 19—22.

24. Белова, А. 2015, Интернациональная дружба по переписке как феномен повседневности школьников в социалистических обществах 1980-х годов (на примере ГДР и СССР), *Повседневная жизнь при социализме. Немецкие и российские подходы*, М., Политическая энциклопедия, с. 226—246. EDN: ZDSTVX

25. Mareš, M., Holzer, J., Šmíd, T. 2020, The Hybrid Campaign Concept and Contemporary Czech—Russian Relations, in: Holzer, J., Mareš, M. (eds.), *Czech Security Dilemma. New Security Challenges*, Palgrave Macmillan, Cham, https://doi.org/10.1007/978-3-030-20546-1_2

26. Kraus, M., Stranger, A. 2000, *Irreconcilable Differences — Explaining Czechoslovakias Dissolution*, Lanham, Rowman & Littlefield Publishers, Inc, 368 p.

27. Holzer, J., Jirušek, M., Kuchyňková, P. 2020, Russia as Viewed by the Main Czech Political Actors, in: Holzer, J., Mareš, M. (eds.), *Czech Security Dilemma. New Security Challenges*, Palgrave Macmillan, Cham, https://doi.org/10.1007/978-3-030-20546-1_3

28. Бочков, Д. А. 2020, It's very personal, или I don't care: Пражская весна между аффектом и дискурсом, *Сибирские исторические исследования*, № 1, с. 188—202, <https://doi.org/10.17223/2312461X/27/10>

29. Szvák, G. 2023, «Key Moments» in Hungarian Russophobia, *RussianStudiesHu*, № 2, p. 151—168, <https://doi.org/10.38210/RUSTUDH.2023.5.19>

30. Holzer, J., Mareš, M. 2020, Russia as a Czech Security Enigma: Introductory Remarks, in: Holzer, J., Mareš, M. (eds.), *Czech Security Dilemma. New Security Challenges*, Palgrave Macmillan, Cham, https://doi.org/10.1007/978-3-030-20546-1_1

31. Кертеc, И. 2004, *Язык в изгнании*, М., Три квадрата, 208 с.

32. Нойманн, И. Б. 2004, *Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей*, М., Новое издательство, 300 с.

33. Krausz, T. 2023, Remarks on the Nature of Modern Russo- and Sovietophobia, *RussianStudiesHu*, № 2, p. 137—150, <https://doi.org/10.38210/RUSTUDH.2023.5.18>

Об авторе

Мария Витальевна Хорольская, кандидат политических наук, научный сотрудник Отдела европейских политических исследований, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН, Россия.

E-mail: khorolskaja.marya@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1885-7729>

WHY DO EAST GERMANS FEEL AFFINITY TOWARDS RUSSIA: AN ANALYSIS OF ATTITUDES TO RUSSIA IN GERMANY'S EASTERN FEDERAL STATES

M. V. Khorolskaya

Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations of the Russian Academy of Sciences,
23 Profsoyuznaya St., Moscow, 117997, Russia

Received 09 July 2024
Accepted 21 October 2024
doi: 10.5922/2079-8555-2025-1-6
© Khorolskaya, M. V., 2025

Despite the reunification of Germany taking place more than 30 years ago, the Eastern and Western federal states still have different attitudes toward foreign policy. This article explores the reasons and prerequisites for greater understanding and lower awareness of Russia in the eastern part of Germany. The author examines the correlation between East Germans' perception of Moscow and their political culture, as well as the economic ties between the Russian Federation and the new federal states. Using archival materials, newspapers from the former German Democratic Republic, interviews, and social surveys, the author tests the hypothesis that sympathy toward Russia in East Germany may be rooted in the shared history of the GDR and the USSR. The steady dissemination of Soviet culture and the Russian language, along with various personal and institutional contacts, made Russia seem less foreign and more familiar. Furthermore, both the GDR and the USSR avoided raising difficult questions about World War II that could have complicated mutual relations. The study also identifies differences between memory politics in Germany and in several other former Eastern Bloc countries, which have influenced perceptions of Russia. Due to the nature of reunification and the rapid integration into Western organizations, reunified Germany did not construct the image of Russia as an antagonistic 'Other' to affirm its European identity.

Keywords:

Russia, USSR, Germany, GDR, East Germany, East Germans, Russian-German relations, political culture, politics of memory, The Society for German-Soviet Friendship

References

1. Weidenfeld, W. 1998, Where are the Germans going? On the moral and political future of the reunited Germany, *Russia and Germany in Europe*, Moscow, Pamjatniki istoricheskoi mysli, p. 250—273.
2. Belinskii, A. V., Khorolskaya, M. V. 2021, 'Another brick in the wall'. On the origins of nationalism in the 'new' federal states of Germany, *Moscow University Bulletin of World Politics*, vol. 13, № 2, p. 87—125, <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2021-13-2-87-125>
3. Pogorelskaya, S. 2001, Domestic Political Aspects of New German Foreign Policy, *World Economy and International Relations*, № 7, p. 91—100, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2001-7-91-100>

To cite this article: : Khorolskaya, M. V. 2025, Why do East Germans feel affinity towards Russia: an analysis of attitudes to Russia in Germany's Eastern federal states, *Baltic Region*, vol. 17, № 1, p. 99—116.
doi: 10.5922/2079-8555-2025-1-6

4. Sasse, S. 2020, Russland²: Russlandbilder in Ost- und Westdeutschland, *ZOiS Report*, № 5, 29 s.
5. Niedermeier, O. 2009, Bevölkerungseinstellungen zur Demokratie: Kein Grundkonsens zwischen Ost- und Westdeutschen, *Zeitschrift für Parlamentsfragen*, Heft 2, p. 383—397.
6. Campbell, R. 2015, Political Culture and the Legacy of Socialism in Unified Germany, *German Politics*, vol. 24, № 3, p. 271—291, <https://doi.org/10.1080/09644008.2015.1021793>
7. Pickel, G. 2015, Neue Entwicklungen der politischen Kultur. Politische Einstellungen im wiedervereinigten Deutschland: Neue Krisenerscheinungen oder doch alles beim Alten?, in: Kneuer, M. (ed.), *Standortbestimmung Deutschlands: Innere Verfasstheit und internationale Verantwortung*, Baden-Baden, Nomos Verlagsgesellschaft, s. 155—194, doi.org/10.5771/9783845252841
8. Assmann, A. 2006, *Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik*, Munich, C. H. Beck, 2006, 320 s.
9. Halbwachs, M. 2005, Historical Memory and Collective Memory, *Emergency Reserve*, № 2, p. 8—27.
10. Behrends, Jan. C. 2003, *Sowjetische «Freunde» und fremde «Russen». Deutsche-Sowjetische Freundschaft zwischen Ideologie und Alltag (1949—1990)*, Potsdam, Dokserver des Zentrums für Zeithistorische Forschung, 98 s., <http://dx.doi.org/10.14765/zzf.dok.1.895>
11. Misha. The life of Markus Wolf, told by himself — in letters and notes to family, friends, comrades-in-arms, Moscow, International Relations Publisher, 288 p.
12. Modrow, H. 1998, *Ich wollte ein neues Deutschland*, Berlin, Dietz Verlag, 480 p.
13. Ludz, P. 1968, *Parteilite im Wandel. Funktionsaufbau, Sozialstruktur und Ideologie der SED-Führung Eine empirisch-systematische Untersuchung*, Wiesbaden, Springer Fachmedien, 438 p., <https://doi.org/10.1007/978-3-663-16268-1>
14. Filitov, A. M. 2015, Russians and the Germans: A Difficult Road Towards Reconciliation, *Istoriya*, vol. 6, № 11.
15. Ul, M. 2020, The 8 of May in the German culture of memory, *Forgive but Not Forget? The Image of War in Culture and Historical Memory*, Moscow, Fond razvitija i podderzhki Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valdaj», p. 30—44.
16. Schwartz, M. 2008, Vertriebene im doppelten Deutschland. Integrations- und Erinnerungspolitik in der DDR und in der Bundesrepublik, *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*, Heft 1, s. 101—151, <https://doi.org/10.1524/vfzg.2008.0004>
17. Popov, A. D. 2013, The export of the soviet model of outgoing tourism: on the example of separated Germany, *Perm University Herald. History*, № 3, p. 155—165. EDN: RSBJLN
18. Bagdasarjan, V. Je., Orlov, I. B., Mazin, K. A., Fedulin, A. A., Shnajdgen, J. J. 2007, *Soviet through the Looking-Glass. Foreign tourism in the USSR in the 1930s—1980s*, Moscow, FORUM.
19. Nagornaja, O. S. 2016, MSS GDR, East German students and the «friendly department»: temptations and boundaries of the transnational socialist «history of the intelligent services», *Historical Journal: Academic Research*, № 1, p. 72—82, <https://doi.org/10.7256/2222-1972.2016.1.16541>
20. Nagornaja, O. S. 2013, East German students in the USSR 1950—1960s: transnational areas and socialist «networks», *Historical Journal: Academic Research*, № 5, p. 531—540.
21. Schubert-Lehnhardt, V., Wagner, A. 2021, «In der Sowjetunion lernen — und was dabei lernen?» *Lebenswege von DDR-Absolvent*innen sowjetischer ziviler Hochschulen*, Berlin, Rosa-Luxemburg-Stiftung, 21 s.
22. Vasin, V. A., Kryuchkov, A. A. 2021, Kulturelle Beziehungen zwischen DDR und UdSSR am Beispiel der Zusammenwirkung der NVA und Sowjetarmee, *Tourism industry: Opportunities, Priorities, Problems, and Prospects*, Part 2, Moscow, MGUSiT, p. 253—260. EDN: WAHAUA
23. Collmer, S., Meyer, G.-M., Schaffer, H. I. 1992, «Begegnung» Deutsch-Sowjetische Beziehungen im Spiegel der Wahrnehmungen von Offizieren der ehemaligen NVA, *SOWI-Arbeitspapier*, № 68, s. 19—22.
24. Belova, A. 2015, International pen pal friendship as a phenomenon of schoolgirls' everyday life in socialist societies of the 1980s (case of the GDR and the USSR), *Everyday life in socialism. German and Russian approaches*, Moscow, Politicheskaja jenciklopedija, p. 226—246. EDN: ZDSTVX

25. Mareš, M., Holzer, J., Šmíd, T. 2020, The Hybrid Campaign Concept and Contemporary Czech–Russian Relations, in: Holzer, J., Mareš, M. (eds.), *Czech Security Dilemma. New Security Challenges*, Palgrave Macmillan, Cham, https://doi.org/10.1007/978-3-030-20546-1_2
26. Kraus, M., Stranger, A. 2000, *Irreconcilable Differences — Explaining Czechoslovakias Dissolution*, Lanham, Rowman & Littlefield Publishers, Inc, 368 p.
27. Holzer, J., Jirušek, M., Kuchyňková, P. 2020, Russia as Viewed by the Main Czech Political Actors, in: Holzer, J., Mareš, M. (eds.), *Czech Security Dilemma. New Security Challenges*, Palgrave Macmillan, Cham, https://doi.org/10.1007/978-3-030-20546-1_3
28. Bochkov, D.A. 2020, It's very personal, or I don't really care: The Prague Spring between affect and discourse, *Siberian historical research*, №1, p. 188—202, <https://doi.org/10.17223/2312461X/27/10>
29. Szvák, G. 2023, «Key Moments» in Hungarian Russophobia, *RussianStudiesHu*, №2, p. 151—168, <https://doi.org/10.38210/RUSTUDH.2023.5.19>
30. Holzer, J., Mareš, M. 2020, Russia as a Czech Security Enigma: Introductory Remarks, in: Holzer, J., Mareš, M. (eds.), *Czech Security Dilemma. New Security Challenges*, Palgrave Macmillan, Cham, https://doi.org/10.1007/978-3-030-20546-1_1
31. Kertesz, I. 2004, *The language of exile*, Moscow, Tri kvadrata, 208 p.
32. Neumann, I.B. 1999, *Uses of the Other: "The East" in European Identity Formation*, University of Minnesota Press, 304 p.
33. Krausz, T. 2023, Remarks on the Nature of Modern Russo- and Sovietophobia, *RussianStudiesHu*, №2, p. 137—150, <https://doi.org/10.38210/RUSTUDH.2023.5.18>

The author

Dr Maria V. Khorolskaya, Research Fellow, Department of European Political Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: khorolskaja.marya@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1885-7729>

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution – Noncommercial – No Derivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CC BY-NC-ND 4.0)

АНАЛИЗ КОНВЕРГЕНЦИИ ЦИФРОВОГО НЕРАВЕНСТВА СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

А. А. Курилова

Тольяттинский государственный университет,
445020, Самарская область, Тольятти, ул. Белорусская, 14

Поступила в редакцию 09.02.2024 г.

Принята к публикации 08.10.2024 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2025-1-7

© Курилова А. А., 2025

В современных информационных обществах явление цифрового неравенства среди населения стало серьезной проблемой, влияющей как на социальный, так и на экономический прогресс. Цель данного исследования — изучение динамики цифрового неравенства в 79 регионах России в период с 2014 по 2021 г. с акцентом на доступ населения к информационно-коммуникационным технологиям. Анализ дисперсий и соответствующих индексов позволяет сделать вывод о сходимости и единообразии в достижении показателей цифрового неравенства населением российских регионов за исследуемый период. Примечательно, что в течение 2014–2021 гг. показатели цифрового неравенства в разных регионах были относительно однородными. Общая тенденция к уменьшению разброса предполагает более стабильную и единообразную динамику показателей по регионам, что свидетельствует о большей стабильности и сходстве траекторий регионального развития. Дисперсионные диаграммы Морана, рассчитанные как для 2014, так и для 2021 г., помогли определить региональные переходы между квадрантами, выявив сдвиги в тенденции к снижению цифрового неравенства среди российских регионов. Регионы, изначально отличавшиеся более низким уровнем развития Интернета, в последующие годы постепенно продвигались в более высокие квадранты диаграммы Морана, что свидетельствует о процессе конвергенции, при котором данные регионы начинают сокращать разрыв с регионами, имеющими более высокий уровень развития Интернета, или даже превосходить их. Это повышение свидетельствует об эффективности правительственных мер и политики, способствующих развитию инфраструктуры Интернета и технологической интеграции в регионах.

Ключевые слова:

цифровое неравенство, Интернет, конвергенция, цифровые технологии, цифровая экономика, регионы России, цифровой разрыв, эконометрическое моделирование

Введение

Экономическое развитие российских регионов довольно неравномерно из-за расстояний, климатических поясов, исторических различий и т.д. Между российскими регионами существуют значительные различия в доступности цифровых

Для цитирования: Курилова А. А. Анализ конвергенции цифрового неравенства среди населения регионов России // Балтийский регион. 2025. Т. 17, № 1. С. 117–140. doi: 10.5922/2079-8555-2025-1-7

технологий для домашних хозяйств. В цифровом обществе доступ к информационно-коммуникационным технологиям становится все более важным для образования, работы, медицинского обслуживания и участия в общественной жизни. Однако не все имеют равный доступ к этим технологиям в силу финансовых, географических или социокультурных причин. Цифровое неравенство может стать препятствием для экономического развития. Оно приводит к тому, что определенные группы людей имеют ограниченный доступ к важной информации, ресурсам и возможностям, что может ограничить их шансы на самореализацию и участие в общественной жизни.

Создание современной цифровой экономики является важнейшим этапом экономического развития России и ее территорий. Цифровизация социально-экономических процессов существенно расширяет возможности бизнеса, отдельных граждан и государства в целом [1]. Лидерство в области доступности цифровых технологий может стимулировать трансформационные изменения, позволяя рассматривать города с точки зрения цифровой инклюзивности и равенства, тем самым способствуя созданию безбарьерной цифровой городской среды [2]. Цифровой разрыв в современных обществах влияет на усилия по цифровизации государства всеобщего благосостояния [3]. Цифровой разрыв — серьезная проблема для местных органов власти, поскольку они стремятся обеспечить справедливый и инклюзивный доступ к адекватным государственным услугам для всего сообщества [4].

Несмотря на возрастающую роль и значение цифровизации на современном этапе развития мировой экономики, проблема цифрового неравенства также становится все более острой [5].

Цифровой разрыв обычно определяется как различия между людьми в уровне доступа к информационно-коммуникационным технологиям, таким как компьютеры и Интернет. Иногда он связан с использованием мобильных телефонов, особенно смартфонов, и другого цифрового оборудования и программного обеспечения.

Цифровой разрыв стал актуальной темой в начале 1990-х гг. с ростом доступа к Интернету и персональным компьютерам [6]. Первоначальный подход к проблеме был упрощенным, с упором на бинарное различие между теми, кто подключен к Интернету, и теми, у кого его нет [7]. Люди, имеющие доступ к Интернету, воспринимались как находящиеся в более невыгодном положении [8]. Этот тип цифрового неравенства называется неравенством первого уровня, и он будет рассмотрен в настоящем исследовании.

Изучение различных способов использования Интернета [9] и сложность полного внедрения технологий [10] стали ключевыми проблемами в области цифрового неравенства. Э. Харджитай [11] ввел термин «разрыв второго уровня», а Дж. Ван Дейк [12] подчеркнул, что цифровое неравенство не заканчивается физическим доступом, а начинается с повседневного использования цифровых медиа.

Следовательно, дискурс сместился с бинарного доступа к навыкам и их использованию, сосредоточившись на полезных результатах, которые в 2011 г. были названы цифровым неравенством третьего уровня [13]. Этот разрыв возникает, когда владение цифровыми навыками и использование Интернета не приводят к полезным результатам [14; 15].

Цифровой разрыв рассматривается как многомерное явление, включающее множество сложных различий, вызванных множеством факторов [16]. Более того, предполагается, что цифровой разрыв усиливает существующее социальное неравенство [17—19].

Исследования цифрового неравенства первого уровня показали, что доступ в Интернет неравномерно распределен между людьми с различными демографическими характеристиками, такими как возраст, пол, социально-экономический статус, этническая принадлежность и географическое положение [20; 21].

Целью данного исследования является изучение динамики цифрового неравенства в 79 регионах России в период с 2014 по 2021 г. с акцентом на доступ населения к информационно-коммуникационным технологиям. Это исследование посвящено анализу тенденций и закономерностей в показателях цифрового неравенства, чтобы оценить, движутся ли регионы к большей однородности в доступе к информационно-коммуникационным технологиям. Кроме того, оно направлено на определение наличия тенденций к уменьшению разброса и повышению однородности показателей цифрового неравенства по регионам. В контексте России, страны с разнообразным и обширным географическим ландшафтом и социально-экономическими условиями, изучение этого феномена приобретает особую актуальность.

Литературный обзор

Начиная обзор литературы о сокращении цифрового неравенства, следует отметить, что цифровое неравенство не является статичным. Оно подвержено изменениям под влиянием политических, экономических и социальных процессов. Исследования, посвященные преодолению цифрового разрыва, сосредоточены на том, как регионы с разным уровнем доступа к цифровым ресурсам сближаются или расходятся в своем развитии. Это позволяет выявить тенденции и механизмы, которые способствуют сокращению или расширению цифрового разрыва.

Сокращение цифрового разрыва основано на концепции конвергенции экономического роста.

В многочисленных научных работах были тщательно проанализированы различные типы конвергенции, причем двумя широко признанными моделями являются бета-конвергенция и сигма-конвергенция. основополагающая работа У. Баумоля [21] послужила толчком к изучению гипотез конвергенции, следуя примерам, приведенным Р. Барро [22] и Х. Сала-и-Мартин и соавт. [22; 23]. В этих исследованиях используется подход бета-конвергенции, основанный на том, что если в уравнении наблюдается значительный коэффициент конвергенции, то темпы роста в более бедных странах будут превышать темпы роста в более богатых, что указывает на процесс конвергенции. Согласно Х. Сала-и-Мартину [24, р. 3], «абсолютная β -конвергенция возникает, когда бедные экономики, как правило, растут быстрее, чем богатые». И наоборот, группа стран считается сигма-конвергентной, когда различия в уровнях их реального ВВП со временем уменьшаются. Так называемая сигма-конвергенция, предложенная Д. Куахом, обычно измеряется либо стандартным отклонением, либо коэффициентом вариации за разные периоды времени [25].

Различные формы экономической конвергенции часто являются предметом серьезных дискуссий и широких дебатов в академических кругах. В нескольких статьях С. Рея и Б. Монтуори [26], а также С. Рея и М. Яникаса [27] пространственные эффекты были включены в оценку тенденций конвергенции, при этом особое внимание уделялось пространственному распределению переменных. Ч. Алсиди исследовал гипотезу бета-конвергенции в ЕС на региональном уровне [28]. Н. Шёнфельдер и Х. Вагнер применили концепции сигма-конвергенции и безусловной бета-конвергенции к институциональному развитию в нескольких группах стран, опираясь на показатели Всемирного банка и выявляя бета-конвергенцию в ЕС [29]. В последние десятилетия конвергенция стала важнейшим фактором эко-

номического роста. Однако как сигма-конвергенция, так и бета-конвергенция часто основаны на методах, которые не учитывают географические характеристики данных [30].

Что касается работ по конвергенции цифрового неравенства, то в этой статье остановимся на следующих исследованиях.

Ю. Кеун и К. Виниш протестировали сокращение цифрового разрыва в 40 азиатских странах за 10 лет, с 2000 по 2009 г. Коэффициент Джини и индекс НН показывают, что страны становятся более равноправными в относительном выражении с точки зрения использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Относительная конвергенция (бета-значение, β) показывает, что уровень конвергенции составляет около 9%. Напротив, современные подходы, которые проверяют панельную нестационарность с учетом и без учета межотраслевой зависимости, демонстрируют мало признаков сходства в разных странах. Хотя использование ИКТ растет более высокими темпами в странах с более низким уровнем развития, абсолютный размер разрыва между странами не сокращается [31]. Б. Рат исследовал конвергенцию информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) среди 47 развитых и развивающихся стран, используя ежегодные данные за период с 2000 по 2012 г. на основе формирования индекса развития ИКТ с использованием анализа главных компонент. Результаты, полученные с помощью динамической модели панельных данных, указывают на различия в развитии ИКТ. Более того, дивергенция в сфере ИКТ в странах с формирующейся рыночной экономикой выше, чем в развитых странах [32].

Исследуя феномен цифрового неравенства между 108 странами, С. Парк пытается охарактеризовать факторы, которые могут способствовать созданию более креативной глобальной экономики. Им установлено, что уровень конвергенции в области цифровизации среди этих 108 стран можно разделить на три группы. Группа 1, имеющая самый высокий уровень конвергенции, демонстрирует наивысший уровень цифровизации, в то время как группа 3, напротив, имеет самый низкий уровень конвергенции и цифровизации среди других стран [33].

Ю. Чанг изучает динамику цифрового разрыва между группами населения со средним и низким уровнем дохода в 44 африканских странах в контексте трех технологий — мобильной сотовой связи, Интернета и фиксированной широкополосной связи — с 2000 по 2015 г. На макроуровне относительный цифровой разрыв сократился с 0,72 до 11,3% в год, в то время как абсолютный цифровой разрыв увеличился с 31,33 до 17,11% в год. Чем быстрее увеличивается абсолютный цифровой разрыв, тем выше темпы наверстывания упущенного в странах с низким уровнем дохода [34].

Х. Рамаданти и Э. Астути нашли доказательства существования абсолютной и условной конвергенции в отношении развития ИКТ в Индонезии [35]. В. Кириакиду оценил сокращение цифрового разрыва на основе набора данных о проникновении услуг широкополосной связи во всех европейских странах за длительный период [36].

Результаты, полученные Т. Агарвал и П. Панда, свидетельствуют о неравномерном доступе к средствам ИКТ в разных штатах Индии. В последнее десятилетие государства с низким уровнем дохода развивались более быстрыми темпами, чем государства с высоким уровнем дохода, с точки зрения доступа к таким удобствам, как телефоны и сотовая связь [37]. Методы пространственной эконометрики, применяемые к панельным данным по российским регионам, подтверждают технологическое сотрудничество между регионами в краткосрочной перспективе. Более того, они демонстрируют сближение темпов роста расходов на инновации и выданных патентов в долгосрочной перспективе [38].

С. П. Земцов и соавт. показали, что по мере насыщения рынков цифровыми услугами цифровое неравенство между регионами России сокращается за счет ускоренного распространения новых технологий в отстающих регионах (конвергенция). В целом модели использования Интернета соответствуют моделям пространственной диффузии инноваций. Среди лидеров — регионы, где расположены крупнейшие агломерации и северные территории России, в то время как регионы с высокой долей сельского населения отстают. Прибрежные и приграничные регионы (Санкт-Петербург, Калининградская область, Карелия, Приморский край и др.) имеют лучший доступ к Интернету благодаря близости к центрам технологических инноваций, а также высокой интенсивности внешних связей. Регионы-лидеры оказывают влияние на своих соседей посредством пространственной диффузии [39].

Материалы и методы

В данной статье предпринята попытка проанализировать цифровое неравенство населения российских регионов с точки зрения доступа к информационно-коммуникационным технологиям в период с 2014 по 2021 г. Цифровое равенство или неравенство населения регионов России отражает уровень развития внутри регионов и имеет большое значение для достижения целей устойчивого развития как России в целом, так и ее регионов, демонстрируя распределение и использование информационных ресурсов между регионами.

Исследование опирается на объективные показатели цифрового неравенства населения регионов, взятые с сайта Росстата Российской Федерации по состоянию на 20 ноября 2023 г.¹

Итоговый набор данных о цифровом неравенстве в доступе населения российских регионов к информационно-коммуникационным технологиям охватывает восемь основных показателей. Из-за отсутствия официальной статистики по Республике Крым и Севастополю, Чеченской Республике за период с 2014 по 2021 г. эти регионы были исключены из исследования. Кроме того, значения для Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов были взяты в качестве единого значения данных для Тюменской области. В результате анализ был проведен на базе данных из 79 регионов, включая Санкт-Петербург и Москву, что не повлияло на общие результаты исследования.

Первым показателем, используемым в анализе сигма-конвергенции, является коэффициент вариации. Значения дисперсии отражают изменение темпов роста показателей в разные годы [40]. Более высокие значения дисперсии могут указывать на большие колебания, в то время как более низкие значения дисперсии предполагают более стабильные и равномерные темпы роста [41; 42]. Коэффициент вариации рассчитывается по формуле

$$\sigma_t = \frac{\sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n (y_i - y)^2}{n}}}{y}, \quad (1)$$

где y_i — представляет значение переменной в регионе i ;

y — среднее значение переменной;

n — число регионов.

Основные показатели в исследовании были рассчитаны по формулам [43]

$$\text{Индекс Тейла} = \frac{1}{\sqrt{N}} \sum_{i=1}^N \ln\left(\frac{\mu}{x_i}\right), \quad (2)$$

¹ Приложение к сборнику «Регионы России. Социально-экономические показатели, 2023, Росстат, URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/47652> (дата обращения: 23.08.2023).

$$\text{Индекс Тейла} = \frac{1}{N} \sum_{i=1}^N \frac{x_i}{\mu} \ln\left(\frac{\mu}{x_i}\right), \quad (3)$$

где x_i — это показатель экономики i -го региона, μ — средний показатель, а n — количество регионов.

Для показателей цифрового неравенства населения регионов были рассчитаны соответствующие индексы, чтобы оценить степень неравенства в распределении этих показателей по регионам России. Таким образом, индекс Тейла, рассчитанный на основе абсолютных значений, можно считать показателем бета-конвергенции, в то время как дисперсия и индекс Тейла, рассчитанные на основе темпов роста, соответствуют сигма-конвергенции.

Значение, близкое к нулю, указывает на более равномерное распределение, в то время как значение, близкое к 1, — на более неравномерное распределение. Второй индекс Тейла в данном случае используется для анализа неравенства в темпах роста показателя (из года в год).

Анализ этих показателей дает ценную информацию о масштабах региональных различий и служит основой для дальнейшего изучения движущих сил, стоящих за этими различиями, и потенциальных стратегий обеспечения более справедливого и неравноправного в цифровом отношении населения в российских регионах.

Основные показатели в исследовании были рассчитаны по формуле [44]

$$I_i = \frac{x_i - \bar{x}}{m_2} \sum_{j=1}^N \omega_{ij} (x_j - \bar{x}), \quad (4)$$

где

$$m_2 = \frac{\sum_{i=1}^N (x_i - \bar{x})^2}{N}, \quad (5)$$

и

$$I = \sum_{i=1}^N \frac{I_i}{N}, \quad (6)$$

I — это глобальный показатель Морана I , измеряющий глобальную автокорреляцию, I_i — локальный; N — количество пространственных единиц, индексированных i и j ; x_i — интересующая переменная; \bar{x} — среднее значение x_i ; ω_{ij} — элементы матрицы пространственных весов с нулями по диагонали.

Когда регионы попадают в первый квадрант диаграммы рассеяния Морана, это может указывать на пространственную концентрацию высоких уровней показателей в некоторых регионах, где регионы с высоким уровнем показателя обычно окружены другими подобными регионами.

Регионы, находящиеся во втором квадранте, характеризуются низким уровнем стандартизованного показателя среди регионов России, но соседствуют с регионами с высокими значениями этого показателя.

Регионы третьего квадранта имеют низкий уровень стандартизованного показателя и окружены регионами также с низкими значениями этого показателя у своих соседей.

Регионы в четвертом квадранте диаграммы рассеяния Морана имеют высокий уровень стандартизованного показателя, но окружены регионами с низкими значениями этого показателя у своих соседей.

Для проверки гипотезы о влиянии показателей цифрового неравенства населения на конвергенцию были исследованы выбранные значимые и релевантные факторы с использованием индексов дисперсии, коэффициента Джини и двух индексов Тейла, включая индекс Тейла, основанный на темпах роста показателя. Кривая Лоренца применяется для визуализации неравномерности в распределении данных. Аппроксимация кривой может помочь выявить закономерности в распределении показателя. Данные проверяются на нормальное распределение с помощью

тестов Колмогорова — Смирнова и Шапиро — Уилка. Для оценки пространственного неравенства использовался индекс Морана, рассчитанный на основе протяженности автомобильных дорог от Москвы до столицы рассматриваемого региона. Результаты анализа визуализируются с помощью графиков и диаграмм, чтобы наглядно представить общую картину изменений в доступе к информационно-коммуникационным технологиям в домашних хозяйствах в разных регионах России.

Рассмотренные факторы цифрового неравенства населения российских регионов представлены в таблице 1.

Таблица 1

**Индикаторы цифрового неравенства в доступе населения
к информационно-коммуникационным ресурсам**

Номер индикатора	Индикатор	Источник данных
X ₁	Население, использовавшее сеть Интернет каждый день или почти каждый день, % от общей численности населения соответствующего субъекта Российской Федерации	По данным выборочного обследования населения по использованию ИКТ
X ₂	Население, использовавшее сеть Интернет, % от общей численности населения соответствующего субъекта Российской Федерации	
X ₃	Удельный вес домашних хозяйств, имевших персональный компьютер	По данным выборочного обследования населения по использованию ИКТ
X ₄	Удельный вес домашних хозяйств, имевших доступ к сети Интернет, % от общего числа домохозяйств в соответствующем субъекте Российской Федерации	
X ₅	Удельный вес домашних хозяйств, имевших широкополосный доступ к сети Интернет, % от общего числа домохозяйств в соответствующем субъекте Российской Федерации	
X ₆	Численность активных абонентов фиксированного широкополосного доступа к сети Интернет на 100 чел. населения, ед.	В конце года
X ₇	Численность активных абонентов мобильного широкополосного доступа к сети Интернет на 100 чел. населения, ед.	
X ₈	Число подключенных абонентских устройств мобильной связи на 1000 чел. населения, ед.	

Разработано на основе данных Росстата.

Результаты

В результате корреляционно-регрессионного анализа была получена корреляционная матрица, на основе которой были выбраны только четыре показателя (X₅ — X₈), поскольку они имеют низкую корреляцию между собой, что позволит нам оценить их независимое влияние на цифровое неравенство.

Таблица 2

Корреляционная матрица показателей цифрового неравенства

Номер индикатора	X ₁	X ₂	X ₃	X ₄	X ₅	X ₆	X ₇	X ₈
X ₁	1,00	0,83	0,67	0,64	0,51	0,46	0,34	0,39
X ₂	0,83	1,00	0,76	0,78	0,50	0,42	0,45	0,50
X ₃	0,67	0,76	1,00	0,85	0,61	0,50	0,39	0,62
X ₄	0,64	0,78	0,85	1,00	0,45	0,32	0,48	0,47
X ₅	0,51	0,50	0,61	0,45	1,00	0,45	0,08	0,48

Окончание табл. 2

Номер индикатора	X ₁	X ₂	X ₃	X ₄	X ₅	X ₆	X ₇	X ₈
X ₆	0,46	0,42	0,50	0,32	0,45	1,00	0,06	0,57
X ₇	0,34	0,45	0,39	0,48	0,08	0,06	1,00	0,41
X ₈	0,39	0,50	0,62	0,47	0,48	0,57	0,41	1,00

Рассчитано на основе данных Росстата.

Проанализируем отдельные показатели цифрового неравенства в доступе населения к информационно-коммуникационным ресурсам в регионах России.

В 2014 г. самый высокий уровень показателя «Удельный вес домашних хозяйств, имевших широкополосный доступ к сети Интернет», был в Санкт-Петербурге, Москве, Мурманской и Тюменской областях. Однако в 2021 г. ситуация поменялась, и идет процесс распространения широкополосного доступа в Интернет по регионам, причем самый высокий процент наблюдается не только в Москве (94,4%), но и в Оренбургской (93,20%), Магаданской областях, Республике Калмыкии и Чукотском автономном округе. Распространение широкополосного доступа в Интернет происходило довольно быстрыми темпами. Примером является Чукотский автономный округ, где доля домохозяйств, имеющих широкополосный доступ в Интернет, увеличилась с 26 до 92%, в то время как в Республике Ингушетия она выросла с 30,50 до 76,7%. В 2021 г. самое низкое значение в рассматриваемых районах наблюдалось в Новгородской области — 69,5%.

Индекс Тейла демонстрирует стабильно низкие значения как в абсолютном выражении, так и по темпам роста, что свидетельствует о равномерном росте широкополосного доступа среди домохозяйств (рис. 1). Незначительная разница в темпах роста еще больше подтверждает эту тенденцию к сближению.

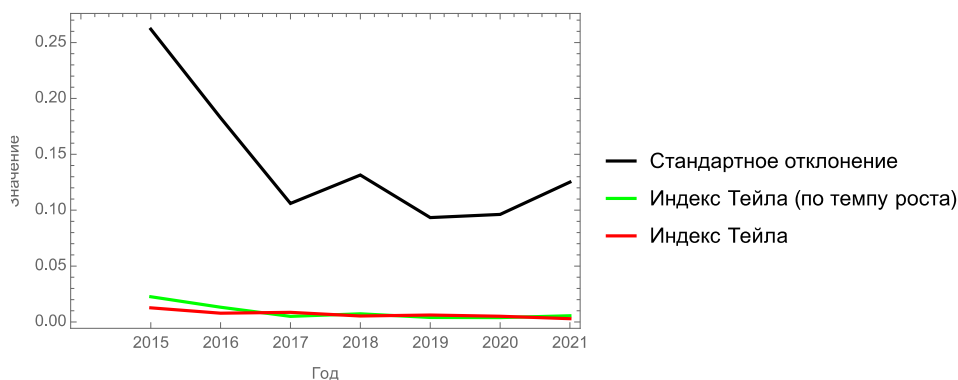

Рис. 1. Визуализация дисперсии и основных показателей индикатора «Удельный вес домашних хозяйств, имевших широкополосный доступ к сети Интернет»

Рассчитано на основе данных Росстата.

В ходе анализа мы наблюдали заметное снижение коэффициентов дисперсии с первоначального показателя в 0,2619 до 0,0933, за которым последовал скромный рост до 0,1251 к 2021 г., как показано черной линией на рисунке 1. Этот сдвиг в дисперсии указывает на тенденцию к конвергенции. Итоговый показатель конвергенции, рассчитанный на основе темпов роста Индекса Тейла, составляет 0,0088, или 0,88%.

Кроме того, за рассматриваемый период снизился коэффициент Джини для данного показателя. Это снижение указывает на более равномерное распределение широкополосного доступа среди домохозяйств, что свидетельствует о продвижении к большей социальной справедливости в распределении ресурсов.

График кривой Лоренца с аппроксимациями с использованием линейных и квадратичных функций зависимости показан на рисунке 2. Аппроксимация соответствует реальным данным и указывает на определенные закономерности распределения показателя в рассматриваемых регионах.

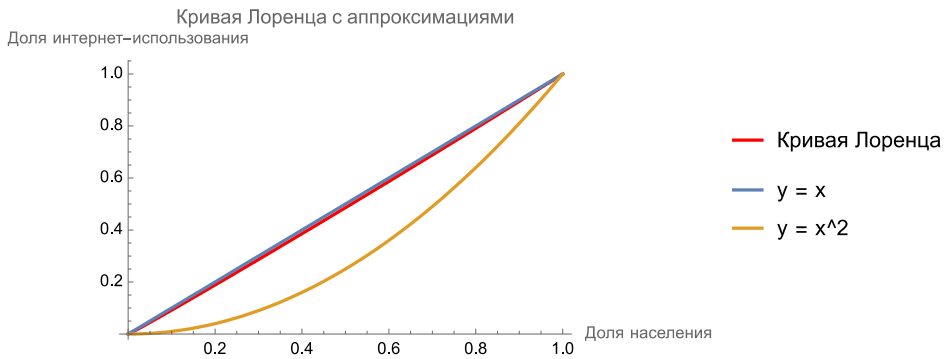

Рис. 2. Кривая Лоренца с аппроксимациями с использованием линейных и квадратичных функций зависимости показателей индикатора «Удельный вес домашних хозяйств, имевших широкополосный доступ к сети Интернет»

Рассчитано на основе данных Росстата.

Тест Колмогорова — Смирнова, получивший значение p , равное 0,86, предполагает, что распределение данных о долях широкополосного доступа существенно не отличаются от логарифмически нормального распределения (рис. 2). Этот вывод подтверждается графиком квантильно-квантильного распределения (Q-Q) (рис. 3), который демонстрирует близкое соответствие между квантилями наборов данных и квантилями теоретического логарифмически нормального распределения, что подразумевает хорошее соответствие.

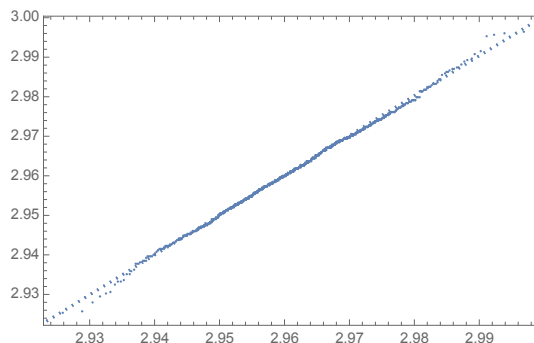

Рис. 3. График квантильно-квантильного (Q-Q) распределения показателей индикатора «Удельный вес домашних хозяйств, имевших широкополосный доступ к сети Интернет»

Рассчитано на основе данных Росстата.

Кроме того, тест Шапиро — Уилка со значением p , равным 0,684, не выявил убедительных доказательств, опровергающих гипотезу о том, что данные имеют

нормальное распределение. Это еще раз подтверждает мнение о том, что распределение долей широкополосного доступа между домохозяйствами хорошо характеризуется статистическими моделями, которые приближаются к нормальному или логарифмически нормальному распределению.

Значение индекса Морана, близкое к нулю, указывает на отсутствие существенной пространственной автокорреляции. Это значит, что соседние регионы демонстрируют схожие уровни использования широкополосного доступа в ограниченной степени.

Визуализация российских регионов на основе диаграммы рассеяния Морана для показателя доли домохозяйств, имеющих широкополосный доступ в Интернет за 2014 и 2021 гг. представлена на рисунке 4.

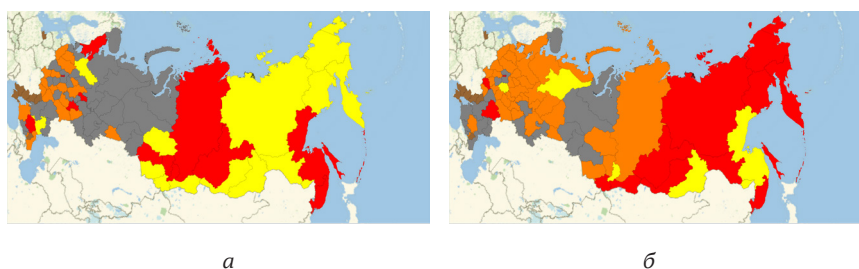

Рис. 4. Визуализация региональных кластеров на основе точечной диаграммы Морана для показателя «Удельный вес домашних хозяйств, имевших широкополосный доступ к сети Интернет»: а — 2014 г.; б — 2021 г.

Рассчитано на основе данных Росстата.

Одна из целей устойчивого развития России — увеличение доли домохозяйств, имеющих широкополосный доступ. В 2021 г. широкополосный доступ в Интернет был доступен 82,6% домохозяйств в России по сравнению с 64,1% в 2014 г. Изменения в распределении регионов по квадрантам с 2014 по 2021 г. следующие: Москва остается в первом квадранте, что свидетельствует о ее стабильном цифровом доминировании. Республика Хакасия, Приморский, Хабаровский и Камчатский края, первоначально находившиеся в первом квадранте, перешли во второй квадрант из-за снижения темпов роста показателя удельного веса к 2021 г. Этот сдвиг иллюстрирует процесс конвергенции российских регионов с высокой степенью цифровизации, основанный на снижении уровня дисперсии, и подтверждает теорию диффузии на более поздних стадиях.

Некоторые регионы, такие как Иркутская, Новосибирская, Сахалинская, Амурская, Магаданская области и Чукотский автономный округ, перешли из второго квадранта в первый, что отражает их цифровой рост и развитие.

Одной из основных причин изменений являются высокие доходы жителей Севера на душу населения, а также политика по цифровизации отдаленных и северных регионов страны.

Регионы с высоким уровнем образования и инновационным потенциалом, такие как Воронежская, Ивановская и Калужская области, значительно улучшили свои позиции, перейдя из третьего квадранта в четвертый.

Следует отметить, что в этих регионах в связи с пандемией COVID-19 произошел резкий рост спроса на услуги связи на фоне высокой изоляции и необходимости взаимодействия с финансово-экономическим центром страны — Москвой, а также наличия большого количества дочерних компаний нефтегазового комплекса.

Примечательно, что регионы, изначально находившиеся в квадрантах с более низким уровнем подключения, со временем перешли в категории с более высоким уровнем, что указывает на потенциальное сокращение различий в уровне подключения между регионами.

Число активных абонентов фиксированной широкополосной связи на 100 чел. увеличилось с 2014 г., когда самый высокий показатель — 32,90 — был в Москве, до 38,4 на 100 чел. в 2021 г., в Новосибирской области — с 29,30 до 31,70.

В 2014 г. в Ингушетии было самое низкое число абонентов среди регионов — 0,30, которое к 2021 г. увеличилось до 2,10.

На рисунке 5 показаны значения индекса Тейла, полученные для показателя «Численность активных абонентов фиксированного широкополосного доступа к сети Интернет на 100 чел.», которые демонстрируют близкие к нулю значения, что указывает на относительно равномерную динамику роста этого показателя. Близость этих значений говорит о том, что разница в темпах роста незначительна.

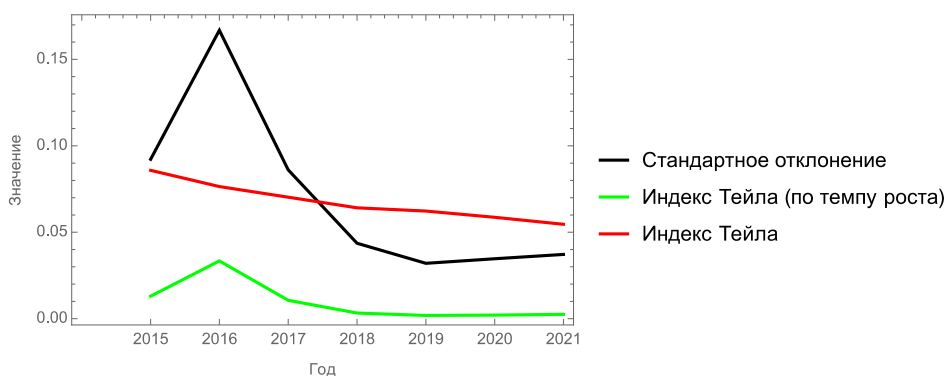

Рис. 5. Визуализация дисперсии и основных показателей индикатора «Численность активных абонентов фиксированного широкополосного доступа к сети Интернет на 100 чел.»

Рассчитано на основе данных Росстата.

Кроме того, показатели дисперсии также имеют значения, близкие к нулю. Однако к 2016 г. наблюдается заметное увеличение дисперсии до 0,334, за которым следует снижение до 0,074 в дальнейшем. Эта тенденция свидетельствует о сближении с течением времени в распределении широкополосного доступа среди населения. Выявленный коэффициент конвергенции для показателя «Численность активных абонентов фиксированного широкополосного доступа к сети Интернет на 100 чел.» определен равным 0,0095, или 0,95 %, что указывает на устойчивую тенденцию к конвергенции ставок подписки на широкополосный доступ в масштабах всего населения.

На рисунке 6 представлена кривая Лоренца в приближенном виде; однако следует отметить, что кривая аппроксимации не совсем соответствует фактическому распределению показателя численности активных абонентов фиксированного широкополосного доступа.

Статистический анализ с использованием критерия Колмогорова — Смирнова дал значение p , равное 0,57, что превышает уровень значимости 0,05. Следовательно, исходя из этого результата, нет достаточных оснований отвергать гипотезу о том, что данные показателя «Численность активных абонентов фиксированного широкополосного доступа к сети Интернет на 100 чел.» соответствуют логарифмически нормальному распределению.

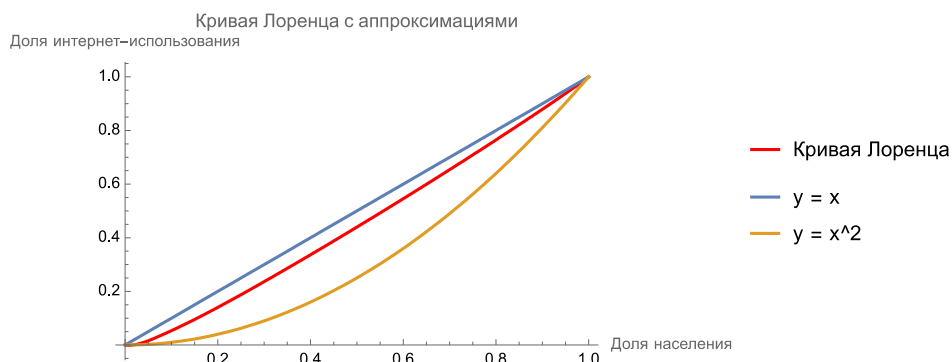

Рис. 6. Кривая Лоренца с аппроксимациями с использованием линейных и квадратичных функций зависимости показателей индикатора «Численность активных абонентов фиксированного широкополосного доступа к сети Интернет на 100 чел.»

Рассчитано на основе данных Росстата.

Точки на графике Q-Q (рис. 7) приближаются к прямой линии, что свидетельствует о хорошем соответствии данных логарифмически нормальному распределению. Тест Шапиро — Уилка дал значение p , равное 0,291, что указывает на недостаточность доказательств для отклонения гипотезы о том, что данные соответствуют нормальному распределению. Этот результат подтверждает вывод о том, что набор данных по показателям абонентов широкополосной связи хорошо согласуется с логарифмически нормальным распределением.

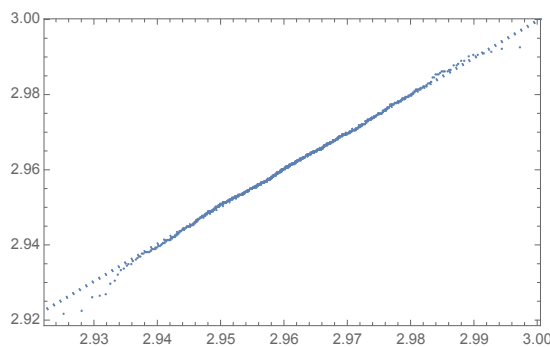

Рис. 7. График квантильно-квантильного (Q-Q) распределения показателей индикатора «Численность активных абонентов фиксированного широкополосного доступа к сети Интернет на 100 чел.»

Рассчитано на основе данных Росстата.

На протяжении восьми лет индекс Морана стабильно держится вблизи нуля, демонстрируя тенденцию к снижению с $-0,10$ до $-0,03$. Это свидетельствует о постепенном сокращении пространственных различий или кластеризации в распределении широкополосного доступа по регионам в течение этого периода.

Визуализация регионов России на основе точечной диаграммы Морана для показателя «Численность активных абонентов фиксированного широкополосного доступа к сети Интернет на 100 чел.» за 2014 и 2021 гг. представлена на рисунке 8.

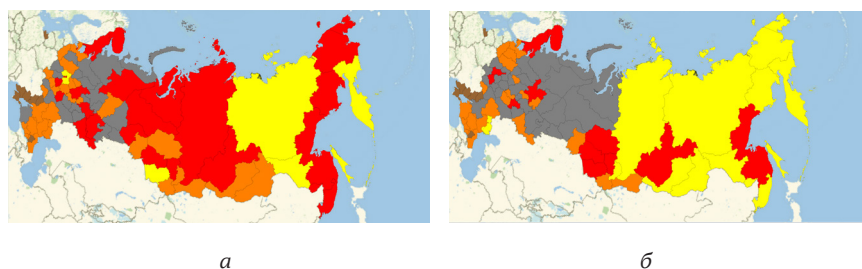

Рис. 8. Визуализация региональных кластеров на основе точечной диаграммы Морана для показателя «Численность активных абонентов фиксированного широкополосного доступа к сети Интернет на 100 чел.»: а — 2014 г.; б — 2021 г.

Рассчитано на основе данных Росстата.

Анализируя данные за 2014 и 2021 гг., можно отметить следующие изменения в распределении регионов по квадрантам. Тюменская область, Республика Коми и Хабаровский край перешли из первого квадранта во второй из-за снижения показателей их деятельности. Переход Калужской, Орловской и Кировской областей в первый квадрант связан с увеличением числа абонентов, имеющих широкополосный доступ в Интернет в 2021 г., при наличии соседей с аналогичными высокими показателями, что может подтверждать принцип распространения по соседству. Эти регионы занимаются инновационной деятельностью, имеют население с достаточно высоким уровнем образования и значительную долю молодежи трудоспособного возраста.

Также необходимо отметить рост числа абонентов с широкополосным доступом в Интернет в регионах Поволжья: Воронежской, Самарской областях, Республике Татарстан, которые являются промышленными и инновационными центрами, что способствует их переходу из третьего квадранта в четвертый. Инициативы, направленные на продвижение цифровизации и стимулирование развития информационных технологий и цифровых навыков среди населения, возможно, способствовали увеличению числа пользователей Интернета, наблюдаемому в этих регионах.

Следующим рассматриваемым показателем является «Численность активных абонентов мобильного широкополосного доступа к сети Интернет на 100 чел.».

Самые высокие показатели отмечаются в Оренбургской области — 100,8 активных подписчиков на 100 чел., в Московской области и в Москве — 99,2. В 2014 г. самый низкий показатель — в Республике Бурятия, Иркутской и Нижегородской областях: соответственно 39,3, 37,9 и 39,9. В 2021 г. ситуация изменилась, и самые высокие показатели зафиксированы в Санкт-Петербурге и Ленинградской области (141,4), а также в Москве и Московской области (138,7). Следует отметить, что из рассматриваемых регионов 38 имеют значение индекса выше 100. Самые низкие показатели у Дагестана, Адыгеи и Ингушетии (51,1).

Значения индекса Тейла как в абсолютном выражении, так и в темпах роста приближаются к нулю, что указывает на относительно равномерную динамику роста использования Интернета населением. Это говорит о минимальных различиях в темпах роста между различными сегментами.

Величина дисперсии, показанная черной линией на рисунке 9, со временем резко снижается с 0,22 до 0,03. Эта тенденция свидетельствует о сближении в распределении абонентов мобильной широкополосной связи, что указывает на уменьшение вариабельности или неравенства.

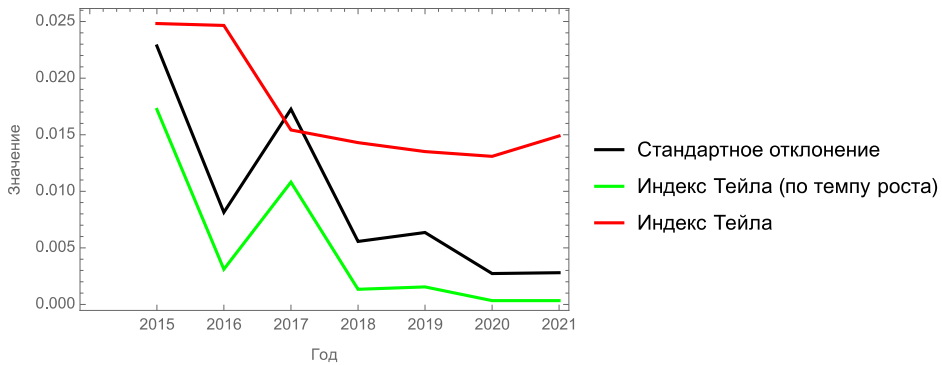

Рис. 9. Визуализация дисперсии и основных показателей индикатора «Численность активных абонентов мобильного широкополосного доступа к сети Интернет на 100 чел.»

Рассчитано на основе данных Росстата.

Коэффициент конвергенции, рассчитанный как 0,005, означает последовательное продвижение к единообразию или конвергенции абонентских ставок. Кроме того, наблюдаемая тенденция к снижению коэффициента Джини указывает на уменьшение неравенства в распределении абонентов мобильной широкополосной связи.

Кривая вероятности кумулятивного распределения и кривая Лоренца, изображенные в виде диагональной линии от начала координат на рисунке 10, дополнительно подтверждают наблюдение однородного распределения данных по всем значениям.

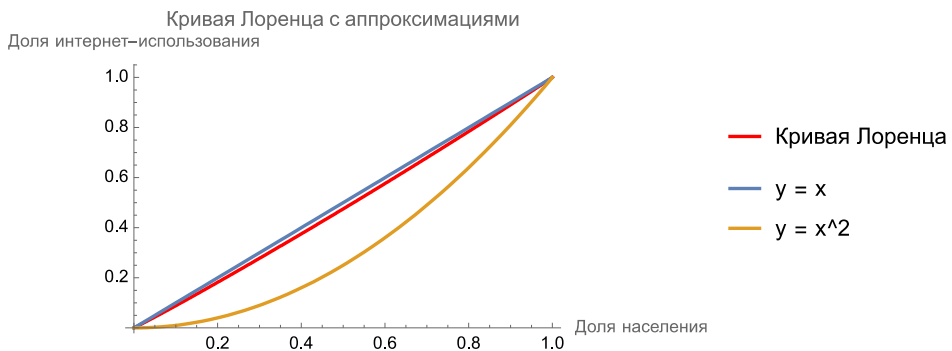

Рис. 10. Кривая Лоренца с аппроксимацией с использованием линейных и квадратичных функций зависимости показателей индикатора «Численность активных абонентов мобильного широкополосного доступа к сети Интернет на 100 чел.»

Рассчитано на основе данных Росстата.

Статистические тесты, включая тест Колмогорова — Смирнова (p -значение = 0,6789) и график распределения квантиль-квантиль (Q-Q) на рисунке 11, показывают хорошее соответствие данных логарифмически нормальному распределению. Совпадение точек на графике Q-Q с прямой линией указывает на соответствие этой модели распределения. Тест Шапиро — Уилка дал значение p , равное 0,668,

что демонстрирует недостаточность доказательств для отклонения гипотезы о нормальности распределения данных между абонентами мобильной широкополосной связи.

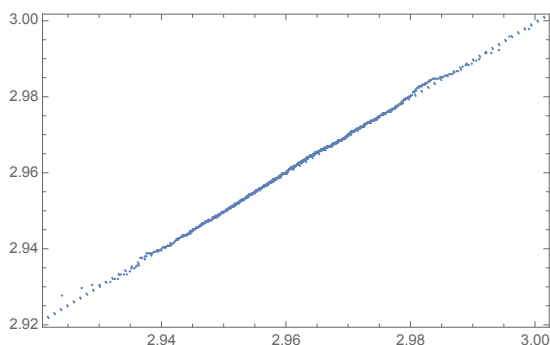

Рис. 11. График квантильно-квантильного (Q-Q) распределения показателей индикатора «Численность активных абонентов мобильного широкополосного доступа к сети Интернет на 100 чел.»

Рассчитано на основе данных Росстата.

На протяжении восьми лет индекс Морана по показателю «Численность активных абонентов мобильного широкополосного доступа к сети Интернет на 100 чел.» стабильно приближается к нулю, демонстрируя тенденцию к снижению с $-0,12$ до $-0,01$. Это свидетельствует о постепенном сокращении пространственного неравенства между регионами на протяжении всего периода.

Визуализация российских регионов на основе точечной диаграммы Морана для показателя «Численность активных абонентов мобильного широкополосного доступа к сети Интернет на 100 чел.» за 2014 и 2021 гг. представлена на рисунке 12.

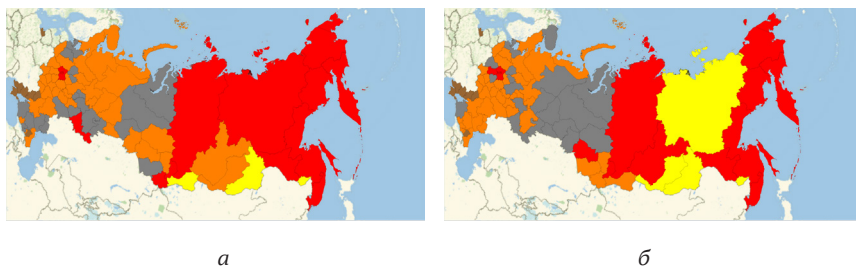

Рис. 12. Визуализация региональных кластеров на основе точечной диаграммы Морана для показателя «Численность активных абонентов мобильного широкополосного доступа к сети Интернет на 100 чел.»: а — 2014 г.; б — 2021 г.

Рассчитано на основе данных Росстата.

К 2021 г. относительное замедление темпов роста числа активных абонентов мобильной связи наблюдалось в северных регионах: Республиках Хакасия, Коми и Хабаровском крае, что привело к переходу этих регионов из первого кластера во второй, что также подтверждает гипотезы о диффузии на более поздних этапах.

Развитие государственных программ цифровизации и связи труднодоступных регионов привело к увеличению темпов роста активных абонентов мобильной связи на севере и востоке России (Республики Алтай, Тыва, Бурятия, Саха (Якутия), Приморский, Камчатский края, Курская, Волгоградская, Иркутская области), способствуя переходу этих регионов из второго кластера в первый.

Следует также отметить, что рост показателей в некоторых регионах может быть обусловлен высокими темпами развития соседних территорий (Белгородская, Саратовская, Свердловская области). Развитие сетей связи и информационных технологий в этих областях могло бы положительно сказаться на уровне доступности и качестве мобильной связи, что, в свою очередь, способствовало бы улучшению их позиций в рейтинге. Таким образом, представленные данные свидетельствуют о заметной тенденции к сближению уровней мобильной широкополосного доступа в разных регионах, хотя и с неоднородностями.

Близкие к нулю значения индекса Тейла как в абсолютном выражении, так и в темпах роста свидетельствуют об относительно равномерной динамике роста показателя «Число подключенных абонентских устройств мобильной связи на 1000 чел.». Это указывает на минимальное неравенство между регионами по количеству абонентов мобильной связи. Показатели дисперсии (рис. 13) также приближаются к нулю, что указывает на сходимость в распределении абонентов мобильной связи по населению.

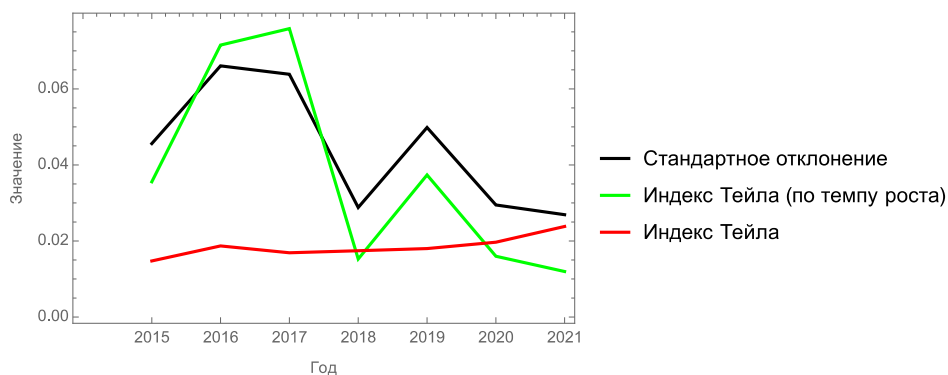

Рис. 13. Визуализация дисперсии и основных показателей индикатора «Число подключенных абонентских устройств мобильной связи на 1000 чел.»

Рассчитано на основе данных Росстата.

Коэффициент конвергенции показателя «Число подключенных абонентских устройств мобильной связи на 1000 чел.» по расчетам составляет 0,0011. Это свидетельствует о сокращении различий в уровнях мобильной связи между различными регионами или демографическими группами с течением времени.

Наблюдаемое снижение коэффициента Джини может свидетельствовать о сдвиге в сторону более справедливого распределения ресурсов или показателей, связанных с тарифами абонентов мобильной связи среди населения.

Кроме того, эта тенденция подтверждается кривой вероятности кумулятивного распределения и кривой Лоренца (рис. 14). Эти результаты отражают потенциальное улучшение доступности услуг мобильной связи в различных демографических группах или регионах.

Согласно результатам теста Колмогорова — Смирнова (с полученным значением p , равным 0,328) распределение данных о мобильных абонентских устройствах по населению существенно не отличается от логарифмически нормального распределения, основанного на результатах статистического тестирования.

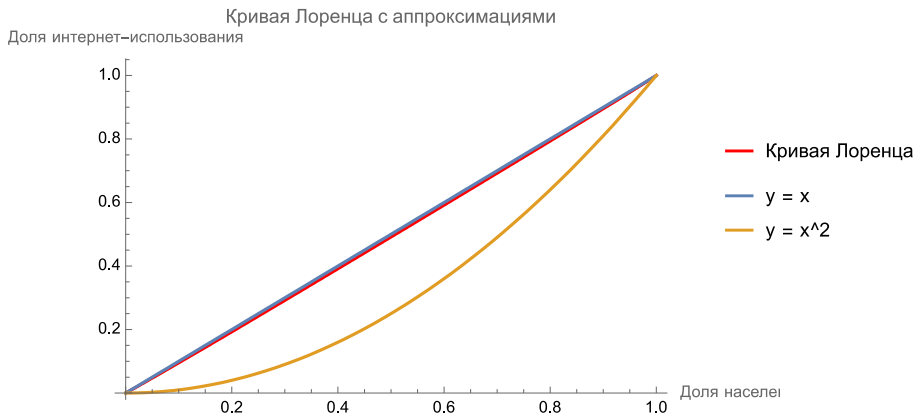

Рис. 14. Кривая Лоренца с аппроксимацией с использованием линейных и квадратичных функций зависимости показателя индикатора «Число подключенных абонентских устройств мобильной связи на 1000 чел.»

Рассчитано на основе данных Росстата.

График Q-Q (рис. 15) и тест Шапиро — Уилка подтверждают предположение о том, что данные по показателю «Число подключенных абонентских устройств мобильной связи на 1000 чел.» хорошо соответствуют логарифмически нормальному распределению, и статистический анализ не выявил убедительных доказательств отклонения от нормы.

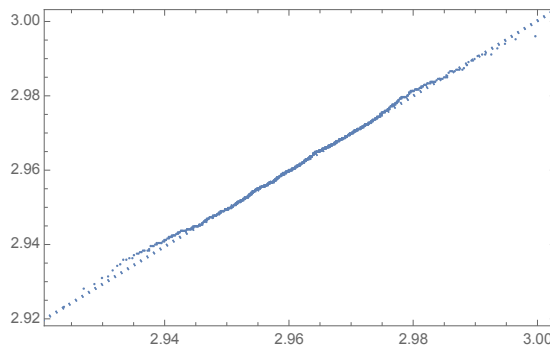

Рис. 15. График квантильно-квантильного (Q-Q) распределения показателей индикатора «Число подключенных абонентских устройств мобильной связи на 1000 чел.»

Рассчитано на основе данных Росстата.

Далее мы анализируем индекс Морана, который показывает пространственное неравенство регионов России по показателю «Число подключенных абонентских устройств мобильной связи на 1000 чел.»

На протяжении всего восьмилетнего периода индекс Морана стабильно оставался близким к нулю. Визуализация регионов России на основе точечной диаграммы Морана для показателя «Число подключенных абонентских устройств мобильной связи на 1000 чел.» за 2014 и 2021 гг. представлена на рисунке 16.

В 2014 г. в первом квадранте доминировали крупные агломерации: Москва и Московская область, что объясняется высоким уровнем их экономического развития и привлекательностью для молодежи, обусловленной наличием многочисленных образовательных учреждений. Москва как финансовый и экономический центр России отличилась самым высоким показателем ВВП на душу населения. В то же время регионы со значительной долей сельского населения (Республика Хакасия), а также северные и приграничные территории, такие как Камчатский и Приморский края, также вошли в первый квадрант.

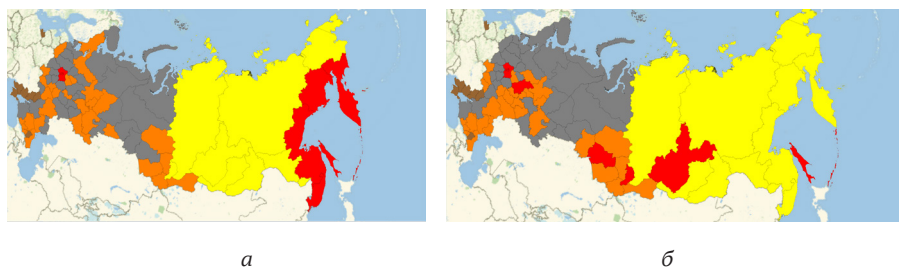

Рис. 16. Визуализация региональных кластеров на основе точечной диаграммы Морана для показателя «Число подключенных абонентских устройств мобильной связи на 1000 чел.»: а — 2014 г.; б — 2021 г.

Рассчитано на основе данных Росстата.

Важно отметить изменение состава нескольких квадрантов к 2021 г., поскольку ряд регионов — Нижегородская область, Республика Хакасия, Иркутская, Новосибирская и Сахалинская области — перешли из второго квадранта (где были самые низкие значения показателей, несмотря на соседние регионы с высоким количеством абонентов мобильной связи) в первый квадрант.

Например, Республика Хакасия переместилась с 9-го места в 2014 г. на 41-е в 2021 г. по количеству абонентов мобильной связи, что свидетельствует о том, что темпы роста регионов второго квадранта стали превышать темпы роста регионов первого квадранта.

Особого внимания заслуживает изучение перехода из первого квадранта во второй в связи с относительным снижением показателей Камчатского, Приморского и Хабаровского краев, Амурской, Магаданской областей, Еврейской автономной области и Чукотского автономного округа.

Несколько российских регионов с инновационным потенциалом и достаточно высоким уровнем образования в 2021 г. перешли из третьего квадранта в четвертый, значительно улучшив свои позиции по рассматриваемому показателю количества абонентов мобильной связи (Воронежская, Ивановская, Калужская, Липецкая, Орловская, Рязанская, Смоленская, Тверская, Тульская, Ленинградская области, Санкт-Петербург, Республика Татарстан и др.).

Вероятно, необходимо отметить, что в связи с пандемией и перемещением части трудоспособного населения обратно в родные регионы, а также с появлением удаленной работы возрос спрос на соответствующие технологии, а высокая конкуренция среди провайдеров привела к снижению цен на Интернет.

Кроме того, следует отметить влияние государственной политики, проводимой в северных регионах, таких как Республики Карелия и Коми, где была улучшена инфраструктура связи в отличие от соседних регионов, где количество абонентов мобильной связи оставалось низким.

Дискуссия

Эконометрическая оценка показателей цифрового неравенства первого уровня среди населения регионов России в сочетании с пространственным анализом с использованием индекса Морана выявила тенденцию к сближению по всем исследуемым показателям.

Значительная пространственная корреляция, наблюдаемая между регионами России, аналогичная той, что наблюдалась среди регионов Индонезии [36], указывает на растущее развитие ИКТ в соседних регионах и способствует процессу конвергенции. Таким образом, конвергенцию можно отметить в период с 2014 по 2021 г. Цифровое неравенство между регионами России к 2021 г. также уменьшилось благодаря ускоренному внедрению новых технологий в отдаленных и северных регионах.

Несмотря на более ранние исследования в других странах [33], которые выявили расхождения, наши результаты свидетельствуют о сближении в развитии ИКТ регионов России. Наше исследование согласуется с результатами из предыдущей литературы [39; 40] в части подтверждения установленных закономерностей. Регионы, для которых характерны крупные агломерации, и северные территории России выходят в лидеры, в то время как регионы со значительным сельским населением отстают. Прибрежные и приграничные регионы (например, Санкт-Петербург, Калининградская область, Республика Карелия, Приморский край) имеют лучший доступ в Интернет благодаря близости к центрам технологических инноваций и прочным внешним связям. Ведущие регионы оказывают влияние на своих соседей посредством пространственной диффузии [40].

Проведенный анализ подчеркивает важную тенденцию, заключающуюся в том, что регионы, первоначально расположенные в разных квадрантах, со временем перешли в другие квадранты, что указывает на изменения в их экономических, социальных и политических траекториях.

Мобильность регионов между секторами также отражает стратегические инициативы правительства, направленные на развитие цифровой инфраструктуры в регионах России. В совокупности эти изменения отражают более широкие тенденции регионального экономического развития и цифровизации общества в стране. Таким образом, меры, принятые на национальном уровне и в отдельных регионах в отношении доступности цифровых технологий, способствовали сокращению цифрового неравенства и ускорению конвергенции.

Конвергенция цифрового неравенства первого уровня указывает на то, что различия в доступе к цифровым технологиям: Интернету, компьютерам и мобильным устройствам — между регионами сокращаются. Кроме того, с течением времени наблюдается рост внедрения цифровых технологий во всех регионах России, включая отдаленные и малонаселенные районы. Эта тенденция приводит к более справедливому распределению цифровых ресурсов и возможностей между регионами.

Для содействия сближению и потенциальному продвижению регионов в более высокие сектора представляется крайне важным увеличить инвестиции в развитие сетей связи и расширение доступа к Интернету в отдаленных и малонаселенных районах. Кроме того, реализация инициатив по цифровой модернизации и государственных программ, направленных на цифровизацию регионов, может способствовать росту числа активных интернет-абонентов.

Приведенные данные отражают важность инвестиций в инфраструктуру широкополосной связи и необходимость учета региональных особенностей при разработке и внедрении политики в области информационных технологий.

Важнейшим аспектом процесса конвергенции является развитие цифровой инфраструктуры и услуг, что помогает создать равные условия для доступа к цифровым технологиям и их использования.

Заключение

Снижение индекса Тейла и дисперсии показателей цифрового неравенства в регионах России с 2014 по 2021 г. свидетельствует как о сигма-, так и о бета-конвергенции, подтверждая тем самым эффективность политики в борьбе с цифровым неравенством, проводимой как на региональном, так и на национальном уровнях.

Кривые вероятности кумулятивного распределения и кривые Лоренца, полученные в результате исследования, дополнительно подтверждают наблюдения логарифмически нормального распределения данных по всем исследованным показателям цифрового неравенства среди населения регионов России. Проведенные статистические тесты, включая тест Колмогорова — Смирнова и квантильный график, также продемонстрировали сильное соответствие данных логарифмически нормальному распределению.

Дисперсионные диаграммы Морана, рассчитанные для 2014 и 2021 гг., помогли выявить региональные переходы между квадрантами, установив сдвиги в тенденции к снижению цифрового неравенства среди российских регионов. Регионы, изначально отличавшиеся более низким уровнем развития Интернета, в последующие годы постепенно продвигались в более высокие квадранты диаграммы Морана, что свидетельствует о процессе конвергенции, при котором они начинают сокращать разрыв с регионами, имеющими более высокий уровень развития Интернета, или даже превосходить их. Наблюдаемые изменения в регионах указывают на области, требующие повышенного внимания и инвестиций для укрепления развития инфраструктуры Интернета. Регионы, которые по-прежнему находятся в секторе с низкими показателями, могут потребовать дополнительной поддержки и вмешательства для улучшения своих условий.

Это движение свидетельствует об эффективности правительственных мер и политики, способствующих развитию инфраструктуры Интернета и технологической интеграции во всех регионах.

Государственная политика в области цифровизации и развития Интернета становится ключевым фактором, определяющим развитие данной инфраструктуры в регионах. Эффективные механизмы поддержки и системы стимулирования могут в значительной степени способствовать более справедливому распределению развития Интернета по всей стране.

Информация о региональных изменениях, представленная на диаграмме Морана, может помочь правительствам, организациям и аналитикам разобраться в динамике развития инфраструктуры Интернета, определить успешные стратегии развития и принять меры по устранению неравенства и обеспечению устойчивого роста.

Чтобы глубже понять региональное экономическое развитие в России, в будущих исследованиях можно было бы изучить дополнительные факторы, определяющие конвергенцию, такие как человеческий капитал, инфраструктура и институциональные факторы.

Нами были использованы официальные данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат), которые, несмотря на свою надежность, могут иметь ограничения с точки зрения точности и полноты данных. Кроме того, исследование было сосредоточено на ограниченном наборе показателей, и другие соци-

ально-экономические факторы, влияющие на цифровое неравенство населения, не рассматривались. Будущие исследования могут включать более полный набор показателей, чтобы обеспечить целостное понимание экономической конвергенции.

Результаты анализа могут послужить основой для разработки и корректировки государственной политики в области цифровизации и развития интернет-инфраструктуры. Они помогут выявить проблемные области и определить приоритетность инвестиций и поддержки. Понимание того, какие регионы находятся на пути конвергенции, дает возможность оптимизировать распределение ресурсов и инвестиций для обеспечения максимальной эффективности и достижения лучших результатов. Выводы об изменениях в развитии интернет-инфраструктуры российских домохозяйств в разных регионах могут быть полезны для научных исследований, позволяя лучше понять факторы, влияющие на процессы конвергенции и дивергенции в экономике и обществе. Таким образом, полученные результаты имеют практическую ценность для политиков, менеджеров, инвесторов и исследователей, помогая им принимать обоснованные решения и разрабатывать стратегии в области развития интернет-инфраструктуры и цифровой экономики. Несмотря на выявленные тенденции к сближению, важно продолжать мониторинг развития регионов и факторов, влияющих на устойчивое экономическое развитие.

Список литературы / References

1. Derevtsova, I. V., Vnukova, Y. A., Golovashchenko, E. A., Denisevich, D. D. 2021, The Problem of Digital Inequality in the Regions of Russia as a Threat to Economic Security, *Baikal Research Journal*, vol. 12, № 2, [https://doi.org/10.17150/2411-6262.2021.12\(2\).20](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2021.12(2).20)
2. Kolotouchkina, O., Barroso, C. L., Sánchez, J. L. M. 2022, Smart cities, the digital divide, and people with disabilities, *Cities*, vol. 123, 103613, <https://doi.org/10.1016/j.cities.2022.103613>
3. Alexopoulou, S., Åström, J., Karlsson, M. 2022, The grey digital divide and welfare state regimes: a comparative study of European countries, *Information Technology and People*, vol. 35, № 8, p. 273—291, <https://doi.org/10.1108/ITP-11-2020-0803>
4. Aditya, T., Ningrum, S., Nurasa, H., Irawati, I. 2023, Community needs for the digital divide on the smart city policy, *Heliyon*, vol. 9, № 8, p. 1—15, <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2023.e18932>
5. Lyshchikova, J., Stryabkova, E., Likhlob, P., Zaitsev, I. 2021, Analysis of Approaches for the Measurement of the Spatial Digital Divide in Russia and Abroad, In: *Proceedings of the 3rd International Conference Spatial Development of Territories (SDT 2020)*, № 181, p. 249—255, <https://doi.org/10.2991/aebmr.k.210710.042>
6. Wang, S., Cunningham, N. R., Eastin, M. S. 2015, The Impact of eWOM Message Characteristics on the Perceived Effectiveness of Online Consumer Reviews, *Journal of Interactive Advertising*, vol. 15, № 2, p. 151—159, <https://doi.org/10.1080/15252019.2015.1091755>
7. Riggins, F., Dewan, S. 2005, The Digital Divide: Current and Future Research Directions, *Journal of the Association for Information Systems*, vol. 6, № 12, p. 298—337, <https://doi.org/10.17705/1jais.00074>
8. Bucy, E. P., Newhagen, J. E. (eds.). 2003, *Media Access: Social and Psychological Dimensions of New Technology Use*, Routledge, <https://doi.org/10.4324/9781410609663>
9. Bonfadelli, H. 2002, The Internet and knowledge gaps: A theoretical and empirical investigation, *European Journal of Communication*, vol. 17, № 1, p. 65—84, <https://doi.org/10.1177/0267323102017001607>
10. Van Dijk, J., Hacker, K. 2003, The Digital Divide as a Complex and Dynamic Phenomenon, *Information Society*, vol. 19, № 4, p. 315—326, <https://doi.org/10.1080/01972240309487>
11. Hargittai, E. 2002, Second-level digital divide: Differences in people's online skills, *First Monday*, vol. 7, № 4, <https://doi.org/10.5210/fm.v7i4.942>
12. Van Dijk, J. 2005, *The Deepening Divide: Inequality in the Information Society*. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, Inc., <https://doi.org/10.4135/9781452229812>
13. Wei, M., Madia, F., Longo, V. D. 2011, Studying age-dependent genomic instability using the *S. cerevisiae* chronological lifespan model, *Journal of Visualized Experiments*, vol. 29, № 55, p. 3030, <https://doi.org/10.3791/3030>

14. Stern, M. J., Adams, A. E., Elsassner, S. 2009, Digital inequality and place: The effects of technological diffusion on internet proficiency and usage across rural, Suburban, and Urban Counties, *Sociological Inquiry*, vol. 79, № 4, p. 391—417, <https://doi.org/10.1111/j.1475-682X.2009.00302.x>
15. Van Deursen, A., Helsper, E. J., Eynon, R. 2016, Development and validation of the Internet Skills Scale (ISS), *Information Communication and Society*, vol. 19, № 6, p. 804—823, <https://doi.org/10.1080/1369118X.2015.1078834>
16. Bruno, F., Bruno, S., De Sensi, G., Luchi, M.-L., Mancuso, S., Muzzupappa, M. 2010, From 3D reconstruction to virtual reality: A complete methodology for digital archaeological exhibition, *Journal of Cultural Heritage — J CULT HERIT*, vol. 11, № 1, p. 42—49, <https://doi.org/10.1016/j.culher.2009.02.006>
17. Helsper, E. J. 2012, A Corresponding Fields Model for the Links Between Social and Digital Exclusion, *Communication Theory*, vol. 22, № 4, p. 403—426, <https://doi.org/10.1111/j.1468-2885.2012.01416.x>
18. Witte, J. C., Mannon, S. E. 2010, *The Internet and Social Inequalities* (1st ed.). Routledge, <https://doi.org/10.4324/9780203861639>
19. Helsper, E. J., Eynon, R. 2010, Digital natives: Where is the evidence?, *British Educational Research Journal*, vol. 36, № 3, p. 503—520, <https://doi.org/10.1080/01411920902989227>
20. Mossberger, K., Tolbert, C., Stansbury, M. 2003, *Virtual Inequality: Beyond the Digital Divide*, Georgetown University Press, Washington.
21. Baumol, W. J. 1986, Productivity growth, convergence, and welfare: what the long-run data show, *The American economic review*, p. 1072—1085.
22. Barro, R. J. 1991, Economic growth in a cross section of countries, *The quarterly journal of economics*, vol. 106, № 2, p. 407—443, <https://doi.org/10.2307/2937943>
23. Barro, R. J., Sala-i-Martin, X., Blanchard, O. J., Hall, R. E. 1991, Convergence across states and regions, *Brookings papers on economic activity*, p. 107—182.
24. Sala-i-Martin, X. 1996, The classical approach to convergence analysis, *The economic journal*, vol. 106, № 437, p. 1019—1036, <https://doi.org/10.2307/2235375>
25. Quah, D. 1993, Galton's fallacy and tests of the convergence hypothesis, *The Scandinavian Journal of Economics*, p. 427—443, <https://doi.org/10.2307/3440905>
26. Rey, S. J., Montouri, B. D. 1999, US regional income convergence: a spatial econometric perspective, *Regional studies*, vol. 33, № 2, p. 143—156, <https://doi.org/10.1080/00343409950122945>
27. Rey, S. J., Janikas, M. V. 2005, Regional convergence, inequality, and space, *Journal of Economic geography*, vol. 5, № 2, p. 155—176.
28. Alcidi, C. 2019, Economic integration and income convergence in the EU, *Intereconomics*, vol. 54, № 1, p. 5—11.
29. Schönfelder, N., Wagner, H. 2019, Institutional convergence in Europe, *Economics*, vol. 13, <https://doi.org/10.5018/economics-ejournal.ja.2019-3>
30. Postiglione, P., Cartone, A., Panzera, D. 2020, Economic convergence in EU NUTS 3 regions: A spatial econometric perspective, *Sustainability*, vol. 12, № 17, 6717, <https://doi.org/10.3390/su12176717>
31. Keun, Y. O., Vinish, K. 2012, Digital divide Across Asian Countries: Is the Convergence Robust?, *Korea and the World Economy*, vol. 13, № 3, p. 451—475.
32. Rath, B. N. 2016, Does the digital divide across countries lead to convergence? New international evidence, *Economic Modelling*, vol. 58, p. 75—82, <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2016.05.020>
33. Park, S. R., Choi, D. Y., Hong, P. 2015, Club convergence and factors of digital divide across countries, *Technological Forecasting and Social Change*, vol. 96, p. 92—100, <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2015.02.011>
34. Chang, Y. S., Jeon, S., Shamba, K. 2020, Speed of Catch-up and Digital Divide: Convergence Analysis of Mobile Cellular, Internet, and Fixed Broadband for 44 African Countries, *Journal of Global Information Technology Management*, vol. 23, № 3, p. 217—234, <https://doi.org/10.1080/1097198X.2020.1792231>
35. Ramadhanti, H. D., Astuti, E. T. 2022, Digital Divide and A Spatial Investigation of Convergence in ICT Development Across Provinces in Indonesia, *Jurnal Aplikasi Statistika & Komputasi Statistik*, vol. 12, № 3, p. 69—84, <https://doi.org/10.34123/jurnalasks.v14i1.388>
36. Kyriakidou, V., Michalakelis, C., Varoutas, D. 2009, Estimating digital divide convergence, *Good, the Bad and the Challenging: The user and the future of information and communication technologies. A transdisciplinary conference organized by COST Action*, vol. 298.

37. Agarwal, T., Panda, P.K. 2018, Pattern of Digital Divide and Convergence in Access to ICT Facilities among the Indian States, *Journal of Infrastructure Development*, vol. 10, № 1-2, p. 37–51, <https://doi.org/10.1177/0974930618809171>

38. Bagautdinova, N. G., Kadochnikova, E. I. 2023, Technological Inequality: Disproportion and Good, *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, vol. 16, № 9, p. 1664–1675. EDN: WPOATE

39. Zemtsov, S. P., Demidova, K. V., Kichaev, D. Yu. 2022, Internet diffusion and interregional digital divide in Russia: trends, factors, and the influence of the pandemic, *Baltic Region*, vol. 14, № 4, p. 57–78, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-4-4>

40. Giannetti, M. 2002, The effects of integration on regional disparities: Convergence, divergence or both?, *European Economic Review*, vol. 46, № 3, p. 539–567, [https://doi.org/10.1016/S0014-2921\(01\)00166-0](https://doi.org/10.1016/S0014-2921(01)00166-0)

41. Soukiazis, E., Castro, V. 2005, How the Maastricht criteria and the Stability and Growth Pact affected real convergence in the European Union. A panel data analysis, *Journal of Policy Modeling*, vol. 27, № 3, p. 385–399, <https://doi.org/10.1016/j.jpolmod.2005.01.002>

42. Sala-i-Martin, X. 2006, The World Distribution of Income: Falling Poverty and Convergence, Period, *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 121, № 2, 351–397, <https://doi.org/10.1162/qjec.2006.121.2.351>

43. Johnston, J. 1969, H. Theil. Economics and Information Theory, *The Economic Journal*, vol. 79, № 315, p. 601–602, <https://doi.org/10.2307/2230396>

44. Moran, P. A. P. 1950, Notes on Continuous Stochastic Phenomena, *Biometrika*, vol. 37, № 1-2, p. 17–23, <https://doi.org/10.2307/2332142>

Об авторах

Анастасия Александровна Курилова, доктор экономических наук, профессор, Тольяттинский государственный университет, Россия.

E-mail: aakurilova@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1943-5675>

Представлено для возможной публикации в открытом доступе в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution – Noncommercial – NoDerivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CCBY-NC-ND 4.0)

ANALYSIS OF THE CONVERGENCE OF DIGITAL INEQUALITY ACROSS RUSSIAN REGIONS

A. A. Kurilova

Togliatti State University
14 Belorusskaya St., Togliatti, 445020, Russia

Received 02 February 2024
Accepted 08 October 2024
doi: 10.5922/2079-8555-2025-1-7
© Kurilova, A.A., 2025

In contemporary information societies, digital inequality among populations has become a significant challenge, impeding both social and economic progress. This study aims to investigate the convergence of digital inequality across 79 regions of Russia from 2014 to 2021, with a particular focus on the population's access to information and communication technologies.

To cite this article: Kurilova, A. A. 2025, Analysis of the convergence of digital inequality across Russian regions, *Baltic Region*, vol. 17, № 1, p. 117–140. doi: 10.5922/2079-8555-2025-1-7

Through the analysis of dispersion and Theil indices, the study reveals a trend of convergence and a growing uniformity in digital inequality indicators among the population of Russian regions over the observed period. Notably, there has been a relatively homogeneous distribution of digital inequality indicators across regions throughout this timeframe. The general trend of reduced dispersion signals a more stable and consistent dynamic of indicators across regions, suggesting enhanced stability and similar development trajectories. Moran dispersion diagrams for both 2014 and 2021 have enabled the identification of regional shifts between quadrants, highlighting progress in the trend towards reducing digital inequality among Russian regions. Regions initially characterised by lower levels of internet development have gradually advanced to higher quadrants in the Moran chart in subsequent years. This indicates a convergence process, wherein these regions are narrowing the gap with, or even surpassing, regions with more advanced internet development. This upward trend reflects the effectiveness of governmental policies and measures aimed at enhancing internet infrastructure and technological integration across the regions.

Keywords:

digital inequality, internet, convergence, digital technologies, digital economy, Russian regions, digital divide, econometric modeling

The author

Dr Anastasia A. Kurilova, Togliatti State University, Russia.

E-mail: aakurilova@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1943-5675>

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution – Noncommercial – No Derivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CC BY-NC-ND 4.0)

ТРАНСМИССИЯ ФИНАНСОВОГО ЗАРАЖЕНИЯ В СТРАНАХ БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА В ПЕРИОД ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО КРИЗИСА 2021–2022 ГОДОВ

А. М. Терехов^{1, 2}

А. О. Овчаров¹

¹ Нижегородский государственный университет
им Н. И. Лобачевского,
603022, Россия, Нижний Новгород, просп. Гагарина, 23

² Российский государственный университет правосудия,
117418, Россия, Москва, ул. Новочерёмушкинская, 69

Поступила в редакцию 04.02.2024 г.

Принята к публикации 22.10.2024 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2025-1-8

© Терехов А. М., Овчаров А. О., 2025

Мировой энергетический кризис 2021–2022 гг. оказал влияние на финансовые рынки различных стран. Шок волатильности цен на нефтегазовом рынке стал толчком к трансмиссии кризисных процессов в различных европейских странах, включая страны Балтийского региона. В данной статье для этих стран особенности энергетического кризиса рассмотрены с использованием методологии финансового заражения. Цель исследования заключалась в получении оценок финансового заражения, распространившегося в странах Балтийского региона по каналам фондового рынка в 2021–2022 гг., а также в систематизации мер, направленных на устранение последствий энергетического кризиса и противодействие финансовому заражению. С использованием методов статистического анализа показано современное состояние энергетического рынка стран Балтийского региона и его реакция на конфликт между Россией и Украиной. На базе обобщения ряда публикаций в отношении стран Балтии приведены свидетельства финансового заражения, распространявшегося в разные годы под влиянием различных шоков. Методология финансового заражения была реализована путем построения моделей DCC-GARCH и получения оценок заражения с помощью специальных тестовых статистик. Проведенные расчеты позволили сделать вывод о том, что энергетический кризис привел к финансовому заражению на рынках большинства стран Балтийского региона. В работе были определены причины уязвимости этих стран к финансовому заражению, а также получены дополнительные оценки заражения в отраслевом аспекте. Это позволило сделать выводы о степени устойчивости отдельных секторов экономики к кризису. Различная подверженность финансовому заражению была объяснена степенью зависимости от внешних поставок энергоресурсов и характером антикризисной политики. Для стран Балтийского региона систематизирован набор конкретных антикризисных мер в разрезе домохозяйств и бизнеса, а также показаны направления противодействия финансовому заражению.

Ключевые слова:

Балтийский регион, финансовое заражение, энергетический кризис, волатильность, модель DCC-GARCH, антикризисная политика

Для цитирования: Терехов А. М., Овчаров А. О. Трансмиссия финансового заражения в странах Балтийского региона в период энергетического кризиса 2021–2022 годов // Балтийский регион. 2025. Т. 17, № 1. С. 141–161. doi: 10.5922/2079-8555-2025-1-8

Введение

Европейская экономика очень часто оказывается подверженной негативному влиянию шоков различных масштабов, природы и продолжительности. Можно привести такие примеры, как мировой финансовый и долговой кризисы, Brexit, COVID-19. Не успев в полной мере преодолеть последствия пандемии COVID-19, европейские страны столкнулись с новыми вызовами, связанными в первую очередь с усилением международной политической напряженности. Глобальным шоком стал военный конфликт между Россией и Украиной, который привел к росту инфляции, повышению процентных ставок, усилению волатильности на многочисленных рынках финансов, сырья и продовольствия [1]. В свою очередь, это спровоцировало шоки на рынках энергоносителей, что привело к развитию энергетического кризиса, который в 2022 г. приобрел глобальные масштабы [2].

Стоит отметить, что сам энергетический кризис начался еще в 2021 г., когда после рекордного падения совокупного спроса во время пандемии мировая экономика начала ускоряться. Реакцией на возобновление экономического роста и восстановление промышленного производства стало увеличение спроса на энергию. Параллельно наблюдалось увеличение цен на природный газ и подорожание углеродных квот, что в итоге спровоцировало рост цен на энергоносители по всей Европе [3; 4]. Однако все же переломным моментом считается начало военных действий в феврале 2022 г., когда финансовые рынки отреагировали резким всплеском волатильности цен на активы энергетического сектора [5].

Любой кризис, включая энергетический, представляет собой не статичное, а динамичное явление, которое распространяется между странами, рынками и секторами и может приводить к трансформации межрыночных связей. В этом контексте влияние кризисов на экономические системы продуктивно рассматривать сквозь призму теории и методологии финансового заражения. Эта концепция, ставшая популярной в 1990-е гг. при изучении азиатских и латиноамериканских финансовых кризисов и использующая аналогии с биологическим заражением, дает ключ к пониманию механизмов трансмиссии различных шоков от одного субъекта к другому и причин разрастания кризисов. Система статистических и эконометрических методов обнаружения финансового заражения позволяет выявить сдвиги в экономических взаимосвязях, которые возникают в результате негативного воздействия того или иного шока. В данной статье ставится цель применения инструментария финансового заражения для получения оценок влияния энергетического кризиса 2021 — 2022 гг. на экономики стран Балтийского региона. Для этого в работе представлен обзор исследований зависимости данных стран от энергоресурсов и их реакции на энергетический шок. Кроме того, кратко раскрываются положения концепции финансового заражения, приводятся результаты эмпирических исследований в отношении особенностей финансового заражения в странах Балтийского региона. Основная часть статьи — это описание содержания и результатов проведенного эмпирического исследования по выявлению эффектов заражения в государствах Балтийского региона как непосредственно в страновом, так и в отраслевом аспекте. Наконец, завершает статью систематизация антикризисных мер и анализ политики противодействия финансовому заражению.

Энергетический рынок стран Балтийского региона: современное состояние и реакция на конфликт между Россией и Украиной

Точкой отсчета современного энергетического кризиса стал конец 2021 г., когда наблюдалась повышенная волатильность цен на рынке газа. Это объясняется не только ростом объемов его потребления, но и введением новых запретительных мер

против российской экономики. Так, в пятом пакете санкций обозначен запрет на продажу, поставку, передачу или экспорт в Россию товаров и технологий, необходимых для сжижения газа. Ограничение использования российского газа привело к экономическим потерям в странах Европы, поскольку Россия на тот момент покрывала две трети от их потребности. При этом отсутствовала возможность перехода на альтернативные энергоресурсы [6; 7]. Страны Балтийского региона поддержали отказ от российских энергоносителей, причем некоторые из них, например Польша и Литва, уже продолжительное время придерживались осторожного подхода к поставкам российских энергоносителей и разработали новую инфраструктуру импорта энергоносителей для диверсификации своих источников энергии [8].

Вместе с тем введение ограничений не позволило странам Балтийского региона полностью отказаться от российских энергоресурсов, поскольку в 2021 г. еще отсутствовали возможности диверсификации поставок для обеспечения их необходимого объема. По мере восстановления после пандемии COVID-19 производственных мощностей увеличивалась потребность в источниках энергии, а это, в свою очередь, спровоцировало рост цен на них. На рисунке 1 представлена динамика средних по Балтийскому региону значений гармонизированного индекса потребительских цен на электроэнергию и энергоресурсы. Речь идет об одном из показателей инфляции, который помогает трейдерам строить прогнозы относительно дальнейших изменений на валютном рынке. Рассмотренная динамика отражает влияние кризиса, вызванного конфликтом между Россией и Украиной, на рост цен на энергоресурсы и возможность трансмиссии системного риска через торговые каналы.

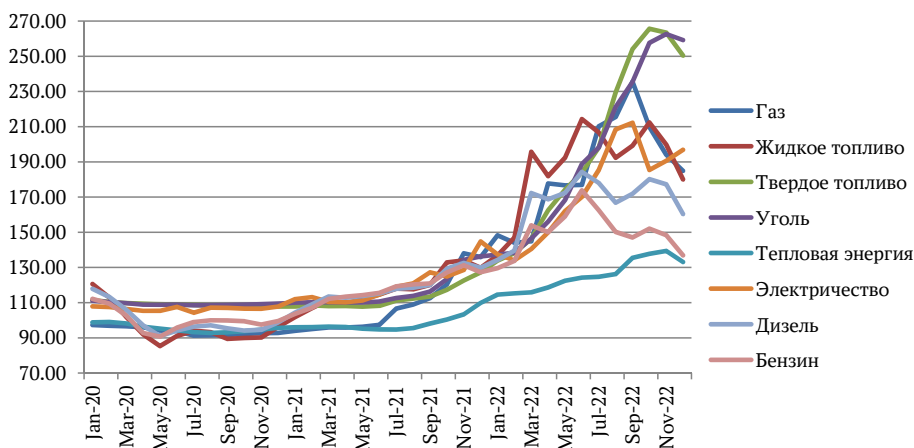

Рис. 1. Гармонизированные индексы потребительских цен на электроэнергию, тепловую энергию и другие энергоносители в странах Балтийского региона (без России) в 2020—2022 гг., %

Рассчитано по данным Евростата¹.

Как видно из рисунка 1, в феврале — марте 2022 г. темпы роста цен резко увеличились на жидкое топливо, газ, бензин, дизель. С некоторой задержкой (≈ 1 мес.) наблюдались резкие скачки цен на твердое топливо, тепловую энергию, электричество, уголь. В разрезе стран Балтийского региона наименьшие показатели роста

¹ HICP — monthly data (monthly rate of change), Eurostat.eu, URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/prc_hicp_mmor/default/table?lang=en&category=prc_prc_hicp (дата обращения: 03.02.2024).

цен на электроэнергию были в Польше и Германии. Более всего этому росту оказалась подвержена Эстония — пиковые значения в августе 2022 г. составили 463,5 %. Самые высокие темпы роста цен на газ наблюдались в Литве, Латвии и Германии. По дизельному топливу наибольший рост цен был зафиксирован в Швеции. Уголь, как и твердое топливо, хотя и с запозданием, но продемонстрировал наибольший рост цен. Лидером здесь оказалась Польша (с максимумом в октябре 2022 г. — 386,4 %), далее идут Эстония и Литва.

Финляндия, Польша, Литва и Эстония имеют очень высокую зависимость (70—85 %) от поставок российской нефти, несмотря на то, что эта доля постепенно снижается. Страны Балтийского региона также следует отнести к группе европейских стран, которые сильно зависят от российского газа, хотя в отдельные временные периоды наблюдаются колебания такой зависимости [6]. Следует отметить, что страны Балтики исторически импортировали большую часть природного газа по трубопроводам из Северного моря или России. Поскольку хранение и транспортировка газа обходятся дороже, чем нефти или угля, ценообразование на рынках природного газа менее предсказуемое. Поэтому в последние годы, особенно с началом военных действий на Украине, активизировалась работа по установке терминалов для сжиженного природного газа в Польше, Финляндии и Эстонии. Однако их установка не покрывает потребности того объема, который может быть поставлен по трубопроводу [9].

Отметим, что специфическими особенностями характеризуется энергетический рынок Литвы. Эта прибалтийская страна с ее ограниченными ресурсами ископаемого топлива напрямую зависит от импорта нефти и природного газа. Еще в 1990-х гг. большая часть электроэнергии в Литве вырабатывалась на одной атомной электростанции (Игналинская АЭС). До 2009 г. она удовлетворяла 77 % потребностей страны в электроэнергии. Однако два реактора АЭС были остановлены в 2004 и 2009 гг., и Литва превратилась из нетто-экспортера в нетто-импортера электроэнергии. Всего за одно десятилетие страна перешла от ориентации на атомную энергетику к национальной стратегии использования возобновляемых источников энергии [10]. Тем не менее проблема энергетической зависимости по-прежнему стоит остро. Сегодня более 70 % потребностей страны в электроэнергии покрывается за счет импорта. При этом во внутреннем энергоснабжении постепенно растет значение биоэнергии. Большинство электростанций совместного производства, централизованного теплоснабжения и жилых домов в Литве перешло с природного газа на биомассу, что обусловлено обилием лесов и пахотных земель¹. Предполагается, что к 2030 г. Литва вдвое сократит импорт электроэнергии и будет удовлетворять 70 % своих потребностей в ней за счет внутренних возобновляемых источников энергии, включая энергию биомассы, солнца, ветра и воды.

Методология и методика исследования

Методологические особенности исследования процессов финансового заражения

В современных исследованиях понятие «финансовое заражение» имеет различные трактовки. Однако большинство ученых-экономистов рассматривает это явление как передачу шока от одной страны к другой (либо от одной отрасли или сектора экономики к другой отрасли или сектору), благодаря которой могут нарушаться межрыночные связи. Узкое понимание термина «финансовое заражение»,

¹ Energy system of Lithuania, IEA50, URL: <https://www.iea.org/countries/lithuania> (дата обращения: 02.02.2024).

используемое во многих эмпирических работах, сводится к тому, что по сравнению со «спокойными» периодами в периоды финансового заражения на различных рынках обязательно должны наблюдаться экстремальная доходность и повышенная корреляция между ценами на активы. Реакция на шок приводит к усилению страновых или отраслевых взаимозависимостей, которые могут объясняться как изменениями в макроэкономических основах этих стран (фундаментальные факторы), так и конъюнктурными обстоятельствами. В частности, предметом рассмотрения иногда выступает «стадное поведение» инвесторов, то есть подражательное поведение участников рынка, приводящее к разрастанию инфляции и появлению «финансовых пузырей» [13].

Методология финансового заражения сложна и разнообразна. Она представляет собой набор статистических и эконометрических методов и моделей, применяемых для выделения кризисных и «спокойных» периодов и для фиксации сдвигов во взаимосвязях. Это позволяет обнаружить наличие, направленность и силу финансового заражения, распространяющегося по различным каналам. Основным каналом считается канал фондового рынка. Например, в [14] на основе корреляционного анализа и модели GARCH было получено подтверждение распространения финансового заражения с фондового рынка США на страны Балтии (Эстонию, Латвию и Литву) в период мирового финансового кризиса. При этом нельзя недооценивать и другие возможные каналы, в частности канал банковских операций. Так, по данным о транзакциях датской платежной системы были получены оценки риска заражения на национальном рынке депозитов [15]. Кроме того, на основе имитационного моделирования сделан вывод о том, что неожиданное банкротство крупного банка лишь с незначительной вероятностью может привести к финансовому заражению всей денежно-кредитной системы Дании.

Следует отметить, что в целом Балтийский регион (если под ним понимать сочетание всех стран в географическом районе, прилегающем к Балтийскому морю) практически не рассматривается с точки зрения теории и методологии финансового заражения. Исследования ведутся в отношении либо конкретного государства данного региона, либо определенной выборки стран, в которую попадают и страны Балтийского региона. Так, при изучении распространения финансового заражения в период мирового финансового кризиса (МФК) и долгового кризиса в еврозоне на широкий спектр приграничных фондовых рынков в выборку попала лишь одна страна из Балтийского региона — Эстония [16]. Согласно выводам авторов, сделанным по результатам проведенного кросс-корреляционного анализа, эта страна демонстрирует очень слабые эффекты заражения, в то время как другие страны из разных макрорегионов (Словения, Нигерия, Вьетнам и др.) — высокие.

Чаще всего Балтийский регион в эмпирических работах по финансовому заражению рассматривается сквозь призму трех государств — Латвии, Литвы и Эстонии. Причем исследования проводятся в контексте процессов региональной и глобальной интеграции финансовых рынков этих стран. Например, в [17] с помощью коинтеграционного анализа и теста Грэйнджера на причинность найдены доказательства существования долгосрочной двунаправленной причинно-следственной связи между фондовыми индексами Вильнюса, Риги и Таллина, что свидетельствует об интегрированности данных рынков на региональном уровне. В то же время результатов, иллюстрирующих реакцию прибалтийских рынков на тот или иной шок или негативное событие, запускающее процессы передачи рисков и финансового заражения, крайне мало. В таблице 1 мы приводим примеры некоторых из них, которые были получены в ряде зарубежных исследований в разные годы.

Таблица 1

Результаты эмпирических исследований финансового заражения в отношении трех стран Балтии

Шок или событие	Метод обнаружения финансового заражения	Основные результаты
Политические новости из России	Многомерное обобщение асимметричной модели GARCH — VARMA-AGARCH	Влияние политических новостей на финансовое заражение стран Балтии со временем снижается. Распространение заражения зависит от интерпретации инвесторами политических новостей, а также от торговых отношений между странами Балтии и Россией [18]
МФК	Коинтеграционный анализ, тесты Грэйнджера, Дики — Фуллера, Йохансена	Финансовые риски в большей степени передались на рынки Латвии и Эстонии, в меньшей — на рынки Литвы. В условиях шока интересы и ожидания инвесторов связаны с крупными рынками [19]
МФК	Скорректированные коэффициенты корреляции, модель GARCH	Резкое усиление связей между США (кризисной страной) и Эстонией, Латвией и Литвой (некризисными странами) наблюдается сразу же после 15 сентября 2008 г. (даты начала кризиса) [14]
Крах банка Lehman Brothers	Модель DCC-GARCH, тесты	Общесистемные шоки в мировых финансовых центрах влияют на балтийские рынки. Наиболее значительный эффект от трансграничной передачи финансового заражения наблюдался на рынках Эстонии и Литвы [20]
МФК и европейский долговой кризис	Модель FIAPARCH	Латвия и Литва оказались восприимчивыми к заражению странами во время МФК (Эстония — невосприимчивой) и невосприимчивыми во время долгового кризиса (Эстония — восприимчивой). Инвесторам следует проявлять осторожность при одновременном инвестировании на развивающихся рынках Балтии [21]

Таким образом, имеется определенный задел по изучению финансового заражения в странах Балтийского региона. Однако требуется проведение новых эмпирических исследований, позволяющих обнаружить реакцию этих стран на различные шоки, включая и энергетический, выявить и объяснить причины возможного финансового заражения.

Дизайн исследования и его эмпирическая база

Исследование состояло из следующих этапов.

На первом этапе были выделены страны, входящие в состав Балтийского региона. Для этого мы воспользовались узким подходом, изложенным в [22]. В результате наша выборка была образована из 9 стран, в нее не попали такие государства, как Беларусь, Исландия, Норвегия, включаемые в состав этого региона согласно широкому подходу.

В исследовании рассматривался фондовый канал передачи финансового заражения. Поэтому в качестве эмпирической базы выступали данные об акциях, фондовых индексах и биржевой торговле энергоресурсами. При этом с целью учета

особенностей европейской торговли нефтью и газом использовалась статистика европейской биржевой торговли. Таким образом, данными, послужившими эмпирической базой для последующих расчетов, были:

— цены фьючерсных контрактов на природный газ (ICE Dutch TTF Natural Gas Futures (TFMBMс1) — Нидерланды)¹ и нефть марки Brent (Brent Crude Oil Fut (LCOU4) — Великобритания) (Лондонская межконтинентальная биржа (ICE Futures Europe))²;

— основные и отраслевые индексы стран Балтийского региона;

— котировки акций крупных компаний, расположенных в странах Балтийского региона.

Периодичность раскрытия информации — ежесуточная. Выборка охватила период с 2 января 2021 г. по 31 декабря 2022 г. (рассмотрено более 20 000 наблюдений).

Выбранные наблюдения были трансформированы в ряды логарифмических доходностей, проанализированы на стационарность с использованием расширенного теста Дикки — Фуллера (ADF-тест).

На втором этапе осуществлен графический анализ динамики волатильности нефтегазового рынка, который позволил обозначить периоды начала энергетического кризиса и запуска процесса финансового заражения. В качестве волатильности показателей принималось их стандартное отклонение.

На третьем этапе произведено тестирование пар переменных «трансмиссер — ресивер» на ARCH-эффекты, которое позволило обосновать возможность использования моделей DCC-GARCH с учетом имеющейся структуры данных для оценки передачи финансового заражения от передатчика к приемнику. Тестирование производилось на основе предварительно построенных моделей парной линейной регрессии.

На четвертом этапе были оценены модели DCC-GARCH, построенные в многочисленных связках «трансмиссер — ресивер» по данным логарифмических доходностей цен на газ и нефть (предполагаемых передатчиков заражения) и логарифмических доходностей индексов отдельных стран Балтийского региона (предполагаемых приемников заражения). Отметим, что математическое описание рассматриваемой методики имеет достаточно громоздкий вид, поэтому мы не приводим его в данной работе. С исходным вариантом модели DCC-GARCH можно ознакомиться в [23], ее реализацию в российских исследованиях см., например, в [24; 25].

На пятом этапе проводилась оценка средних значений рассчитанных ранее рядов динамических условных корреляций и тестировалась гипотеза о наличии / отсутствии заражения. Выдвигалось предположение о наличии заражения в случае превышения средних значений динамических условных корреляций в кризисный период (\overline{DCC}_{kriz}) по сравнению со стабильным (\overline{DCC}_{stab}):

$$H_0: \overline{DCC}_{kriz} > \overline{DCC}_{stab}, \quad (1)$$

$$H_1: \overline{DCC}_{kriz} < \overline{DCC}_{stab}, \quad (2)$$

Для подтверждения факта заражения ряды динамических условных корреляций тестировались с использованием следующих тестов: двухвыборочного t-теста с различными дисперсиями, u-теста Уилкоксона — Манна — Уитни на различие медианных значений и z-теста Колмогорова — Смирнова на различие распределений вероятностей.

¹ Прошлые данные — ICE Dutch TTF Natural Gas Futures, *Investing.com*, URL: <https://ru.investing.com/commodities/ice-dutch-ttf-gas-c1-futures-historical-data> (дата обращения: 24.07.2024).

² Прошлые данные — Brent Oil Futures, *Investing.com*, URL: <https://www.investing.com/commodities/brent-oil-historical-data> (дата обращения: 02.02.2024).

Результаты исследования и их обсуждение

Оценки волатильности нефтегазового рынка как предиктора финансового заражения стран Балтийского региона

На рисунке 2 изображена динамика волатильности потенциальных источников финансового заражения — нефти и газа. Начало кризисного периода характеризовалось усилением волатильности цен на энергоносители. Так, значительное усиление волатильности цен на природный газ наблюдалось с середины сентября 2021 г. Причиной этому послужила совокупность следующих факторов:

- увеличение спроса на газ в Европе из-за холодной зимы и рост использования газа для отопления (уход от угля);
- международная геополитическая напряженность, которая привела к уменьшению поставок газа из России в Европу;
- недостаточное производство сжиженного природного газа в США из-за природных катаклизмов и проблем с техническим обслуживанием;
- увеличение спроса на сжиженный природный газ в Азии из-за роста экономики и сокращения использования угля в различных отраслях экономики;
- спекуляции на финансовых рынках.

Усиление волатильности цен на нефть наблюдалось позже — с 26 ноября 2021 г. Причинами роста волатильности выступили:

- обеспокоенность инвесторов в отношении распространения нового штамма COVID-19 «Омикрон», который мог привести к введению повторных карантинных мер и ограничить спрос на нефть;
- резкое увеличение запасов сырой нефти в США и вызванное этим снижение спроса на нефть;
- отказ от продления сделки по сокращению добычи нефти странами — участниками ОПЕК+, которая действовала с начала 2021 г., что способствовало увеличению неопределенности на рынке;
- укрепление доллара США.

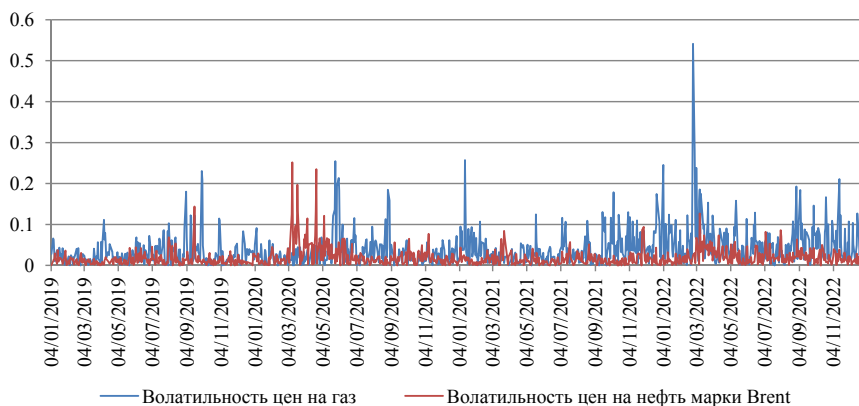

Рис. 2. Динамика волатильности цен на природный газ и нефть марки Brent

Составлено по данным статистики европейской биржевой торговли¹.

¹ Прошлые данные — ICE Dutch TTF Natural Gas Futures, *Investing.com*, URL: <https://ru.investing.com/commodities/ice-dutch-ttf-gas-c1-futures-historical-data> (дата обращения: 24.07.2024); Прошлые данные – Brent Oil Futures, *Investing.com*, URL: <https://www.investing.com/commodities/brent-oil-historical-data> (дата обращения: 02.02.2024).

Отметим, что нефть и газ являются альтернативными друг другу источниками энергии, хотя и не взаимозаменяемыми. В связи с этим, например, резкое снижение предложения на рынке газа не сразу отражается на конъюнктуре рынка нефти, что подтверждается нашими наблюдениями. Разрыв в датах начала усиления волатильности составляет более полутора месяцев. Поскольку хранение и транспортировка газа обходятся дороже, чем нефти (в том числе и в европейских странах, включая страны Балтийского региона, что подтверждается исследованиями [9]), рынки природного газа менее ликвидны и более волатильны.

В качестве докризисного периода рассматривались несколько месяцев 2021 г. с относительно низкой динамикой волатильности цен на энергоносители. Кризисным периодом считался временной отрезок, в течение которого стандартное отклонение цен в два и более раза превышало аналогичный показатель в докризисном периоде. Подробные характеристики выделенных для анализа периодов, связанных с процессами возможной передачи финансового заражения, представлены в таблице 2.

Таблица 2

Результаты выделения докризисных и кризисных периодов на исследуемых рынках

Показатель	Передачик заражения (трансмиссивер)	
	Газ	Нефть
Дата начала периода стабилизации волатильности (спокойного периода)	11.02.2021	31.03.2021
Дата начала периода усиления волатильности (периода кризиса)	16.09.2021	26.11.2021
Дата окончания анализируемого периода усиления волатильности	30.12.2022	30.12.2022
Средняя волатильность в спокойный период	0,017	0,013
Средняя волатильность в период кризиса	0,043	0,029

В целом за исследуемый период наблюдались более высокие количественные значения волатильности цен на природный газ, чем на нефть, причем как в стабильном, так и в кризисном периодах. Усиление волатильности цен на газ в кризисном периоде было более явным, чем на нефть (темп роста — 252,9 против 169,2 %). Это может указывать на то, что именно газовый кризис привел к мировому энергетическому кризису и запустил процессы финансового заражения.

Оценки финансового заражения в странах Балтийского региона

Результаты анализа на основе ADF-теста не отвергают гипотезу о стационарности анализируемых переменных при уровне доверительной вероятности 95—99 % ($0,00 < p\text{-значение} < 0,05$). Тестирование на ARCH-эффекты показало, что гипотеза о наличии ARCH-процессов не отвергается для всех парных связей вида «газ → страна Балтийского региона» и «нефть → страна Балтийского региона». С учетом этого для всех парных связей по нашей выборке были построены модели DCC-GARCH. Рассчитанные по итогам моделирования динамические условные корреляции (DCC) использовались для фиксации передачи заражения. Нами был произведен расчет средних значений DCC (как среднее арифметическое рядов DCC), медианных значений отдельно для стабильного и кризисного периодов. После этого произведено тестирование гипотез с использованием t-теста, u-теста и z-теста. Критическое значение t-статистики Стьюдента по парам DCC составляло $t_{крит} = 1,98$. Значимость статистических критериев u-теста и z-теста оценивалась положитель-

но, если результаты полученных значений соответствовали уровню доверительной вероятности — 95 % (p -значение $< 0,05$). Заражение фиксировалось, если все три тестовые статистики не отвергали гипотезу о наличии заражения (табл. 3).

Таблица 3

Результаты фиксации финансового заражения стран Балтийского региона со стороны нефтегазового рынка в период энергетического кризиса 2021 – 2022 гг. (проверка при 5 %-ном уровне значимости)

Страна	DCC (докризисный период)		DCC (кризисный период)		t-тест, $t_{расч}$	u-тест, p-значение	z-тест, p-значение	Фиксация заражения
	Среднее	Медиана	Среднее	Медиана				
<i>Источник заражения — рынок газа</i>								
Германия	-0,050	-0,038	-0,170	-0,171	18,50	0,000	0,000	+
Дания	-0,201	-0,023	-0,026	-0,023	-14,51	0,000	0,000	-
Латвия	0,046	0,055	-0,046	-0,046	8,53	0,000	0,000	+
Литва	0,080	0,103	-0,106	0,182	15,03	0,000	0,000	+
Польша	0,019	0,025	0,003	0,005	0,64	0,210	0,001	-
Финляндия	-0,089	-0,089	-0,186	-0,183	32,98	0,000	0,000	+
Швеция	-0,199	-0,126	-0,133	-0,134	-2,64	0,949	0,000	-
Эстония	0,055	0,068	-0,154	-0,140	13,22	0,000	0,000	+
Россия	0,106	0,109	-0,109	-0,098	19,58	0,000	0,000	+
<i>Источник заражения — рынок нефти</i>								
Германия	0,154	0,159	0,139	0,149	-0,62	0,923	0,000	-
Дания	-0,158	-0,240	-0,083	-0,078	2,98	0,000	0,000	+
Латвия	0,140	0,143	-0,007	-0,002	-9,24	0,000	0,000	-
Литва	0,134	0,131	0,007	0,020	-12,30	0,000	0,000	-
Польша	0,378	0,381	0,122	0,141	-13,72	0,000	0,000	-
Финляндия	0,240	0,264	0,081	0,084	-6,45	0,000	0,000	-
Швеция	0,152	0,148	0,093	0,078	-3,28	0,002	0,000	-
Эстония	0,093	0,050	0,085	0,095	-0,25	0,339	0,116	-
Россия	0,371	0,368	0,051	0,049	-31,74	0,000	0,000	-

Таким образом, в период энергетического кризиса по финансовому каналу мы зафиксировали заражение семи стран Балтийского региона (Германии, Литвы, Латвии, Финляндии, Эстонии, России и Дании). Причем в первых шести странах зафиксировано заражение со стороны газа, а в последней — со стороны нефти.

Как уже отмечалось ранее, основной причиной финансового заражения рассматриваемых стран является восстановление национальных экономик после пандемии коронавируса, сопровождавшееся увеличившимися потребностями в энергоресурсах. При этом рост международной политической напряженности, ужесточение санкционного режима в отношении России, в том числе в энергетической сфере, не способствовали обеспечению этих потребностей. Так, например, Германия имела высокую зависимость от поставок российского природного газа на протяжении продолжительного времени. Если в 2021 г. Россия обеспечивала 65,4 % от общего объема поставок (55 443,3 млн м³), то в 2022 г. эта доля снизилась более чем в два раза — до 29,6 % (25 941,1 млн м³)¹. Возникла срочная необходимость замещения этих поставок, перехода на рынки других стран, наращивания объемов более дорогого СПГ в условиях дефицита этого энергоресурса. С учетом того что Германия

¹ Imports of natural gas by partner country, *Eurostat.eu*, URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/nrg_ti_gas__custom_12445435/default/table?lang=en (дата обращения: 02.02.2024).

является промышленным центром Европы, а удельный вес природного газа, потребляемого промышленными предприятиями, составляет 59%, резкая трансформация энергетического рынка привела к финансовому заражению различных отраслей страны.

Страны, менее зависимые от потребления природного газа, также оказались ресиверами финансового заражения. Например, в Финляндии доля природного газа в структуре энергогенерации и теплогенерации в 2021 г. составила 5,3 и 10,9% соответственно. При этом страна подверглась финансовому заражению, поскольку в структуре импорта доминировала российская нефть. Кроме того, заражению способствовало сокращение производства торфа как источника сырья для теплогенерации.

Восприимчивость Латвии, Литвы и Эстонии к финансовому заражению может быть обусловлена рядом факторов, в том числе увеличением выработки электроэнергии за счет тепловых электростанций, использующих в качестве энергоносителя природный газ; снижением выработки энергии из возобновляемых источников энергии (ВИЭ). Эти страны вышли из энергетического кольца БРЭЛЛ. Например, экономика Литвы характеризуется недостаточной пропускной способностью электросетей, низкой долей генерации электроэнергии из дешевых возобновляемых источников, таких как вода, солнце, ветер (в пределах 20% от имеющихся потребностей). Все это привело к отсутствию у страны достаточных мощностей по выработке необходимого объема потребляемой электроэнергии [26].

Если говорить о причинах газового кризиса в Латвии и возникшего в результате этого финансового заражения, то стоит заметить, что данная страна на протяжении 2015—2020 гг. имела абсолютную зависимость от поставок российского газа. Для сравнения: зависимость Литвы хотя и варьировалась, в целом показывала снижение (в 2020 г. доля российского газа составляла 41,8%)¹. Совокупность факторов, связанных с ограничением использования российских энергоносителей, неблагоприятными климатическими условиями, ростом потребления природного газа и электроэнергии после окончания пандемии COVID-19, привела к финансовому заражению [6].

Заражение российского фондового рынка, связанное с поставками газа, обусловлено тем, что страна фактически лишилась европейского рынка сбыта (77,1% от общего экспорта по состоянию на 2020 г.). Снижение доходов от экспорта отразилось на состоянии других отраслей российской экономики. Кроме того, наблюдались ограничение поставок российского газа, арест российских энергетических активов за рубежом, диверсии на «Северных потоках» — все это способствовало росту неопределенности на фондовом рынке страны и его восприимчивости к финансовому заражению.

Резистентность Польши к заражению, связанному с поставками природного газа, обусловлена тем, что 64,8% потребности в газе обеспечивается за счет импорта СПГ. В стране функционирует терминал СПГ «Свиноуйсьце», который обеспечивает потребности в газе. Таким образом, страна не зависит от конъюнктуры регионального европейского газового рынка. Потребности в трубопроводном газе покрываются за счет поставок по трубопроводу «Baltic pipe», а в целом в структуре потребляемых энергоносителей предпочтение отдается твердому ископаемому топливу (каменному углю).

В Швеции 67,4% энергогенерации и 72,6% теплогенерации обеспечивается за счет ВИЭ, 30,8 и 72,6% соответственно обеспечивается за счет АЭС. Доля газа в

¹ Natural gas import dependency by country of origin, *Eurostat.eu*, URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/NRG_IND_IDOGAS/default/table (дата обращения: 02.02.2024).

выработке электрической и тепловой энергии составляет 0,2 и 0,6 % соответственно, нефти — 0,2 и 1,3 % соответственно (по состоянию на 2021 г.)¹. Фактически страна является энергонезависимой от внешних поставок углеводородов. Это стало причиной ее устойчивости к финансовому заражению со стороны энергоресурсов.

Применительно к рассматриваемым странам финансовое заражение может быть также обусловлено спекулятивной политикой США — основного геополитического партнера по поставкам СПГ (44 % — в 2022 г. и 48 % — в 2023 г.)². Еще в первой половине 2022 г. США стали крупнейшим в мире поставщиком СПГ, а 71 % их экспорта приходится на ЕС и Великобританию³.

Что касается финансового заражения в Дании, то оно может объясняться рядом причин. Так, экономика Дании зависит от импорта сырой нефти для удовлетворения собственных энергетических потребностей. Изменение цен на нефть и снижение ее предложения на мировом рынке привело к росту цен на нефть в Дании, что негативно отразилось на экономике страны. Отсутствие заражения, связанного с газовым рынком, может быть обусловлено тем, что страна самостоятельно добывает газ в датской части Северного моря, что позволяет компенсировать возможный дефицит данного сырья. Дания также является оператором системы передачи газа «Energinet» и за счет эксплуатации газопровода «Baltic pipe» частично компенсирует возникший дефицит европейским странам, получая от этого соответствующую выгоду. Однако в целом повышение цен на энергоносители оказало существенное влияние на конкурентоспособность датских товаров, поскольку их производство требует значительных энергетических затрат. В связи с этим наблюдается снижение валютных поступлений от экспорта этих товаров. Также сказался запрет на оказание услуг и страхование поставок российских нефтеналивных грузов, анонсированный летом 2022 г. [27]. В результате доля импорта российской нефти в Дании за 2022 г. снизилась более чем в три раза — до 7,8 %⁴. Введение санкций против российских морских перевозчиков привело к снижению доходов у датских контрагентов, контролирующих примерно 60 % от всех поставок российской нефти по воде.

Отсутствие заражения, связанного с нефтяным рынком, в остальных странах в целом обусловлено отсутствием дефицита и доступностью данного ресурса, развитостью каналов поставок и возможностью их быстрой диверсификации.

Оценки отраслевого финансового заражения

На основе полученных результатов в отношении странового финансового заражения логично предположить, что оно распространилось внутри экономик «заразившихся» стран. Здесь очевидна аналогия с биологическим заражением — попадая в организм человека, вирус запускает репликативный цикл. Только в экономических системах этот цикл наблюдается не внутри клеток, а через передачу шока от одного рынка, отрасли, сектора к другому рынку, отрасли или сектору.

¹ Complete energy balances, *Db.nomics.world*, URL: https://db.nomics.world/Eurostat/nrg_bal_c?tab=list (дата обращения: 12.10.2024).

² Филимонова, И. В., Проворная, И. В., Немов, В. Ю., Карташевич, А. А. 2023, Мировой рынок СПГ. Структурные особенности и прогноз развития, *Neftegaz.ru*, URL: <https://magazine.neftegaz.ru/articles/rynok/769892-mirovoy-rynok-spg-strukturnye-osobennosti-i-prognoz-razvitiya/?ysclid=m0yrqqc23m393718163> (дата обращения: 12.10.2024).

³ Armstrong, M. 2022, LNG in Europe: Ready or Not?, *Statista.com*, URL: <https://www.statista.com/chart/27837/european-lng-import-terminals/> (дата обращения: 12.10.2024).

⁴ Imports of oil and petroleum products by partner country, *Eurostat.eu*, URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/NRG_TI_OIL__custom_12261734/default/table?lang=en (дата обращения: 03.02.2024).

Для «заразившихся» семи стран мы получили дополнительные оценки заражения по линии «нефтегазовый рынок → отрасли или сектора национальной экономики». В расчетах использовались различные фондовые индексы России, Германии, Дании, Финляндии и котировки акций компаний Эстонии, Латвии и Литвы, входящих в ту или иную отрасль. Рассмотрение котировок акций как возможного трансмиссионного канала было обусловлено тем, что отраслевые индексы по данным странам не рассчитываются и не публикуются ввиду относительно небольшого числа компаний, акции которых размещены на фондовом рынке.

Схема получения оценок была аналогичной. Тестирование на ARCH-эффекты показало, что гипотеза о наличии ARCH-процессов не отвергается для всех пар анализируемых переменных. Итоговые результаты по фиксации отраслевого финансового заражения представлены в таблице 4.

Таблица 4

Результаты фиксации финансового заражения отдельных отраслей и секторов стран Балтийского региона со стороны нефтегазового рынка в период энергетического кризиса 2021 – 2022 гг. (проверка при 5 %-ном уровне значимости)

Отрасль или сектор экономики	DCC (докризисный период)		DCC (кризисный период)		t-тест, $t_{расч}$	u-тест, p-значение	z-тест, p-значение	Фиксация заражения
	Среднее	Медиана	Среднее	Медиана				
<i>Германия</i>								
Автомобилестроение	0,124	0,122	-0,204	-0,191	43,87	0,000	0,000	+
Банковский сектор	0,072	0,075	-0,253	-0,259	30,77	0,000	0,000	+
Химическая промышленность	0,149	0,152	-0,195	-0,172	24,56	0,000	0,000	+
Средства массовой информации	0,163	0,170	-0,192	-0,181	32,11	0,000	0,000	+
Технологии	0,060	0,064	-0,114	-0,103	24,29	0,000	0,000	+
Страхование	-0,065	-0,069	-0,167	-0,155	10,80	0,000	0,000	+
Транспорт и логистика	-0,014	-0,015	-0,194	-0,180	21,48	0,000	0,000	+
Промышленность	0,130	0,151	-0,217	-0,211	20,39	0,000	0,000	+
Здравоохранение	0,084	0,080	-0,150	-0,115	24,89	0,000	0,000	+
Розничная торговля	-0,043	-0,042	-0,204	-0,204	16,61	0,000	0,000	+
Программное обеспечение	0,045	0,043	-0,166	-0,168	20,27	0,000	0,000	+
Телекоммуникации	0,057	0,070	-0,089	-0,065	12,66	0,000	0,000	+
Коммунальные услуги	0,038	0,032	-0,190	-0,191	27,54	0,000	0,000	+
Финансовые услуги	0,047	0,056	-0,201	-0,206	29,14	0,000	0,000	+
Потребительский сектор	-0,031	-0,031	-0,208	-0,199	37,72	0,000	0,000	+
<i>Латвия</i>								
Технологии	-0,192	-0,124	-0,214	-0,183	0,068	0,259	0,000	-
Пищевая промышленность	0,164	0,199	-0,125	-0,116	23,37	0,000	0,000	+
Коммунальные услуги	0,196	0,197	0,092	-0,089	29,36	0,000	0,000	+
Здравоохранение	-0,089	-0,083	0,034	0,034	-6,56	0,000	0,000	-
Потребительский сектор	-0,170	-0,188	-0,063	-0,055	-6,28	0,000	0,000	-
Транспорт	-0,022	-0,023	-0,040	-0,038	1,35	0,000	0,000	-
<i>Литва</i>								
Телекоммуникационные услуги	0,130	0,111	-0,080	-0,074	10,25	0,000	0,000	-
Банковский сектор	-0,032	-0,032	-0,117	-0,117	5,99	0,000	0,000	+
Недвижимость	0,153	0,153	-0,037	-0,031	9,75	0,000	0,000	+

Окончание табл. 4

Отрасль или сектор экономики	DCC (докризисный период)		DCC (кризисный период)		t-тест, $t_{расч}$	u-тест, p-значение	z-тест, p-значение	Фиксация заражения
	Среднее	Медиана	Среднее	Медиана				
Туризм	0,174	0,157	-0,146	-0,141	22,89	0,000	0,000	+
Нефтегазовый сектор	-0,058	-0,077	-0,072	-0,075	0,87	0,816	0,000	+
Строительство	0,013	-0,032	-0,262	-0,216	10,84	0,000	0,000	+
Коммунальные услуги	-0,171	-0,171	-0,093	-0,090	-9,64	0,000	0,000	-
Пищевая промышленность	0,130	0,128	0,168	0,099	-1,30	0,568	0,011	-
Энергетический сектор	0,150	0,173	-0,169	-0,166	17,64	0,000	0,000	+
Текстильная промышленность	-0,037	-0,041	0,022	0,013	-1,98	0,000	0,000	-
<i>Финляндия</i>								
Телекоммуникации	0,029	0,032	-0,081	-0,048	9,25	0,000	0,000	+
Основные материалы	-0,052	-0,040	-0,180	-0,178	9,08	0,000	0,000	+
Здравоохранение	-0,135	-0,108	-0,077	-0,075	-2,67	0,088	0,000	-
Промышленность	-0,180	-0,107	-0,215	-0,225	1,66	0,000	0,000	-
Финансы	0,064	0,075	-0,105	-0,083	10,06	0,000	0,000	+
Технологии	-0,026	-0,026	-0,126	-0,130	8,18	0,000	0,000	+
Нефтегазовый сектор	0,053	0,054	-0,023	-0,012	12,40	0,000	0,000	+
Коммунальные услуги	0,008	0,014	-0,114	-0,123	6,48	0,000	0,000	+
<i>Эстония</i>								
Пищевая промышленность	-0,161	-0,164	0,008	0,006	-27,93	0,000	0,000	-
Текстильная промышленность	-0,056	-0,065	-0,137	-0,129	9,13	0,000	0,000	+
Недвижимость	0,061	0,071	-0,091	-0,069	13,62	0,000	0,000	+
Финансы	-0,009	-0,006	0,113	0,113	-9,71	0,000	0,000	-
Электрооборудование	0,038	0,034	-0,156	-0,151	17,45	0,000	0,000	+
Банковский сектор	0,019	0,048	-0,151	-0,152	13,23	0,000	0,000	+
Строительство	0,036	0,029	-0,217	-0,200	18,56	0,000	0,000	+
Розничная торговля	-0,015	-0,015	-0,180	-0,177	14,26	0,000	0,000	+
Транспорт	0,090	0,105	-0,161	-0,161	27,43	0,000	0,000	+
<i>Россия</i>								
Металлургия	-0,043	-0,056	-0,199	-0,208	10,61	0,000	0,000	+
Нефтегазовый сектор	0,146	0,117	-0,119	-0,113	32,50	0,000	0,000	+
Энергетика	-0,036	-0,100	-0,130	-0,132	7,35	0,000	0,000	+
Телекоммуникации	-0,053	-0,051	-0,129	-0,138	8,04	0,000	0,000	+
Потребительский сектор	0,020	-0,023	-0,173	-0,159	11,92	0,000	0,000	+
Химия и нефтехимия	-0,048	-0,020	-0,157	-0,157	8,59	0,000	0,000	+
Финансы	0,053	0,081	-0,149	-0,132	5,52	0,000	0,000	+
Транспорт	0,023	0,024	-0,174	-0,188	25,29	0,000	0,000	+
<i>Дания</i>								
Программное обеспечение	-0,040	-0,039	0,083	0,084	24,86	0,000	0,000	+
Потребительские товары	0,023	0,026	0,104	0,128	5,88	0,000	0,000	+
Здравоохранение	-0,182	-0,182	0,045	0,040	26,13	0,000	0,000	+
Недвижимость	0,001	0,012	0,028	0,026	2,93	0,016	0,000	+
Банковский сектор	0,183	0,191	0,098	0,123	-5,16	0,000	0,000	-
Технологии	-0,040	-0,039	0,083	0,083	24,67	0,000	0,000	+
Химическая промышленность	0,078	0,075	0,081	0,082	0,93	0,129	0,000	-
Нефтегазовый сектор	-0,013	-0,003	0,124	0,137	13,93	0,000	0,000	+
Финансовые услуги	-0,107	-0,018	-0,020	-0,033	5,25	0,006	0,000	+

Как видно из таблицы 4, финансовое заражение в период энергетического кризиса затронуло многие сектора экономики во всех странах. В большинстве случаев подверженными заражению оказались нефтегазовая и энергетическая отрасли, что согласуется с причинами и последствиями течения кризиса. При этом некоторые из секторов оказались более устойчивыми к заражению, чем другие. Так, невосприимчивость к финансовому заражению ряда секторов в Латвии (в частности, здравоохранения и технологий) можно объяснить их относительно невысокой зависимостью от внешних поставок энергоресурсов, а также высоким уровнем государственной поддержки. Банковская система в Дании является одной из самых надежных в мире, а развитие телекоммуникационной отрасли в Литве поддерживается стабильным спросом на соответствующие услуги со стороны домохозяйств и компаний. Поэтому данные сектора продемонстрировали резилентность к финансовому заражению. Однако в целом уязвимость рассмотренных секторов к энергетическому шоку оказалась высокой. Это предопределяет необходимость разработки антикризисных мер и проведения политики нейтрализации финансового заражения.

Отметим, что отраслевые фондовые рынки Эстонии, Латвии и Литвы недостаточно развиты и представлены небольшим числом фирм, котировки акций которых не дают полной картины отраслевой динамики фондового рынка. В связи с этим оценки заражения в отраслевом аспекте по ним не являются полноценными.

Антикризисная политика и противодействие финансовому заражению

Антикризисная политика в странах Балтийского региона стала реакцией правительств на энергетический шок 2021—2022 гг., который затронул домохозяйства и многие отрасли экономики. Были реализованы пакеты различных мер, касающиеся смягчения последствий роста цен на энергоресурсы. Эти меры включали в себя предоставление субсидий и компенсаций, дополнительное бюджетное финансирование возросших расходов, замораживание тарифов, снижение налоговой нагрузки, предоставление кредитов и банковских гарантий и т. п. Мы обобщили направления антикризисной политики по нашей выборке стран (за исключением России) и в краткой форме представили примеры конкретных мер в таблице 5.

Таблица 5

**Антикризисные меры в странах Балтийского региона
в период энергетического кризиса**

Страна	Антикризисные меры	
	Домохозяйства	Бизнес
Германия	Увеличение размера социальных пособий, оплата счетов за отопление, единовременные выплаты уязвимым категориям населения, субсидии на аренду жилья	Ограничение роста цен на энергоносители, субсидии энергетическим и торговым компаниям, крупная финансовая помощь коммунальной компании Uniper, новый формат аукционов на газ
Дания	Оплата счетов за электроэнергию, субсидии на ускоренную замену индивидуальных систем газового отопления, увеличение необлагаемой налогом суммы чека за отопление	Временное снижение тарифов на электроэнергию, предоставление энергетическим компаниям государственных кредитов
Латвия	Предоставление жилищных пособий, компенсация расходов за ЖКУ, социальные выплаты	Компенсация цен на газ «пропан-бутан» и дизельное топливо сверх порогового уровня

Окончание табл. 5

Страна	Антикризисные меры	
	Домохозяйства	Бизнес
Литва	Выплата компенсаций из-за роста цен на электроэнергию и газ, увеличение скидок для потребителей солнечной энергии	Дополнительные инвестиции в электроэнергетику, поддержка бизнес-инициатив по внедрению солнечных, ветряных и электрических аккумуляторных батарей, налоговые льготы
Польша	Заморозка цен на электроэнергию и газ, субсидирование покупки угля для отопления	Снижение ставок НДС на энергоресурсы, выплата компенсаций газовым компаниям, ужесточение денежно-кредитной политики
Финляндия	Субсидии и налоговые вычеты на коммунальные и транспортные расходы	Гранты сельскохозяйственным предприятиям, банковские гарантии предприятиям ЖКХ, снижение ставок НДС на услуги предприятий пассажирского транспорта, компенсация расходов компаниям рыбной отрасли
Швеция	Выплата компенсаций из-за роста цен на электроэнергию, увеличение жилищных пособий для семей с детьми	Установка верхнего предела цен на электроэнергию, снижение налогов на топливо, предоставление банковских гарантий предприятиям ЖКХ
Эстония	Субсидии малообеспеченным семьям на коммунальные расходы, потолок тарифов на электроэнергию и газ	Снижение платежей за электроэнергию, инвестиционные гранты на энергетическую безопасность в промышленности

Составлено по материалам [28–31].

Очевидно, что данные меры потребовали масштабного организационного, правового и финансового обеспечения. Самые большие затраты понесло правительство Германии. Так, в сентябре 2022 г. было объявлено о выделении 65 млрд евро в рамках только одного пакета мер, направленных на поддержку общеевропейского ограничения прибыли энергетических компаний, на снижение цен на электроэнергию, а также на субсидии электросетям для сдерживания роста цен. В рамках реализуемой программы были также осуществлены единовременные выплаты (300 евро пенсионерам и 200 евро студентам университетов), увеличены субсидии на аренду жилья, размеры детских пособий и иных социальных выплат. Схожие программы, но с гораздо меньшими суммами финансирования были реализованы и в других странах. Например, правительство Литвы сделало ряд шагов по компенсации расходов пострадавшим потребителям электроэнергии и газа в связи с быстро растущими ценами на них. Максимальная компенсация цены на электроэнергию была установлена на уровне 0,285 евро/кВт·ч, а компенсация цены на газ — на уровне 0,99 евро/м³. В бюджете на 2022 г. на эти цели было выделено 973 млн евро, из которых около 570 млн направлено домохозяйствам. Кроме того, в Литве стала активно проводиться политика перехода на использование солнечной энергии. В частности, в 2022 г. в случае использования потребителями солнечной энергии бюджет скидок для них вырос с 5 млн евро до 35 млн, что позволило увеличить число таких потребителей более чем в два раза. Общая мощность ежемесячного потребления солнечной энергии в декабре 2022 г. достигла 572,3 МВт против 261,8 МВт в январе 2022 г. [28].

Что касается противодействия финансовому заражению, то его следует увязывать с каналами самой передачи. При трансмиссии заражения по торговому каналу политика может проводиться в форме ограничений или даже полного запрета импорта, по каналу трансграничного кредитования — ограничений финансового

левериджа и жестких требований к банковскому капиталу. Поскольку мы в данной работе фиксировали факты финансового заражения по каналу фондового рынка, то здесь на передний план выходят меры в отношении портфельных инвестиций. В [32] показано, что в данном случае эффективными инструментами противодействия являются контроль за движением капитала, покупка правительством или Центральным банком портфельных активов, их гарантирование, обеспечение такой работы финансовых рынков, чтобы они были устойчивы к внешним шокам (например, посредством сделок РЕПО или кредитования участников рынка под залог ценных бумаг). Эти инструменты могут применяться и к странам Балтийского региона, ставшим реципиентами финансового заражения. Этим странам важно обеспечить сбалансированность международных портфельных инвестиций, осуществлять диверсификацию своих вложений. Правительствам следует отслеживать макроэкономические связи с другими странами, а также создавать механизмы защиты инвесторов, которые помогут им избежать крупных финансовых потерь в случае распространения заражения.

В контексте энергетического кризиса европейские меры по противодействию финансовому заражению являются частью реформирования энергетического рынка, начавшегося в сентябре 2022 г. Цель реформы заключается в снижении для потребителей, промышленности и инвесторов рисков, которые постоянно возникают на различных рынках в связи повышенной волатильностью цен на энергоресурсы [33]. Сегодня уже можно увидеть некоторые результаты европейской антикризисной политики в части диверсификации поставок энергоресурсов. Так, в первом полугодии 2022 г. импорт сжиженного природного газа из-за пределов РФ (США, Канада, Норвегия) увеличился на 19 млрд м³ по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Расширено сотрудничество с Азербайджаном, особенно в отношении южного газового коридора, подписан Трехсторонний меморандум о взаимопонимании с Египтом и Израилем по экспорту газа, возобновлен энергетический диалог с Алжиром, продолжено сотрудничество с крупнейшими производителями в Персидском заливе. Кроме того, в ЕС создана платформа для совместных закупок газа, что позволяет максимально использовать коллективную покупательную способность стран-членов. Целью создания подобного механизма добровольной координации является получение более выгодных цен, улучшение прозрачности и поддержка тех государств-членов, которым из-за нехватки финансовых ресурсов требуется помощь в закупках газа.

В целом принятые странами антикризисные меры способствовали стабилизации цен на энергоресурсы, снижению их волатильности. В условиях глобальной нестабильности они были полезны с точки зрения противодействия кризису, в том числе странам, в которых заражение нами не зафиксировано. Шоки глобального характера и сильная взаимосвязанность экономик ЕС, а также политика, основанная на единых принципах, обусловили необходимость принятия этих мер на национальном уровне. Это способствовало не только противодействию финансовому заражению, но и предупреждению его в отдельных странах, то есть имело профилактическое действие.

Заключение

Энергетический кризис 2021—2022 гг. стал серьезным испытанием для экономик стран Балтийского региона. Результаты нашего исследования выявили факты финансового заражения в страновом и отраслевом разрезе. Зависимость от импорта российских энергоресурсов и неразвитость собственной энергетической инфраструктуры привели к тому, что большинство стран Балтийского региона оказались восприимчивыми к энергетическому шоку, пришедшему прежде всего со стороны газового рынка. Однако благодаря принятым правительственными мерам удалось

смягчить последствия кризиса и защитить финансовую систему от системного заражения. Вместе с тем кризис показал необходимость диверсификации энерго-ресурсов и развития возобновляемых источников энергии, что позволит странам Балтийского региона стать более устойчивыми к будущим потрясениям на мировом энергетическом рынке.

Для исследований процессов фиксации финансового заражения возможно использование других подходов, в частности методологии Diebold-Yilmaz для построения VAR-моделей. Данная методология помогает уловить динамику временных взаимосвязей и оценить, как изменения на одном рынке могут повлиять на другие рынки [34]. Ее использование позволило бы выявить страны и отрасли, в отношении которых заражение фиксируется «в первую очередь» или «с запозданием». Такая информация представляет интерес при выработке антикризисной политики, а также при принятии в отношении финансового заражения предупредительных мер.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №24-28-00124, <https://rscf.ru/project/24-28-00124/>. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия.

Список литературы / References

1. El Khoury, R., Nasrallah, N., Hussainey, K., Assaf, R. 2023, Spillover analysis across FinTech, ESG, and renewable energy indices before and during the Russia—Ukraine war: International evidence, *Journal of International Financial Management & Accounting*, vol. 34, №2, p. 279—317, <https://doi.org/10.1111/jifm.12179>
2. Kamal, M. R., Ahmed, S., Hasan, M. M. 2023, The impact of the Russia—Ukraine crisis on the stock market: Evidence from Australia, *Pacific-Basin Finance Journal*, vol. 79, p. 102036, <https://doi.org/10.1016/j.pacfin.2023.102036>
3. Zakeri, B., Paulavets, K., Barreto-Gomez, L., Echeverri, L. G., Pachauri, S., Boza-Kiss, B., Zimm, C., Rogelj, J., Creutzig, F., Ürge-Vorsatz, D., Victor, D. G., Bazilian, M. D., Fritz, S., Gielen, D., McCollum, D. L., Srivastava, L., Hunt, J. D., Pouya, S. 2022, Pandemic, war, and global energy transitions, *Energies*, vol. 15, p. 6114, <https://doi.org/10.3390/en15176114>
4. Kayani, U. N., Hassan, M. K., Moussa, F., Hossain, G. F. 2023, Oil in crisis: What can we learn, *The Journal of Economic Asymmetries*, vol. 28, e00339, <https://doi.org/10.1016/j.jeca.2023.e00339>
5. Kola-Bezka, M. 2023, One size fits all? Prospects for developing a common strategy supporting European Union households in times of energy crisis, *Energy Reports*, vol. 10, p. 319—332, <https://doi.org/10.1016/j.egyr.2023.06.039>
6. Martínez-García, M., Ramos-Carvajal, C., Cámara, Á. 2023, Consequences of the energy measures derived from the war in Ukraine on the level of prices of EU countries, *Resources Policy*, vol. 86, 104114, <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2023.104114>
7. Gritz, A., Wolff, G. 2024, Gas and energy security in Germany and central and Eastern Europe, *Energy Policy*, vol. 184, p. 113885, <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2023.113885>
8. Mišik, M., Nosko, A. 2023, Each one for themselves: Exploring the energy security paradox of the European Union, *Energy Research & Social Science*, vol. 99, 103074, <https://doi.org/10.1016/j.erss.2023.103074>
9. Zakeri, B., Staffell, I., Dodds, P. E., Grubb, M., Ekins, P., Jääskeläinen, J., Cross, S., Helin, K., Gisse, G. C. 2023, The role of natural gas in setting electricity prices in Europe, *Energy Reports*, vol. 10, p. 2778—2792, <https://doi.org/10.1016/j.egyr.2023.09.069>
10. Sattich, T., Morgan, R., Moe, E. 2022, Searching for energy independence, finding renewables? Energy security perceptions and renewable energy policy in Lithuania, *Political Geogr.*, vol. 96, 102656, <https://doi.org/10.1016/j.polgeo.2022.102656>
11. Sivonen, M. H., Kivimaa, P. 2024, Politics in the energy-security nexus: an epistemic governance approach to the zero-carbon energy transition in Finland, Estonia, and Norway, *Environmental Sociology*, vol. 10, №1, p. 55—72, <https://doi.org/10.1080/23251042.2023.2251873>
12. Liobikienė, G., Liobikas, J., Miceikienė, A. 2024, How the attitudes and perception of war in Ukraine and environmental aspects have influenced selection of green electricity in Lithuania, *Journal of Cleaner Production*, vol. 434, 140057, <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2023.140057>

13. Lakos, G., Szendrei, T. 2017, Explanations of Asset Price Bubbles, *Financial and Economic Review*, vol. 16, № 4, p. 122—150, <http://doi.org/10.25201/FER.16.4.122150>
14. Kuusk, A., Paas, T., Viikmaa, K. 2011, Financial contagion of the 2008 crisis: Is there any evidence of financial contagion from the US to the Baltic states, *Eastern Journal of European Studies*, vol. 2, № 2, p. 61—76.
15. Amundsen, E., Arnt, H. 2005, Contagion risk in the Danish Interbank market, *Danmarks Nationalbank Working Papers*, vol. 29, p. 1—26, URL: <http://hdl.handle.net/10419/82331> (accessed 03.02.2024).
16. Mohti, W., Dionísio, A., Vieira, I. 2019, Ferreira, P. Financial contagion analysis in frontier markets: Evidence from the US subprime and the Eurozone debt crises, *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*, vol. 525, p. 1388—1398, <https://doi.org/10.1016/j.physa.2019.03.094>
17. Masood, O., Bellalah, M., Chaudhary, S., Mansour, W., Teulon, F. 2010, Cointegration of Baltic stock markets in the financial Tsunami: Empirical evidence, *International Journal of Business*, vol. 15, № 1, p. 119—132.
18. Sultanaeva, A. 2008, Impact of political news on the Baltic state stock markets, *Umea Economic Studies*, vol. 735, p. 1—21.
19. Dubinskas, P., Stunguriene, S. 2010, Alterations in the financial markets of the Baltic countries and Russia in the period of economic downturn, *Technological and Economic Development of Economy*, vol. 16, № 3, p. 502—515, <https://doi.org/10.3846/tede.2010.31>
20. Deltuvaitė, V. 2016, Cross-border contagion risk transmission through stock markets channel: The case of the Baltic countries, *Financial Environment and Business Development*, vol. 4, p. 43—54, https://doi.org/10.1007/978-3-319-39919-5_4
21. Alexakis, P.D., Kenourgios, D., Dimitriou, D. 2016, On emerging stock market contagion: The Baltic region, *Research in International Business and Finance*, vol. 36, p. 312—321, <https://doi.org/10.1016/j.ribaf.2015.09.035>
22. Klemeshev, A.P., Korneevets, V.S., Palmowski, T., Studzieniecki, T., Fedorov, G.M. 2017, Approaches to the definition of the Baltic Sea region, *Baltic Region*, vol. 9, № 4, p. 7—28, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2017-4-1>
23. Engle, R. 2002, Dynamic Conditional Correlation: A simple class of multivariate generalized autoregressive conditional heteroskedasticity models, *Journal of Business & Economic Statistics*, vol. 20, № 3, p. 339—350, <https://doi.org/10.1198/073500102288618487>
24. Асатуров, К.Г., Теплова, Т.В. 2014, Эффекты перетекания волатильности и заражения на фондовых рынках: определение глобальных и локальных лидеров (часть 2), *Вестник Московского университета. Сер. 6: Экономика*, № 6, с. 3—34, <https://doi.org/10.38050/01300105201461>
- [Asaturov, K., Teplova, T., 2014, Volatility spillover and contagion effects on stock markets: Global and Local Leaders Determination (Part 2), *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika*, vol. 6, p. 3—34, <https://doi.org/10.38050/01300105201461>]
25. Пивницкая, Н.А., Теплова, Т.В. 2021, DCC-GARCH-модель для выявления долгосрочного и краткосрочного эффектов финансового заражения в ответ на обновление кредитного рейтинга, *Экономика и математические методы*, т. 57, № 1, с. 113—123, <https://doi.org/10.31857/S042473880014080-7>
- [Pivnitckaya, N.A., Teplova, T. 2021, DCC-GARCH-model for identifying long-term and short-term effects of financial contagion in response to the credit rating updates, *Economics and Mathematical Methods*, vol. 57, № 1, p. 113—123, <https://doi.org/10.31857/S042473880014080-7>]
26. Liobikienė, G., Matiuk, Y., Krikštolaitis, R. 2023, The concern about main crises such as the COVID-19 pandemic, the war in Ukraine, and climate change's impact on energy-saving behavior, *Energy Policy*, vol. 180, 113678, <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2023.113678>
27. Johnson, S., Rachel, L., Wolfram, C. 2023, Design and implementation of the price cap on Russian oil exports, *Journal of Comparative Economics*, vol. 51, № 4, p. 1244—1252, <https://doi.org/10.1016/j.jce.2023.06.001>
28. Sgaravatti, G.S., Tagliapietra, Trasi, C., Zachmann, G. 2021, National fiscal policy responses to the energy crisis, *Bruegel Datasets*, URL: <https://www.bruegel.org/dataset/national-policies-shield-consumers-rising-energy-prices> (дата обращения: 02.09.2024).
29. Sperber, E., Frey, U., Bertsch, V. 2024, Turn down your thermostats — A contribution to overcoming the European gas crisis? The example of Germany, *Heliyon*, vol. 10, № 2, e23974, <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2024.e23974>
30. Prokopowicz, D. 2023, Energy crisis of 2022 in Poland as a result of the war in Ukraine and years of neglect in the development of renewable energy sources, *International Journal of New Economics and Social Sciences*, vol. 17, № 1, <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.33873.30568>

31. Fabra, N. 2023, Reforming European electricity markets: Lessons from the energy crisis, *Energy Economics*, vol. 126, 106963, <https://doi.org/10.1016/j.eneco.2023.106963>

32. Forbes, K. J. 2012, The «Big C»: Identifying contagion, *NBER Working Paper Series*, vol. 18465, <https://doi.org/10.3386/w18465>

33. Cebotari, L., Paierele, A. 2023, The energy crisis and the measures taken by the European Union to Overcome It, *Geopolitical perspectives and technological challenges for sustainable growth in the 21st century*, p. 663—671, <https://doi.org/10.2478/9788367405546-061>

34. Diebold, F. X., Yilmaz, K. 2009, Measuring financial asset return and volatility spillovers, with application to global equity markets, *The Economic Journal*, vol. 119, № 534, p. 158—171, <https://doi.org/10.1111/j.1468-0297.2008.02208.x>

Об авторах

Андрей Михайлович Терехов, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Россия; доцент, Российский государственный университет правосудия, Россия.

E-mail: terehoff.t@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2356-4533>

Антон Олегович Овчаров, доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Россия.

E-mail: anton19742006@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4921-7780>

 Представлено для возможной публикации в открытом доступе в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution – Noncommercial – NoDerivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CCBY-NC-ND4.0)

TRANSMISSION OF FINANCIAL CONTAGION IN THE BALTIC SEA REGION COUNTRIES DURING THE ENERGY CRISIS OF 2021 – 2022

A. M. Terekhov^{1,2}

A. O. Ovcharov¹

¹ Lobachevsky Nizhny Novgorod State University,
23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, 603022, Russia

² Russian State University of Justice,
69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russia

Received 02 February 2024

Accepted 22 October 2024

doi: 10.5922/2079-8555-2025-1-8

© Terekhov, A. M., Ovcharov, A. O., 2025

The global energy crisis of 2021–2022 significantly impacted the financial markets of many countries. The shock of price volatility in the oil and gas market triggered the transmission of crisis processes across various European countries, including those in the Baltic Sea region.

To cite this article: Terekhov, A. M., Ovcharov, A. O. 2025, Transmission of financial contagion in the Baltic Sea region countries during the energy crisis of 2021–2022, *Baltic Region*, vol. 17, №1, p. 141–161.
doi: 10.5922/2079-8555-2025-1-8

This article analyses the effects of the energy crisis on these countries using the financial contagion methodology. The study aimed to estimate the financial contagion that spread through stock market channels in the Baltic Sea region during 2021–2022, as well as to systematize measures aimed at mitigating the consequences of the energy crisis and countering financial contagion. Using statistical analysis methods, the current state of the energy market in the Baltic region and its response to the conflict between Russia and Ukraine were examined. By reviewing a range of publications on the Baltic countries, evidence of financial contagion that emerged in different years under the influence of various shocks was identified. The financial contagion methodology was implemented by constructing DCC-GARCH models and estimating contagion effects using specialized test statistics. The calculations revealed that the energy crisis led to financial contagion in the markets of most Baltic Sea region countries. The study identified the causes of these countries' vulnerability to financial contagion and provided additional estimates of contagion from a sectoral perspective. This allowed for conclusions to be drawn regarding the resilience of individual economic sectors to the crisis. The varying degrees of exposure to financial contagion were explained by differences in dependence on external energy supplies and the nature of anti-crisis policies. The paper systematized a set of specific anti-crisis measures for households and businesses in the Baltic Sea region and outlined strategies for countering financial contagion.

Keywords:

Baltic Sea region, financial contagion, energy crisis, volatility, DCC-GARCH model, anti-crisis policy

The authors

Dr Andrey M. Terekhov, Senior Researcher, Lobachevsky Nizhny Novgorod State University; Associate Professor, Russia Russian State University of Justice, Russia.

E-mail: terehoff.t@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2356-4533>

Prof Anton O. Ovcharov, Chief Researcher, Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Russia.

E-mail: anton19742006@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4921-7780>

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution – Noncommercial – No Derivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CC BY-NC-ND 4.0)

Правила публикации статей в журнале

1. При подаче рукописи в журнал авторы подтверждают, что
— работа не была опубликована ранее в другом журнале;
— не находится на рассмотрении в другом журнале;
— все соавторы одобрили текст рукописи и согласны с ее публикацией в журнале «Балтийский регион».

Выявленные нарушения могут стать причиной снятия рукописи с рассмотрения. В случае если факт нарушения будет обнаружен после публикации статьи, редакция оставляет за собой право отзыва (ретракции) публикации.

2. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы.

3. Все присланные в редакцию работы проходят двойное «слепое» рецензирование, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал.

4. Плата за публикацию рукописей не взимается.

5. Статьи на рассмотрение принимаются в режиме онлайн: <https://balticregioneditorial.kantiana.ru/jour/index>.

6. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

Комплектность и форма представления авторских материалов

Рекомендованный объем статьи — 40—50 тыс. знаков с пробелами.

Статья должна содержать следующие элементы:

1) название статьи на русском и английском языках (до 12 слов);
2) аннотацию на русском и английском языках (150—250 слов), оформленную в соответствии с международными стандартами и включающую:

- актуальность исследования;
- цель научного исследования;
- описание методологии исследования;
- основные результаты, выводы исследовательской работы.

В аннотации не должен повторяться текст самой статьи (нельзя брать предложения из статьи и переносить их в аннотацию), а также ее название. В ней не должно быть цифр, таблиц, внутритекстовых сносок и т. д.;

3) ключевые слова на русском и английском языках (4—8 слов);

4) список литературы должен составлять не менее 30 источников, не менее 50 % которых должны представлять современные (не старше 10 лет) публикации в международных изданиях. Оптимальный уровень самоцитирования автора — не выше 10 % от списка использованных источников.;

5) пристатейные библиографические списки оформляются на языке оригинала и на латинице в соответствии с Harvard System of Referencing Guide;

6) сведения об авторах на русском и английском языках (Ф. И. О. полностью, ученые степени, звания, должность, место работы (организация, город, страна), почтовый адрес, e-mail, ORCID);

7) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены в электронной форме в формате листа А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате doc и docx (Microsoft Office).

Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте <https://balticregion.kantiana.ru/jour/rules/>

BALTIC REGION

2025
Volume 17
№ 1

Kaliningrad :
I. Kant Baltic Federal
University Press, 2025.
166 p.

The journal
was established in 2009

Frequency:

quarterly
in the Russian and English
languages per year

Founders

Immanuel Kant Baltic
Federal University

Saint Petersburg
State University

Editorial Office

Address:
14 A. Nevskogo St.,
Kaliningrad, Russia, 236041

Managing editor:

Tatyana Kuznetsova
tikuznetsova@kantiana.ru

www.journals.kantiana.ru

© I. Kant Baltic Federal
University, 2025

Editorial council

Prof **Andrei P. Klemeshev**, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (Editor in Chief); Dr **Tatyana Yu. Kuznetsova**, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (Deputy Chief Editor); Prof Dr **Joachim von Braun**, University of Bonn, Germany; Prof **Irina M. Busygina**, Saint Petersburg Branch of the Higher School of Economic Research University, Russia; Prof **Aleksander G. Druzhinin**, Southern Federal University, Russia; Prof **Mikhail V. Ilyin**, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Russia; Dr **Pertti Joenniemi**, University of Eastern Finland, Finland; Dr **Nikolai V. Kaledin**, Saint Petersburg State University, Russia; Prof **Konstantin K. Khudolei**, Saint Petersburg State University, Russia; Prof **Frederic Lebaron**, Ecole normale superieure Paris-Saclay, France; Prof **Vladimir A. Kolosov**, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Russia; Prof **Gennady V. Kretinin**, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia; Prof **Andrei Yu. Melville**, National Research University — Higher School of Economics, Russia; Prof **Nikolai M. Mezhevich**, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Russia; Prof **Peter Oppenheimer**, Oxford University, United Kingdom; Prof **Tadeusz Palmowski**, University of Gdansk, Poland; Prof **Andrei E. Shastitko**, Moscow State University, Russia; Prof **Aleksander A. Sergunin**, Saint Petersburg State University, Russia; Prof **Eduardas Spiriajevas**, Klaipeda University, Lithuania; Prof **Daniela Szymańska**, Nicolaus Copernicus University in Torun, Poland; Dr **Viktor V. Voronov**, Daugavpils University, Latvia.

CONTENTS

Politics and International relationships

- Eremina, N. V.* The Baltic region in the British security strategy after the beginning of the Russia special military operation 4
- Lanko, D. A., Nemirova, N. V., Zotova, D. A.* Baltic states on the way towards energy isolationism: united or divided? 19
- Bukovska, M. V., Shaparov, A. E., Pitukhina, M. A.* Political representation of the Sámi in the countries of Northern Europe 44

Society

- Agafoshin, M. M., Gorokhov, S. A., Dmitriev, R. V.* Descendants from African countries in Denmark: territorial and organizational aspects of settlement in the 2010s to early 2020s 65
- Talalaeva, E. Yu., Pronina, T. S.* Ethnic and religious aspects of immigration processes in Finland 82
- Khorolskaya, M. V.* Why do East Germans feel affinity towards Russia: an analysis of attitudes to Russia in Germany's Eastern federal states 99
- Kurilova, A. A.* Analysis of the convergence of digital inequality across Russian region 117

Economy

- Terekhov, A. M., Ovcharov, A. O.* Transmission of financial contagion in the Baltic Sea region countries during the energy crisis of 2021 – 2022 141

Научное издание

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

—

2025

Том 17

№ 1

Редактор *Е. Т. Иванова*
Компьютерная верстка *Е. В. Денисенко*

Подписано в печать 04.03.2025 г.
Формат 70 × 108 1/16. Усл. печ. л. 14,6
Тираж 300 экз. (1-й завод 50 экз.). Заказ 29
Свободная цена

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14